

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

На правах рукописи

Сюй Чжэнюй

**Сопоставление зооморфных метафорических номинаций
китайского и русского языков
(на материале басен И.А. Крылова и их переводов на китайский язык)**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Денисенко В.Н.

МОСКВА
2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Нарратив и мораль в баснях И.А. Крылова: содержательные и композиционные лингвистические аспекты.....	11
1.1. Особенности композиции и лингвистические характеристики басен И.А. Крылова.....	11
1.2. Басни И.А. Крылова как пример авторского отражения русской картины мира.....	20
1.3. Функции и семантика зооморфных номинаций в баснях И.А. Крылова	29
1.4. Использование метафоры и других фигур речи для раскрытия образности в баснях	38
1.5. Сопоставительный анализ русских и китайских зоонимов.....	48
Выводы по главе I.....	50
Глава II. Семантические компоненты зоонимов в русских текстах басен И.А. Крылова	54
2.1. Словарные значения зоонимов в толковых словарях русского языка	54
2.2. Контекстуальные и текстовые изменения словарных значений русских зоонимов в баснях И.А. Крылова	66
2.3. Образные антропоморфные характеристики зооморфных номинаций в текстах басен И.А. Крылова.....	74
2.4. Сопоставление зооморфных образов и образов людей в текстах басен И.А. Крылова	85
Выводы по главе II	90
Глава III. Функционирование и семантика зооморфных номинаций в китайских текстах басен и сказок.....	93
3.1. Словарные значения зоонимов в словарях китайского языка	94
3.2. Текстовые особенности семантики зоонимов в китайских баснях и сказках	101

3.3. Сопоставительный анализ оригиналов басен И.А. Крылова и их переводов на китайский язык.....	110
3.4. Сходства и различия в семантике зоонимов в русском и китайском языках с точки зрения передачи образности	116
3.5. Функции фигур речи в переводах на китайский язык басен И.А. Крылова о животных.....	132
Выводы по главе III	144
Заключение.....	146
Список литературы	151

Введение

Работа посвящена сопоставительному анализу зооморфных метафорических номинаций китайского и русского языков на материале оригинальных басен И.А. Крылова и их переводов на китайский язык.

Актуальность данного исследования обусловлена несколькими факторами:

1) отсутствием сопоставительных исследований, посвященных текстовым функциям зоонимов в художественных произведениях в жанре басни;

2) недостаточной разработанностью метафорической функции зооморфных номинаций в русском и китайском языках;

3) значительным интересом современных лингвистов к вопросам соотношения концептуального и семантического уровней зоонимов в тексте;

4) малоизученностью проблем перевода басен И.А. Крылова на китайский язык.

В «Словаре литературоведческих терминов (онлайн)» басня определяется как «малый повествовательный (эпический) жанр: короткий рассказ в стихах или прозе с четко сформулированной моралью, сатирический по направленности, имеющий поучительный смысл» [rus-literary-criticism.slovar online.com (дата обращения: 12.11.21)] Как полагают, синонимами для обозначения этого жанра являются следующие: аполог, бабьи сказки, байка, басенка, баснь, вранье, выдумка, вымысел, досужая выдумка, легенда, миф, небывальщина, небылица, неправда, побасенка, побаска, росказни, сказка, сказки, сказочка [там же]. Этот ряд синонимов отсылает к фольклору и даже к устной его форме – байка, росказни, небылица и др. В целом, по мнению В.Г. Белинского, «басня должна быть маленькою повестью, драмой с лицами и характерами, поэтически очерченными» [Белинский, 1913: 790].

Персонажами басен часто выступают животные, что, с одной стороны, отражено в названиях особенно авторских басен, например, И.А. Крылова:

«Ворона и лисица», «Волк и волчонок», «Гуси», «Лебедь рак и щука», «Слон на воеводстве» и др. Подобные зоономинии (зоонимы) уже в названии намекают на основные приемы иносказания: олицетворения, аллегии и образный параллелизм. В авторской басне каждое животное, точнее, образ животного, имеет свой собственный характер, например: *проказница-мартышка*, *косопалый мишка* из басни Крылова «Квартет».

Басня – древний литературный жанр, основанный на традициях фольклора. Зачастую будучи по форме произведением поэтическим, басня несет в себе эмоциональность, ритм, яркие образные языковые средства, при этом сохраняя уникальность – наличие морали, нравоучения, выраженного иносказательно. Несмотря на то, что сюжеты отдельных басен восходят к античности и другим историческим периодам (Эзоп, Лафонтен и др.) и используют зоонимы метафорически для характеристики человека и его поступков, сами басни и образы, созданные И.А. Крыловым, служат примером авторского отражения культурных особенностей и представлений, существующих в русской языковой картине мира.

Басни И.А. Крылова уникальны в своем жанре, поскольку именно в них присутствуют амбивалентные персонажи, наделенные сложными характерами; эти персонажи предстают антагонистами друг другу; автор допускает отклонения от устойчивой семантической доминанты образов, что позволяет не только проследить типичные признаки поведения животных, но и понаблюдать и сравнить их с поведением человека.

Животные в русской и китайской языковых картинах мира имеют и сходства, и различия, которых существенно больше. Исследование басен И.А. Крылова на материале их переводов на китайский язык имеет особую важность, поскольку басни опираются на опыт того или иного народа, на традиционные и религиозно-исторические ценности, например, на зодиакальные знаки китайского гороскопа, и таким образом несут в себе культурно-национальную специфику. В процессе перевода устанавливаются языковые параллели и с точки зрения формы, и с точки зрения использования языковых средств для

адекватного отражения содержания оригинального текста.

Объектом исследования являются зоономинации в текстах басен И.А. Крылова и их переводах на китайский язык.

Предметом исследования являются сходства и различия в семантическом наполнении зоономинаций в сопоставляемых языках.

Материалом для исследования послужили 60 зоонимов из 209 басен И.А. Крылова, включая их контекстные употребления, полученные методом сплошной выборки. Анализируемые басни вошли в сборник «Басни в девяти книгах» (1843), а также в сборники басен И.А. Крылова в переводах на китайский язык Ли Бинчжи (李秉之 1925), Синь Вэйая (辛未艾 1992), Хань Гуйляна (韩桂良 1994), Чэнь Цьюаня (陈次园 1985).

Степень научной разработанности темы иллюстрируется теоретико-методологическими принципами, представленными в трудах российских и зарубежных ученых:

- в области сопоставления русских и китайских зоонимов: М.А. Гаврилюк, Вэй Ло, Сюэфэй Ван, Цзин Чэн, Чуаньтин Цзюй, Шуфан Ван;
- в области функции зооморфных метафорических номинаций: Н.Д. Арутюнова, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, О.И. Глазунова, Э.А. Кацитадзе;
- в области семантического анализа зоонимов: Е.В. Болгова, Е.Е. Иванов, А.А. Киприянова, О.Г. Кобжицкая, О.А. Корнилов, Ж.В. Марфина, Н.В. Солнцева, В.Н. Телия, О.В. Шкуран;
- в области китайских переводческих исследований: Бинчжи Ли, Пэй Цзян, Цьюань Чэнь, Цунсяо Юй, Хань Гуйлян.
- в области лексикографических исследований: А.К. Бирих, Д.Б. Гудков, М.А. Гаврилюк, В.И. Даль, Т.В. Козлова, Н. А. Курашкина, А.С. Маслов, Е.В. Метельская, В.М. Мокиенко, Е.С. Яковлева.

Научная новизна заключается в том, что в диссертации впервые были определены совпадения и расхождения в семантике зоонимов русского и китайского языков. Кроме того, впервые проведен сопоставительный анализ национальной специфики зооморфных номинаций в русском и китайском

языках на материале басен И.А. Крылова.

Цель исследования заключается в выявлении и описании специфики семантических компонентов зоонимов в русских и китайских текстах басен И.А. Крылова.

Для достижения указанной цели определены следующие **задачи**:

- 1) проанализировать теоретические лингвистические работы в области семантического анализа зоонимов;
- 2) определить основные функции зооморфных номинаций в русском и китайском языках;
- 3) выделить ядерные и периферийные компоненты зоонимов в русских текстах басен И.А. Крылова и их переводах на китайский язык;
- 4) провести сопоставительный семантический анализ оригиналов басен И.А. Крылова и их переводов на китайский язык;
- 5) исследовать национально-культурную специфику зооморфных номинаций в русском и китайском языках.

Для решения поставленных задач были использованы следующие **методы**:

- общенаучные – классификация, описание, метод сплошной выборки;
- лингвистические – метод анализа словарных значений; контекстуальный анализ; лингвокультурологический анализ; сопоставительный семантический анализ, установление эквивалентности перевода и оригинала.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Жанр басни обладает миромоделирующим потенциалом, который иллюстрируют тексты басен И.А. Крылова.
2. Использование зооморфных номинаций отражает образную структуру национальной лингвокультуры, так как транслирует стереотипное представление о поведении животных.
3. Зоонимы играют важную роль в формировании и развитии языковой картины мира, поскольку кодируют элементы ментальности и особенности взаимодействия людей в социуме.

4. Отбор языковых единиц-зоонимов в басне как литературном жанре, базирующемся на аллегории, осуществляется на основе восприятия человеком животного мира, а также на основе социокультурных образов животных. Воспроизводя внешний облик и описывая повадки животного, И.А. Крылов также опирается на его мифологический и фольклорный образ, закрепленный в русской лингвокультуре.

5. В семантической структуре зоонимов выделяются ядерные и периферийные компоненты.

6. На основании типичных характеров и повадок животных-персонажей И.А. Крылов создает множество ярких зоометафор: писатель соотносит известные повадки и нравы животных с поступками и характерами людей.

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в разработку проблем сопоставительной семантики, теории метафоры, лингвистической теории художественного текста. Выводы и положения работы могут быть использованы в дальнейшей разработке теоретических вопросов общего языкознания, переводоведения и лингвокультурологии.

Практическая ценность настоящей работы заключается в возможности использования материалов исследования на занятиях по лексикологии, лингвокультурологии, сопоставительной лингвистике, теории и практике перевода. Также материал исследования может быть использован в создании лингвокультурологических учебных пособий с целью расширения кругозора учащихся и их мотивации к дальнейшим исследованиям или переводческой деятельности. Помимо этого, настоящее исследование может стать основой для более глубокого анализа семантики басенных текстов творчества И.А. Крылова и составления учебных словарей.

Теоретической базой исследования послужили работы о сопоставлении зооморфных метафорических номинаций (Н.Д. Арутюнова, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, Яньминь Гоу, О.И. Глазунова, Ли Имо, В.М. Мокиенко, Н.В. Николаева, Юй Цунсяо и др.); о принципах отбора языковых фактов (Е.В. Болгова, Д.Б. Гудков, А.А. Киприянова, О.Г. Кобжицкая, О.А. Корнилов, Н.В.

Солнцева и др.); об образной структуре текста (Н.Д. Арутюнова, Л.Г. Бабенко, М.Л. Новикова и др.); об интерпретации текста (О.В. Ломакина, Е.Н. Нагорная, Ц.Ц. Огдонова, А.В. Румянцева, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин и др.).

Достоверность и обоснованность полученных результатов обеспечиваются опорой на репрезентативный исследовательский материал и обширную методологическую базу, включающую работы российских и китайских лингвистов.

Научной гипотезой исследования послужило представление о том, что словарное содержание лексем в русском и китайском языках не идентично. В русской и китайской лингвокультурах представлены схожие коннотации, связанные с различными зоономинациями. Однако сопоставление текстов басен И.А. Крылова на русском языке и их переводов на китайский язык подтверждает, что в этих двух языках одни и те же реалии могут иметь как подобные, так и различающиеся по значению зоонимы, что отражается в семантической структуре лексем-зоономинаций.

Апробация результатов диссертационного исследования проходила на международных научных конференциях: Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы филологии и пути их решения в свете глобальных трансформаций» (Москва: РУДН, Астрахань: АГУ, Мехико: НАУМ, 2021); на первом международном форуме молодых русистов “Terra Rusistica” (Псков, 17-19 декабря 2020).

Основное содержание диссертации отражено в 5 публикациях, одна из которых опубликована в журнале, индексируемом в международной базе данных Scopus, 2 – в научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, а также входящих в Перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты исследований в рамках диссертаций, представляемых к защите в диссертационных советах РУДН, 2 – в иных изданиях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав с выводами, заключения и списка использованной литературы, насчитывающего

179 источников.

Во введении раскрывается актуальность исследования, определяются объект, предмет, цель, задачи, методы исследования, а также обозначается теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе раскрываются теоретические основы исследования, рассмотрение которых позволило обозначить уникальные черты идиостиля И.А. Крылова в контексте жанра басни: приведен обзор исследований в области изучения метафоры, в частности зоометафоры; рассмотрены композиционные и структурные особенности басни, охарактеризован жанр в целом; исследовано басенное творчество И.А. Крылова с позиции авторского выражения в нем русской языковой картины мира; рассмотрены функции и семантика зооморфных номинаций в баснях И.А. Крылова.

Во второй главе представлен глубокий анализ семантических компонентов зоонимов в русских текстах басен И.А. Крылова в контексте формирования целостной картины мира: выявлены и описаны функциональные свойства языковых единиц, определена их роль в формировании идиостиля автора; рассмотрены особенности функционирования зоонимов и прочих антропоморфных номинаций с учетом фольклорной картины мира, экстралингвистических факторов, а также с учетом жанрово-стилистических особенностей употребления.

В третьей главе описаны результаты исследования зооморфных номинаций в переводах басен И.А. Крылова на китайский язык, их семантических особенностей как на уровне единичных лексем, так и на уровне связанных конструкций. Исследованы культурные коннотации зоонимов, выявлены схожие и различные элементы в русской и китайской языковых картинах мира, обозначены безэквивалентные и сопоставимые номинации.

В заключении описаны результаты проведенного исследования, сформулированы выводы, а также определены возможные перспективы его продолжения.

Глава I. Нарратив и мораль в баснях И.А. Крылова: содержательные и композиционные лингвистические аспекты

1.1. Особенности композиции и лингвистические характеристики

басен И.А. Крылова

Басня – небольшая сказка нравоучительного характера, действующие лица которой – чаще всего животные или неодушевленные предметы, но нередко героями могут выступать и люди [Эйгес, 1925: 93–98].

Композиционно басня представляет собой собственно нарратив и дедуктивный вывод – мораль. Жанр басни предполагает наличие некой формулы, схемы повествования-нарратива: как правило, в басне есть завязка, кульминация и развязка, за которой следует нравственный вывод – мораль.

Нарратив басни включает сюжет, рассказ о событии или ситуации, характеристику действующих лиц, или персонажей басни, зачастую в аллегорической форме; возможность применять конкретную идею басни ко множеству реальных жизненных ситуаций, типизировать их; возможность более глубокого и широкого прочтения текста басни, обусловленное содержанием имплицитных смыслов, заложенных автором [Хлебников, 2019: 62–73].

В свою очередь, мораль является неотъемлемой характеристикой жанра басни. Она не растворена в тексте, а формулируется четко, чтобы донести до читателя определенный и однозначный смысл, не имеющий каких-либо двусмысленных трактовок. Четкий и ясный итог, вывод композиционно может располагаться как в начале басни, предваряя основное повествование, так и в конце, подводя некоторый итог. Басня по своей сути является назиданием, поучением, но следует отметить, что мораль, содержащаяся в ней, не тождественна смыслу текста в целом.

В европейской традиции родоначальником басни и самым ярким представителем этого жанра в древности был Эзоп. Первое собрание басен Эзопа датируется примерно 300 г. до н. э. Впоследствии сочинения Эзопа были

переведены на многие языки – арабский, еврейский, хинди и др. Творчество Эзопа также сильно повлияло на развитие жанра русской литературной басни.

В русской литературе расцвет жанра басни приходился на конец XVIII – начало XIX века. В этот период творчество русского баснописца И.А. Крылова стало национальным достоянием. Вот что писал В.Г. Белинский о баснописце И.А. Крылове: «гениальный поэт русский, который возвёл у нас басню до *plus ultra* совершенства». Одновременно он отмечал, что каждая из басен Крылова – это «маленькая цельная драма», и подчеркивал, что «язык их изумителен» [Белинский, С. 785–794].

Одновременно для его басен характерна внешняя простота языкового воплощения и иронический тон повествования.

Мораль басен Крылова обращена к самому широкому кругу читателей, поскольку она апеллирует не к конкретным, отдельным жизненным ситуациям, а в целом к житейской мудрости и направлена на формирование нравственного отношения к жизни.

В русской литературе жанр басни существовал еще в XV– XVI вв., как правило, в виде переводов из византийских и восточных источников, но уже в XVIII веке стала развиваться национальная традиция русской басни, опирающаяся на мировой и европейский опыт. Так, А.Д. Кантемир и В.К. Тредиаковский писали свои басни, подражая Эзопу. А.П. Сумароков больше занимался переводами Лафонтена, но также писал и собственные басни. Особенный художественный стиль в создании басен проявился у И.И. Хемницера, И.И. Дмитриева, А.Е. Измайлова. В отличие от басен известных современников (В.К. Тредиаковского, А.П. Сумарокова) их басни звучали естественно и просто, были легки и понятны читателю.

В русской литературной традиции басня приобрела особую черту – народность, сближаясь с фольклорными произведениями. С другой стороны, басня может рассматриваться как простая форма эпической поэзии, поскольку имеет яркий, простой сюжет и небольшой объем, но при этом в ней заключен глубокий смысл, обращенный к актуальным нравственным проблемам.

Если проанализировать появление и развитие народности в жанре басни, то следует отметить, что изначально она имела грубоватый, сниженный оттенок. Если в баснях А.П. Сумарокова, В.И. Майкова, И.И. Хемницера народность представлялась как простонародность, то в последствии писательское мастерство совершенствовалось, слова приобретали новые значения, народность наполнялась новым содержанием. Подлинной народностью обладали басни И.А. Крылова, на чье творчество пришелся пик расцвета басенного жанра в XIX веке.

По своей сути басня является ответом автора на тот или иной нравственный вопрос [Огдонова, 2000]. Этот ответ довольно точно сформулирован в самом тексте, он не требует расшифровки. Критик В.Г. Белинский назвал басню «цветком рассудка», потому что в жанре басни идея и форма, хотя и не являются единством, но они крепко «пришиты друг к другу» [Белокурова, 2006].

Таким образом, одной из важных композиционных особенностей можно считать структурную простоту басни, что, в свою очередь, способствует её пониманию и интерпретации.

В зависимости от времени создания, принадлежности автора к тому или иному литературному направлению и его индивидуальности, басня приобретает понятийное и образное начала. Однако следует отметить, что перед баснописцем не стоит задача исключительно создать образа предмета, его задача состоит в том, чтобы дать представление о нем. Сюжет, образная система и мораль тесно связаны между собой, поскольку подчинены единой цели, обусловлены ею.

Яркую образность мы можем видеть в баснях только некоторых мастеров-баснописцев, например у И.А. Крылова, по словам В.Г. Белинского, истинного и великого баснописца. Вычленение смысла в басне строится на единстве взаимодействия двух её компонентов: содержательной повествовательной части, или нарратива, и морали. Обе эти части имеют различные функции и задачи.

Будучи особой формой художественного текста, басня становится и особым нарративом. В понимании самого термина «нарратив» отмечен ряд подходов и интерпретаций (см. работы: Е.В. Падучева, 1996; Ж. Жаннет, 1998;

А.Е. Бочкарев, 2014; М.Л. Новикова, 2020 и др.).

В общем виде термин «нарратив» (от англ. и фр. *Narrative*) обозначает «повествование» в широком смысле относительно события или ситуации повествования как такового, и потому он включает множество сюжетных компонентов: это описание, диалог, всевозможные абстрактные и конкретные характеристики предметов и т.д. Очевидно, что повествование, или рассказ позволяют говорить о сюжете, но сюжет как литературоведческое понятие как бы находится внутри нарратива, он более конкретен, потому нарратив строится вокруг сюжета. Благодаря нарративу читатель/слушатель воспринимает сюжет с различных точек зрения, например, с точки зрения рассказчика, персонажей или с собственной точки зрения. С точки зрения рассказчика нарратив можно охарактеризовать как некоторую линию повествования самого нарратора-рассказчика, которая может быть интерпретирована и пересказана по-разному, и при этом фактически не меняется последовательность событий и развитие сюжета [Science.theoryandpractice.ru]. Нарратив связан с сюжетом, который понимается как некоторое «линейное изложение фактов и событий в литературном произведении, то есть то, как оно было написано автором, поэтому синонимами сравнительно нового для русского языка термина «нарратив» являются более традиционные «повествование» и «рассказ». [dic.academic.ru (дата обращения: 06.12.2022)] Нарратив басни демонстрирует все компоненты и связи с сюжетом, он отражает и формирует точку зрения на сюжет повествования и подводит читателя басни к морали, дает ему возможность самостоятельно вывести поучение, но не сводится к этому. По существу, мораль в басне может представлять собой сентенцию – краткое нравоучительное высказывание, пословицу, изречение, заключающее в себе ту или иную максимум поведения: *Когда в товарищах согласья нет, / На лад их дело не пойдет...* (Лебедь, рак и щука) или: *... делом, не сведя конца, / Не надобно хвалиться* (Синица). В баснях Крылова мы можем встретить и гиперсентенцию, соединяющую в себе несколько сентенций: *«Мстят сильно иногда бессильные враги. / Так слишком на свою ты волю не надейся!»* (Лев и комар) [Там же: 516].

Мораль басни наиболее ярко и наглядно выявляет и формулирует нравственное правило, которое подводит итог повествования и представляет собой общественно значимую мораль, содержащую житейскую мудрость, при том, что формулировка морали, как правило, завершает басню и отделяется от ее нарратива, например: *В природе и в чинах высота хороша: / Но что в ней прибыли, когда низка душа?* (Осёл). Однако в баснях И.А. Крылова мораль может и предварять нарратив: *Уж сколько раз твердили миру, / что лезть гнусна, вредна; но только всё не впрок / и в сердце льстец всегда отыщет уголок* (Ворона и лисица). Очевидно, что препозиция морали задает не столько тему басни, сколько аспект восприятия её нарратива, сюжета в целом. Полагаем, что мораль, предшествующая нарративу басни, может быть рассмотрена как точка зрения нарратора-рассказчика и одновременно как некий прецедентный текст. А в силу того, что она предваряет нарратив, также можно рассматривать её как эпиграф, тем более что в этой сентенции не упоминаются персонажи басни.

Мораль в баснях И.А. Крылова строится на типичных, постоянно повторяющихся явлениях, например: *У сильного всегда бессильный виноват*. Также в качестве морали могут быть подняты и вечные темы, как в басне «Ворона и Лисица»: *...лесть гнусна, вредна / Но только все не в прок...* Сколько бы ни говорили люди о том, что лезть и пустые похвалы дурны, но покуда существуют любители услышать даже пустую похвалу, будет существовать и лезть.

Басня никогда не оперирует таким понятиями, как нравственный выбор или поиск ответа, она всегда обращается к готовым истинам, известным каждому, очевидным для читателя. В этом и заключается основное назначение морали-сентенции.

Поскольку басня является классическим жанром, придерживающимся строгих правил и норм, то, как правило, она лишена новаторства и оригинальности с точки зрения выражения авторского начала, а также не содержит авторского мнения, выраженного прямо – от первого лица. Истина, провозглашаемая в басне, не принадлежит одному лицу, она всегда общечеловеческая, обобщенная и относится к разряду признанных

традиционных ценностей, общепринятой морали.

Поскольку басня – это художественный текст, а авторская басня в первую очередь, то её важной составляющей является образность. Образный мир басни строится на различных художественных приемах, прежде всего, на иронии и языковой игре. Как полагают историки литературы и исследователи жанра басни, первые басни строились исключительно на иносказании, за которым был скрыт основной смысл, а читатель должен был его обнаружить, вскрыть, опознать. В этом отношении басни похожи на притчи, вплоть до религиозных притч, поскольку они содержат выводы-наравоучения. В отличие от его предшественников в баснях И.А. Крылова образы стали наделяться не отвлеченным, абстрактным, а вполне конкретным содержанием.

Именно поэтому с точки зрения теории литературы главным инструментом создания басни считается аллегория – иносказательное изображение какого-либо предмета или понятия посредством перенесения его признаков или характеристик на конкретное явление, поскольку это позволяет наиболее ярко представить отдельное понятие, выделить его характеристики [Белокурова, 2006]. Иносказание имеет условную связь с описываемым объектом и, как правило, реализует переносные значения с помощью метафоры.

Если в литературоведении речь идет об аллегории, то в лингвистике иносказание воплощается в метафоре, в метафорическом переносе. В Лингвистическом энциклопедическом словаре метафора (от греч. *metafora* – перенос) определяется так: это «троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении», и далее: «В расширительном смысле термин «метафора» применяется к *любым* видам употребления слов в *непрямом значении* (курсив наш. – С.Ч.)» [ЛЭС, 1990: 296]. В этой же словарной статье анализируется пример *Собакевич был настоящий медведь*. Очевидно, что эта характеристика образа Собакевича обусловлена образом медведя как крупного и

неповоротливого животного существа. Основа метафоры – внешнее сходство, которое и становится примером метафорического переноса. В баснях наименования животных, или зоонимы, выполняют такую же функцию: в нарративе басни метафорический перенос качеств человека позволяет приписывать образам животных человеческие свойства, а в морали басни – наоборот: свойства животных-персонажей басни приписываются человеку, проявляются как индивидуальные или общественно важные характеристики. Так, в басне «Волк и ягненок» мораль такова: *У сильного всегда бессильный виноват.* Волк – сильный хищный зверь, а ягненок – маленькое и слабое существо, и виноват он тем, что Волку «хочется кушать». На наш взгляд, в басне механизм зоометафоры заключается в переносе свойств человека на то или иное животное, которое при этом в языке уже может быть символом, например, лев – царь зверей; осел всегда глуп, лисица – хитрая и т.д. Заметим, что такие символы также основаны на метафорическом переносе, шире – на употреблении в переносном (непрямом) значении.

Среди множества басенных метафор особое место занимают метафоры-зоонимы, а у И.А. Крылова им отводится ключевая роль. Сама традиция использования зоономинаций, образов животных в баснях восходит к сюжетам древних времен, когда еще не существовало принципиального различия в понимании одушевленности животных и людей – и те, и другие наделялись сознанием, волей, разумом и прочими качествами, в настоящее время относимыми только к человеку.

В баснях природные качества животных соединяются с человеческими поступками и мыслями, тем самым создается особый образ, особый характер. Крылов доносит до читателя точку зрения нарратора-рассказчика об окружающем мире, описывая мир, где живут образные волки и ослы, лисицы и вороны и др. В этом отношении зоометафора становится ключевым средством не только создания образа, но воплощением замысла автора басни.

Яркую образность мы можем видеть в баснях только некоторых мастеров-баснописцев, например у И.А. Крылова. Что касается создаваемых им образов,

следует отметить, что они не являются каноничными в полном смысле этого слова. Это происходит за счет того, что персонажи басен Крылова далеко не однозначны и прямолинейны, как это предполагает жанр басни, и в ходе повествования их поведение может меняться и трактоваться неоднозначно: они могут вызывать жалость, сочувствие и другие чувства. Выбор образов в басне не является случайным и обусловлен ее задачами. Персонажи выступают обычно в паре – антагонист и протагонист, главному действующему лицу всегда кто-то противостоит, и персонажи оказываются противопоставленными друг другу: таким образом автор показывает контрастное проявление одного качества через разных персонажей: один умен, второй глуп, или один хитер, другой – наивен и т.д. Так, например, трусость выражается через образ зайца, а лиса предстает воплощением хитрости.

В художественном мире басен И.А. Крылова, присутствует исходная смысловая константа – ограниченность человеческого разума. Так, например, в басне «Квартет» персонажи убеждены, что успех зависит лишь от их расположения, от правильного места, которое они займут. Мартышка надевает очки на хвост, желая лучше видеть, а Свинья, с аппетитом поедаящая желуди, не видит никакого смысла в дубе и подрывает корни (басня «Свинья под дубом»). Однако персонажи способны совершать и рациональные поступки, действовать в своих интересах и получать пользу. Так, в басне «Слон и Моська» Моська лает на Слона, тем самым повышая свой авторитет среди других собак. Ее лай для Слона не представляет никакого интереса либо угрозы, тогда как другие «моськи» будут удивлены ее смелостью: *Ай, Моська! знать она сильна, / Что лает на Слона!* Персонажи басен Крылова, которые совершают различные неблагоприятные поступки, оказываются наказанными за это – посрамленными или даже побитыми. Примером тому может послужить Волк из басни «Волк на псарне»: он так и не смог никого убедить в своих добрых намерениях, как и Синица, обещавшая сжечь море, не смогла сдержать своего обещания.

Как правило, персонажи басен пребывают не в конкретном, а в абстрактном хронотопе, они существуют вне временного исторического контекста, вне

социальной структуры и т.д. Это, во-первых, усиливает общечеловеческое значение, а во-вторых – позволяет читателю представить персонажей сразу в нескольких ролях, найти схожие общезначимые черты характеров. Сюжеты басен сохраняются из века в век, как будто переходят от одного автора к другому, не теряя при этом актуальности, поскольку в них обобщаются вневременные и универсальные общечеловеческие ситуации и характеры.

В баснях И.А. Крылов смог придать отвлеченному жанру реалистический характер и индивидуализировать уже существующие традиционные басенные образы.

Как уже отмечалось ранее, жанровые понятия «басня», «притча», «аллегория» имеют схожие значения, которые, вне конкретного контекста становятся синонимичными, что нивелируется в иностранных языках, например, все эти понятия переводятся на китайский язык как «юань». Однако между этими тремя понятиями есть различия.

В отличие от басни, притча используется для описания национальных этнических концепций в духовных текстах. Так, Библия содержит множество притч в Новом Завете. Это простое повествование, главный герой притчи – человек, который сталкивается с моральной дилеммой или страдает от последствий, вызванных принятием неправильного решения, уходом с пути истинного. Смысл притчи часто не указывается явно, но намерение автора его выразить довольно прямолинейно. Герои притчи одновременно и метафоричны, и реалистичны.

Аллегория – это такой тип представления художественных понятий, который позволяет выражать скрытые значения посредством самого художественного образа или через диалог. Аллегория – это своеобразная основа метафоры, поскольку в этом случае выражаются двойные смыслы, а переносное значение скрывается за реальным действием [Белокурова, 2006]. В отличие от басни и притчи аллегория может охватывать текст произведения в целом, а не концентрировать внимание читателя на одном из его компонентов. Аллегория – это прием, выявляющий значение, выходящее за рамки конкретного текста.

Таким образом, басни представляют собой единство повествования-нарратива, в основе которого лежит сюжет – событие или ситуация, и мораль, которая обобщает точку зрения повествователя на ситуацию/событие и передает нравственный смысл басни. Особую роль в баснях выполняют метафорические значения, опирающиеся на образы животных или даже неодушевленных предметов в повествовании-нарративе, передавая скрытые смыслы. В целом нарратив-повествование басни отличают образность и метафоричность, а мораль носит универсальный абстрактный характер и формулируется с точки зрения нарратора-рассказчика.

1.2. Басни И.А. Крылова как пример авторского отражения русской картины мира

Басни И.А. Крылова – это некая система, целая и порядочная, а не просто общность составляющих слов. «Созданный автором мир – это некий порядок, целое, которое сложилось из представлений о его составляющих, о множестве частных смыслов. Смысл текста оформляется в зависимости от того, каким образом формируются его составляющие, как они функционируют и трансформируются» [Новикова 2005: 243-244].

Басни, являющиеся реализацией творческого замысла автора, нельзя представлять только как «поверхностную структуру, изолированную, существующую в одном измерении» [Новикова 2005: 243-244].

У русского читателя басня прочно ассоциируется с именем И.А. Крылова. Секрет такого успеха, по мнению литературоведа М.Л. Гаспарова, кроется в «лукаво-умудренной» манере повествования [Гаспаров 2001: 73-74].

Первые басни И.А. Крылова представляли собой переводы басен французского автора Лафонтена или подражания Эзопу, однако И.А. Крылов по-новому подошел к этому жанру и во многом реформировал его.

Басни Крылова, несмотря на свою принадлежность к малым формам

литературы, отражают все разнообразие стилистических средств русского литературного языка начала XIX в. и намечают новые пути их смешения и синтеза на широкой демократической основе устной, народной речи и народной поэзии [Виноградов 1990: 158].

Для индивидуального стиля И.А. Крылова характерно смешение басенного языка с одическим стилем. В.В. Виноградов приводит басню «Василек» (наряду с баснями «Лань и Дервишь» и др.) как пример виртуозного смешения стилей в басенном языке И.А. Крылова: «Смешение стилей, которые были прежде разграничены, осуществляется в басенном языке Крылова разными способами. Чаще всего наблюдается сочетания разностильных элементов в структуре одного и того же произведения. Например, в басне “Василек” одни и те же фразеологические серии то повертываются в сторону простого стиля, то развертываются в высокий одический план. Заключительные же стихи, выражающие мораль басни, открыто ведут к высокому одическому стилю» [Виноградов 1990: 156].

Когда Виноградов описывал языковые особенности текста басен И.И. Дмитриева и И.А. Крылова, то основное внимание он уделил как раз обновлению языка в баснях последнего: «в басенном языке Крылова зазвучали бойкие, живые, социально окрашенные, переливающиеся разными тонами голоса реальной русской жизни, главным героем басен Крылова стал сам русский язык с заложенными в его системе своеобразиями национально-характеристического выражения, игрой экспрессивных красок, с его художественными возможностями и с свойственным ему складом мысли» [Виноградов 1990: 160 - 161].

По выражению М.Е. Лобанова, И.А. Крылов «как человек был умнее Лафонтена; как философ глубокомысленнее; как поэт, несравненно выше его» [Лобанов М.Е., 1982: 59]. Многие современники Крылова, признанные поэты и баснописцы, например И.И. Дмитриев, отмечали его словесную легкость, его легкий и быстрый слог, простоту и естественность повествования, живость, остроту и веселость рассказа. А темы, к которым обращался И.А. Крылов в своих

баснях, не потеряли свою актуальность и сегодня.

Популярность баснописца И.А. Крылова в России и в мире трудно переоценить. Еще В.Г. Белинский, подводя итог его творчеству, писал о том, что его «изданиям потерян счет» [Белинский В.Г., 1981: 431] и в то время подобного успеха не достигал ни один писатель. Кроме того, В.Г. Белинский добавил, что «будет еще время, когда его басни будут издаваться за один раз 40 000 экземпляров» [Там же: 432]. И его предположение стало реальностью. Басни И.А. Крылова сегодня охотно читают как взрослые, так и дети, поскольку в них скрыт огромный потенциал для глубокого нравственного воспитания.

Многочисленные басни И.А. Крылова, например, «Ворона и Лисица», «Лев и Комар», «Волк на псарне», «Медведь в сетях», переведены на десятки иностранных языков.

Сюжеты басен И.А. Крылова универсальны, многослойны и аллегоричны, в них поднимаются не только общечеловеческие темы, но и отражается русская национальная картина мира.

Картина мира раскрывается в совокупности знаний человека о мире, в системе его жизненных ориентиров, культурных установок, стереотипов, этических и эстетических ценностей. Национальная картина мира складывается из общих представлений об окружающей действительности народа в целом и отдельных людей, принадлежащих к одной национальной, этнической группы, а также в их однотипных реакциях на различные типизированные ситуации, в схожих оценках, суждениях, мнениях, которые отражаются на языковом уровне в пословицах, поговорках, афоризмах [Гачев 2007: 416].

Национальная картина мира безусловно связана с народностью творчества того или иного автора. Народность творчества И.А. Крылова ярко проявилась не только в тематике многочисленных басен, но и в многообразии различных деталей русского быта, отраженных в ней: даже не ставя перед собой такой цели и не присоединяя детали к основной сюжетной линии, он «в спокойно-ироническом тоне набрасывает целую бытовую картину» [Арутюнова 1998: 297]. Это проявляется и на уровне содержания, и на уровне языкового выражения. Так,

регулярно используются уменьшительно-ласкательные формы слов, обозначающих различные бытовые предметы или реалии: например, вместо *кафтан* – *кафтанчик*, *ларец* – *ларчик*, *гребень* – *гребнишка*, *кума* - *кумушка* и др. Также в тексте басен появляются такие просторечные выражения, как например: *ободрать как липку* и др.

Новое символическое осмысление приобретают бытовые объекты. Например, Котел и Горшок *свели большую дружбу* («Котел и Горшок»), хотя в основе этого приема мы можем увидеть народную поговорку с обратным смыслом: «*Горшок чугуна не товарищ*» (котел делается из чугуна, поэтому здесь уместно такое переносное значение). Символическим становится и подойник в басне «Крестьянин и разбойник». Разбойник внимает словам жертвы и возвращает украденное. Действительно, зачем ему нужен подойник, если ему не нужно доить корову. Здесь явно прослеживается отсылка к поговорке: «*Взял корову – возьми подойник*». В басне «Демьянова уха» И.А. Крылов обращается к русским народным обычаям, отраженным в устойчивых оборотах, например: *браться за шапку* в значении ‘собираться уйти’; *прийти к шапочному разбору* – ‘опоздать, прийти поздно, к самому концу’ (раньше на Руси существовал обычай, по которому мужчинам следовало снимать головные уборы перед входом в какое-либо помещение или церковь и оставлять их там до завершения церемонии и т.д. Таким образом, каждое собрание завершалось разбором головных уборов – шапок).

В баснях И.А. Крылов часто использует фразеологизмы и поговорки, и они очень показательны для отражения повседневных реалий народного крестьянского быта. Значение некоторых легко восстанавливается из контекста и сейчас, например: *беремя дел*, где *бремя* (или *беремя*) – это ‘ноша, большое количество чего-либо, целая охапка’. Некоторые выражения требуют отдельного историко-культурного комментария, например: *зло еще не такой большой руки, на стенке зарубить, дым столбом*.

В басенном творчестве И.А. Крылова нашла отражение и русская национальная кухня. Сам Крылов, по воспоминаниям современников, был

большим любителем поесть и отлично разбирался в кулинарном деле. Совсем не случайно персонажем одной из его самых популярных басен «Кот и Повар» является именно хозяин кухни. Описание блюд в басне приводится довольно подробно и подкрепляется «вкусовыми» описаниями. *Хлеб-соль* традиционно выступают символами гостеприимства, *щи* и различные *каши* описываются с большой любовью. Присутствуют отсылки и к праздничным традициям. Так, в басне «Гуси» мы видим *жаркое* – блюдо из гуся как символ новогоднего стола.

Некоторые блюда переключались из произведений И.А. Крылова в литературу, либо стали яркими иллюстрациями в толковых словарях. Так, например, *демьянова уха* (по названию одноименной басни) – ‘неуемное, навязанное угощение’ – иллюстрирует употребление слова *уха* – ‘суп из рыбы’ – в словарях С.И. Ожегова и В.И. Даля [Даль В.И., Толковый словарь живого великорусского языка; С.И. Толковый словарь русского языка]. Действительно, следует отметить, что ассоциативный ряд со словом *уха* в русской картине мира выстраивается вокруг басни И.А. Крылова. И тому есть логичное объяснение, поскольку в басне «Демьянова уха» он создал яркий поэтический образ этого блюда: *Что за уха! Да как жирна: / Как будто янтарем подернулась она.*

Некоторые образы, связанные с пищей, требуют отдельного комментария. «Кусочек сыра», выпавший у вороны и попавший к плутовке-лисе, наделен гораздо большей символичностью, чем в оригинале у Лафонтена: «*Вороне где-то Бог послал кусочек сыра...*», но она не могла просто найти кусок сыра на дороге, как это приводится в первоисточнике. И тому есть сразу целый ряд объяснений. Во-первых, дороговизна сыра в то время не допускала даже мысли о том, что подобная ситуация реальна, а реалистичность и простота сюжета – основа жанра басни. Во-вторых, само слово *сыр* в начале XIX века, когда была создана эта басня, имел несколько другое, отличное от современного значение – он обозначал ‘творог’ (ср. блюдо из творога *сырники*). С этим связано и выражение *как сыр в масле кататься* со значением ‘жить в достатке, иметь полное довольствие’. Кроме этого, в русской картине мира имеет огромное значение Божественное провидение и Божья воля. Ничего не происходит в жизни

случайно, и все события, которые мы привыкли не замечать, нельзя считать случайными и незначительными, на самом деле имеют вполне определенную природу и невозможны без божественного участия

Чтобы полнее раскрыть тему русской национальной кухни, следует обратиться к исследованию К.П. Сидоренко, обнаружившему еще одну интересную и очень важную лексическую единицу: *полугар* – ‘алкогольный напиток, крепкое хлебное вино’ [Сидоренко К.П., 2013: 127]. Без обозначения алкогольного напитка картина русской национальной кухни была бы неполной, поскольку тогда во время еды люди с удовольствием употребляли крепкие спиртные напитки. В басне «Два мужика» читаем: *И тоже, чересчур, признаться, я хлебнул с друзьями полугару* [Крылов, 1984: 616]. Эта лексема вышла из употребления в наши дни.

Целостное восприятие русской картины мира невозможно без учета религиозного православного контекста, который вполне соответствовал государственной доктрине: «Православие, самодержавие и народность». И говоря о баснях И.А. Крылова, это обязательно стоит учитывать, поскольку в его творчестве такие мотивы и интенции присутствуют, хотя и могут быть представлены неявно, без назидания.

По сути, Бог есть абсолютная любовь и доброта, он никого из живых существ не оставляет одного – не только человека, но и всех остальных созданий – ворон, лисиц, муравьев, стрекоз и др. Но каждое существо вольно самостоятельно распоряжаться теми божественными благами, которые ему доступны. Безбожие же может привести к краху, многочисленным бедам. Так, например, И.А. Крылов пишет басню «Безбожники», в которую вкладывает целый ряд идей об отношении и характере действия Бога как высшего Промысла к безбожникам – особой, наиболее агрессивной и провоцирующей части людей: они утверждают, что *боги или спят, иль правят безрассудно; что проучить пора их без чинов* [Крылов, 1984: 69].

Ценность и красоту Крылов обнаруживает в простых проявлениях мира. В басне «Слон и Моська» за иронией над тщеславием и самонадеянным

хвастовством скрывается признание храбрости Моськи, не побоявшейся бросить вызов гораздо более сильному животному – Слону. Скрытый мотив этой басни состоит в том, что маленькая собачка чувствует ответственность за территорию, на которой появился этот страшный чужой зверь. Он не обретает продолжения в морали басни, но все же формирует в сознании читателя определенную ценностную структуру – необходимость упорно бороться до конца и не отступать даже перед более сильным противником.

Поднимая в своем творчестве наиболее острые и актуальные темы, И.А. Крылов не мог обойти стороной денежный вопрос – власть денег на Руси и в современной России занимает важное место и остается одной из вечных проблем. В работе Ю.В. Стенника «И.А. Крылов – баснописец» на эту тему обращено особое внимание. Автор исследования отмечает, что И.А. Крылов показал всю глубину пагубности и разврата этой власти, ее разрушающую силу. Так, например, в баснях «Мешок», «Бедный и Богач», «Откупщик и Сапожник», «Фортуна и Нищий», «Мот и Ласточка», «Мельник» поднимается тема денег, а вместе с ней и тема ответственности каждого человека перед другими и в первую очередь перед собой [Стенник, 1981: 196].

Помимо назидательного урока, в этих баснях представляют интерес и культурные особенности, связанные с деньгами: их наименование, описание способов хранения или причины для трат. В басне «Фортуна и Нищий» Нищий получает интересное предложение от Фортуны – отсыпать ему в сумку червонцев – но это может произойти при одном условии, что если что-то из нее на пол упадет, то станет сором, а *сума твоя ветха, не забирай много*. Если положить в старую, не годную для переноса чего-либо суму много денег, она попросту порвется, и Фортуна предупреждает Нищего об этом. Но тот не может остановиться, когда в его суму полился *червонцев дождь златой*, то Нищий потерял рассудок. В результате *кошель прорвался, / Рассыпалась казна и обратилась в прах, / Фортуна скрылась* [Крылов, 1984: 570].

Червонец как образ, обличающий алчность людей, появляется и в басне «Червонец». В ней мы видим Мужика, который нашел грязный и пыльный

червонец. Узнав, что за него можно получить *пятак* *пригоршни три*, он принимает решение очистить его, да только *...стало / в нем весу мало, / И цену прежнюю червонец потерял*. Параллельно автор задается вопросом о пользе просвещения и сам дает такой ответ: *Полезно, слова нет о том. / Но просвещением зовем / Мы часто роскоши прельщенье* [Крылов, 1984: 477].

В басне «Купец» И.А. Крылов приводит наглядную иллюстрацию народной мудрости, сформулированной в поговорке: *не обманешь – не продашь*. Купец, продавая плохое польское сукно, выдает его за английскую ткань отличного качества, и, в свою очередь, вместо денег он получает за него фальшивую бумажку.

Язык басен И.А. Крылова богат примерами из русской ономастики. Многие имена и наименования русским людям знакомы именно по творчеству И.А. Крылова. Наиболее яркими примерами являются клички животных – *Моська, Полкан, Барбос, Хавронья*. Они знакомы русскому человеку с детства, а также благодаря великому баснописцу обрели некоторые постоянные характеристики и могут употребляться как имена нарицательные. Так, например, *Моська* – ‘маленькая собачонка, шавка (простореч.)’; *Хавронья* – ‘свинья’ и др.

В баснях И.А. Крылова антропонимы составляют особый раздел лексикона, отражающий время, в которое данные произведения были созданы. По этому поводу замечательно высказался известный писатель и поэт С.Я. Маршак в своей биографической повести «В начале жизни»: «Мне было лет шесть-семь, когда я впервые прочел или услышал басню Крылова “Волк и Кот”. <...>. До сих пор я отчетливо помню – будто сам, своими глазами видел – этого забежавшего в деревню Волка. Помню и высокий дощатый забор, на котором сидит Кот. Низко наклонив серую с черными полосами голову, мудрый и спокойный, он деловито разговаривает с усталым затравленным Волком, за которым по пятам гонятся охотники. И все соседи, чьи имена называет Кот (Степан, Демьян, Трофим, Клим), кажутся мне знакомыми людьми, живущими на Майдане где-то поблизости от нас. <...>. Сквозь каждое слово, как сквозь прозрачное стекло, ребенок видит названный предмет, видит живую и подлинную действительность» [Маршак,

1971 : 7-180]. В своих баснях И.А. Крылов использует множество русских имен, наделяя персонажей с этими именами определенными характеристиками, присваивая им социальный статус, формируя отношение к ним других персонажей, а также выражая собственное отношение к ним. Тем самым баснописец создает обобщенные, типизированные образы людей, преимущественно мужские. Интересны и сами грамматические формы антропонимов: чаще всего используются уменьшительно-ласкательные или пренебрежительные формы этих имен собственных: *Степанушка*, *Тришка*, *Федюша*. В русской культурно-исторической традиции подобные имена имеют дополнительную коннотацию, что вызывает трудности при переводе басен на иностранные языки.

Кроме национально-специфических антропонимов, в баснях И.А. Крылова представлен широкий спектр культурологических элементов, представленных, в свою очередь, целым набором лексических и фразеологических единиц – Так, например, в басне «Осел и соловей» написано что, соловей вспорхнул и полетел за тридевять полей – здесь употреблен трансформированный фразеологизм «за тридевять земель» – так говорят о расстоянии до объектов, расположенных очень далеко [Крылов, 2019: 89]. Еще мы его видим в баснях «Лисица и виноград», когда лисица узнала что, она не смогла достать виноград, она высказала отрицательное мнение о винограде: «Тотчас оскомину набьешь». Данный фразеологизм означает, что некое лакомство может быстро и в сильной степени надоесть [Крылов, 2019: 224]. Все эти единицы являются репрезентативными для национальной русской языковой картины мира. Как писал Ф.И. Буслаев в работе «О преподавании отечественного языка»: «Глава из Священной истории или одна басня Крылова и ученику, и учителю предложат материал для умственного упражнения гораздо более целой книги наглядного учения или тому подобного» [Буслаев, 1992: 324]. Таким образом, басни И.А. Крылова – это своего рода симбиоз культурной и литературной традиции.

Такая характеристика до сих пор не утратила своей актуальности, и по-прежнему басни И.А. Крылова для читателей являются книгой о русской жизни

и культуре.

Яркие черты национальной русской языковой картины мира проявляются в целом комплексе лексических и грамматических языковых средств, прежде всего, в именах собственных, названиях культурно-исторических реалий и устойчивых сочетаниях – фразеологизмах. Многие из них вошли в современный русский язык и закрепились в нем.

1.3. Функции и семантика зооморфных номинаций в баснях

И.А. Крылова

Зоономинации, или зоонимы, и возникающие на их основе зооморфные метафоры являются ключевым компонентом в образной системе басен И.А. Крылова. В работе «Теоретическая поэтика» А.А. Потебня проводит аналогию между персонажами-животными и шахматными фигурами, которыми так умело действует «гроссмейстер» Крылов: «подобно фигурам, имеющим точный алгоритм ходов, как, например, конь, ходящий исключительно буквой «Г», крыловский конь безоговорочно выполняет все работы, и, кроме пути вечного труженика, у него ничего нет» [Потебня, 1990: 67]. По словам А.А. Потебни, «такая заданная траектория настраивает читателя на раскрытие конкретных качеств животного в сюжете басни и может служить объяснением многих жизненных ситуаций и явлений» [Там же: 71].

Зоометафоры основаны на косвенной номинации, сопоставлении черт характера и качеств людей и животных. Возникают смысловые ассоциации: *лиса – хитрая, волк – злой, осёл – тупой, заяц – трусливый* и др., которые реализуются в фиктивном модусе «как если бы...», который позволяет приписывать животным качества человека и характеристики поведения людей. В основе подобного метафорического переноса «могут находиться степень ценности, положительные или отрицательные качества прототипа (речь идёт о человеке. – С. Ч.), впечатления, которые он создает, или сходство функций» [Сюй, Ван, 2020:

56]. Сравните также: *человек-волк* – это оборотень; *женщина-змея* – это цирковая гимнастка и др.

Оценочные лексемы, мотивированные зоонимами, можно разделить на семь типов по характеру семантико-деривационных отношений: 1) по внешнему сходству; 2) по внутреннему сходству; 3) по переносу внешних признаков на внутренние свойства, и наоборот; 4) на основе эмоциональных ассоциаций; 5) по смежности; 6) по синкретизму путей переноса; 7) по функции компаратива [Нагорная, 2014: 10]. Ниже проиллюстрируем механизм развития переносных значений зоонимов в баснях И.А. Крылова, обратившись непосредственно к текстам басен.

В русской языковой картине мира в целом метафоры-зоонимы играют очень важную роль, поскольку отражают ее самобытность и национальную ориентированность. Кроме того, такие метафоры пополняют лексический запас языка и расширяют его коннотативную часть. Эта часть лексики вариативна и динамична по своей структуре, поскольку формируется как за счет всей денотативной системы, связанной с именованим животного, так и за счет контекстуального употребления.

Далее, рассуждая о метафорических номинациях животных в целом и в баснях И.А. Крылова, в частности, полезно определиться в терминологии. В современной лингвистике существует целый ряд понятий, называющих подобные номинации: зооним, анимализм, метафора-зооним, зоометафора, зоолексема, зооморфизм, зооморфная метафора, зоосемизм [Голованова, 2000; Гура, 1997; Журавлев, 1994; Ильясов, 1981; Рыжкина, 1980; Свешникова, 1995; Огдонова, 2000; Першаева, 1982; Кацитадзе, 1985 и др.]. Важно обратить внимание на то, на чем основывается такое множество номинаций: прежде всего, важен принцип первичности или вторичности наименования животного, когда «в первом случае мы имеем дело исключительно с номинацией (называнием) того или иного животного, во втором – с метафорическим осмыслением, коннотативным значением, используемым в качестве некой характеристики или оценки» [Устуньер 2004: 114].

Существует мнение, что «совокупность зоолексем как систему следует обозначать как зоолексика, а зоолексему как компонент пословицы или поговорки целесообразно понимать и терминологически обозначать как зоокомпонент, что позволяет дифференцировать зоолексику как отдельную тематическую группу в лексическом составе паремий» [Иванов 2022: 50].

На наш взгляд, в данной работе неактуально использование понятий «зоолексема» и «зоосемизм», поскольку они относятся лишь к сфере наименования, в то время как остальные понятия так или иначе соотносятся с художественностью и иносказанием. Вслед за Ф.А. Литвиным, под зоонимом мы будем понимать такие единицы, которые сочетают в себе обе функции (называние и иносказание) и могут принимать двойственный облик, «они могут быть и зоосемизмами, и зооморфизмами, или «переносными вариантами, проекция которых направлена непосредственно на самого человека» [Литвин 1974: 87]. Таким образом, в данной работе мы будем использовать в качестве основного термин «зооним», а другие приведенные термины будем понимать как частично синонимичные друг другу.

Отметим, что вслед за такими исследователями, как Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия и М.В. Никитин, нас будет интересовать оценочная семантика, поскольку в басенном творчестве И.А. Крылова она представлена через анималистическую лексику.

Важно отметить, что в своих баснях И.А. Крылов, широко используя зоометафору, избегает использования метафорических окказионализмов по отношению к зооморфным номинациям, поскольку в его задачи не входит расширение или углубление денотативных или коннотативных особенностей метафоры. Его образы опираются на мотивированную семантико-деривационную базу номинаций, зачастую отраженную в толковых словарях [Нагорная, 2014: 19].

Образы персонажей-животных басен не нуждаются в дополнительных объяснениях или трактовке, поскольку они построены на их типичных чертах и повадках и представлены стереотипами, закрепленными в национальной русской

языковой картине мира. Для басни существенно важно создать однозначный, легко интерпретируемый, понятный для читателя образ, в то время как психологическая сложность образов и характеров, их уникальность и неповторимость только усложнили бы сюжет-нарратив басен, и, как результат, мораль перестала бы быть очевидной и доступной каждому.

С другой стороны, абсолютное сходство зооморфных образов басни с реальными животными не позволило бы достичь того комического эффекта, который необходим в басне «Рыбья пляска». Так, трагические события, происходящие с животными в басне, по-другому бы воспринимались, если бы персонажами были люди. Например, повествование о прекрасной, блаженной жизни народа из басни сменило бы свой иронический тон. Мужик объясняет, что рыбы на горячей сковороде пляшут вовсе не от страданий, а от радости, потому что удостоены лицезреть своего государя. Наличие иносказания помогает автору донести свою мысль без изображения трагичных подробностей жизни самих людей [Крылов, 2019: 275].

Главная мысль басни «Кошка и Соловей» заключена в словах: «Худые песни Соловью в когтях у Кошки» [Крылов, 2019: 273]. Кошка «ласково» выпустила свои когти в птицу, которая из-за этого перестала петь.

Так, с помощью иносказания и образов животных, олицетворяющих силу, власть (обычно это хищник) и простого свободного человека, творческую личность (птица) автор доносит до читателя мысль, «яснее шепчет ее на ушко», что творчество не может создаваться под давлением, художник должен быть свободным.

Таким образом, можно заключить, что причина использования зоометафор в баснях (реже метафор растений или предметов) кроется в их культурологическом потенциале: они являются всем понятными образами, позволяющими наиболее полно и ярко передать мысли и идеи автора.

Метафоры-зоонимы превалируют в басенном творчестве И.А. Крылова. Обратимся к примерам авторских метафор животных, которые встречаются в его баснях, и рассмотрим, что автор вкладывает в подобные образы, какие

художественные приемы использует, какими качествами и характеристиками наделяет своих персонажей.

Персонаж Волк предстает перед читателем басен в качестве воплощения худших человеческих качеств. Он проявляет и демонстрирует те качества, которые люди привыкли скрывать не только от других, но и от себя. Так, например, в басне «Волк и Ягненок» Волк – абсолютный тиран, не признающий ничего, кроме собственных желаний и интересов. Его поведение грубо и порой дерзко. Лексика, которую он использует в своей речи, снижена, что также демонстрирует пренебрежение к слабому [Крылов, 2019: 25].

Изворотливость и лицемерие Волка ярко представлены в басне «Волк на псарне». Желание сохранить свою жизнь любой ценой вынуждает его действовать подобным образом. Попытки разрешить ситуацию по-другому он не только не предпринимает, он даже не помышляет о ней. По своей натуре он задира и забияка, но старается любыми путями выдать себя за приличного и благонравного животного [Крылов, 2019: 59].

Еще одно неприглядное качество, так часто встречаемое в реальной человеческой жизни, вскрывается И.А. Крыловым в басне «Волк и Журавль». Мы видим сцену, в которой проявляется не только неблагодарность Волка за спасенную жизнь, но и его необоснованные обвинения в адрес Журавля в его неблагодарности [Крылов, 2019: 215]. Жадность, стремление получить желаемое без труда, глупость показаны в баснях «Лев и Волк», «Волк и Лисица». Волк настолько посредственен в своем мышлении, что не может оказать никакого влияния даже на равного себе. Лиса «обласкала по уши» Волка [Крылов, 2019: 136] и оставила его без ужина. Здесь важно отметить, что, рисуя образы Лисы и Волка, И.А. Крылов максимально подчеркивает их схожесть, близость по положению и почти родственную связь. Однако Лиса умело и без особых усилий обманывает Волка.

Образ Лисицы (Лисы) – также один из наиболее частотных в баснях И.А. Крылова, однако он создается несколько иначе, от чего становится более разносторонним и богатым. Лисица весьма умна, изобретательна, хитра и иногда

лукава, очень предприимчива. Она обладает уникальным талантом легко устанавливать контакт с собеседником, входить в доверие и получать все, что пожелает. Ее основное оружие – лесть. В басне «Ворона и Лисица» она предстает перед читателем как настоящая *плутовка*. Лиса может быть и ироничной, насмеяться над другими героями. Так, в басне «Лисица и Осел» она смеется над глупостью Осла и его наивностью [Крылов, 2019: 252].

Лисица в новом образе предстает в басне «Добрая Лисица». Сначала мы слышим ее рассуждения о добре и милосердии, о том, что важно заботиться о слабых и нуждающихся. Но все меняется, когда это становится ей невыгодно. Таким образом, ставя героев басни в неестественную для них ситуацию, автор усиливает их истинную сущность, которая все равно проявится. А образцовость ситуации, когда Лиса размышляет о высоком, Волк пасет овец, Осел сторожит огород, исчезает, когда герои становятся сами собой. Прием контраста усиливает характеры героев [Крылов, 2019: 159].

Лиса – образ, воплотивший в себе многочисленные черты, характерные для людей-приспособленцев. Они всегда изворотливы, умеют повернуть любую ситуацию в свою сторону, «выйти сухими из воды» и получить собственную выгоду.

Лев – царь зверей, он предстает как символ власти, державности и статуса, наделяется особыми чертами. Он главный, он управляет лесным царством и благодаря своей недюжинной силе держит в страхе всех остальных. Он лишен таких качеств, как сострадание, сопереживание, сочувствие. Лев – диктатор и тиран, его стремления направлены лишь на увеличение собственного влияния и расширение власти. Именно таким мы его видим в баснях «Лев и Барс», «Воспитание Льва» и др [Крылов, 2019: 49, 113].

Чаще других в баснях И.А. Крылова мы встречаем образы диких животных, поскольку их повадки наиболее отчетливы. Они вольны, своенравны и не подвержены домашнему «воспитанию». Однако их оппонентами зачастую становятся домашние животные.

Например, образ собаки И.А. Крылов раскрывает совершенно необычным

и нетипичным образом. Мы видим это животное совершенно с другой стороны. Если говорить о языковой картине мира, в которой зафиксирован некий культурный код, то собака в ней представлена именно как друг человека, животное умное, смелое, эмпатичное. Этот код заложен на основе таких качеств, как доброта и верность своему хозяину. Но сам баснописец принимает решение не поддерживать этот стереотипный образ и представляет его иначе.

Если собака добра и верна, то ее дружба есть некий эталон, мерило для всех остальных. Однако в басне «Собачья дружба» договоренность о настоящей, искренней дружбе лишь иллюзия, исчезающая сразу же, когда представляется малейший повод. Повар кидает кость «на их беду», и собаки сразу же забывают про лад в отношениях [Крылов, 2019: 55].

В басне «Слон и Моська» маленькая собачка наделяется склочным и задиристым характером [Крылов, 2019: 98], а в басне «Две Собаки» такая маленькая собачка, живя в барском доме, в окружении уюта и комфорта, забывает о гордости, самоуважении, собственном предназначении, приспособливается и видит свое служение лишь в ходьбе перед барином на задних лапках [Крылов, 2019: 270].

Осел – еще один образ, который часто встречается в баснях И.А. Крылова. Осел бесконечно глуп (это его основная черта), пассивен и вполне безобиден. Таким мы его видим в баснях «Осел и Соловей», «Осел», «Осел и Мужик» и др [Крылов, 2019: 89, 301, 214].

Дублируют ослиные качества и овцы, но помимо глупости и безобидности, И.А. Крылов подчеркивает их абсолютную несамостоятельность. Овцы лишены самостоятельного мнения, они не умеют мыслить и все до одной являются абсолютно бесправными. Именно поэтому во всех баснях мы видим их стадом. Для человека также характерна эта черта – следовать за большинством, постоянно оглядываться на общественное мнение и буквально растворяться в толпе – терять свое «я», свою личность. Образы овец встречаются в семи баснях: «Волк и Ягненок», «Мирская сходка», «Мор зверей», «Овцы и Собаки», «Змея и Овца», «Крестьянин и Овца», «Пестрые Овцы» [Сюй, Ван, 2020: 55].

Образы овец интересны еще и тем, что автор над ним вовсе не иронизирует, а, наоборот, проявляет сочувствие и жалость. Ему не нравятся те, кто их угнетает, он не переходит на их сторону и не поддерживает. Возможно, автор желает для них обретения веры в себя и немного больше смелости. Хотя в отдельных случаях мы видим овцу, в которой есть проблески надежды на то, что можно что-то изменить. В баснях «Волк и Ягненок» и «Змея и Овца» ягнята, по молодости, проявляют сопротивление и пытаются возражать противникам. Но, конечно, эти попытки обречены на провал, потому что сложившаяся система отношений оказывается сильнее [Крылов, 2019: 25, 255].

Итак, можно сделать вывод о том, что посредством множества зооморфных образов и метафор И.А. Крылов точно передает оттенки человеческого характера во всей их многогранности и разнородности. Кроме того, он представляет и иерархичность общества с присущими ему чертами. Читатель легко восстанавливает аналогию, проводимую между царями и львами, видит окружение власти, представленное через образы волков, лис и медведей, а также видит и «маленького человека» в образах овец и ягнят. Так иносказательно Крылов выстраивает социальную иерархию. Но он не лишает ее и оценочности. При обращении к зооморфным образам на первый план выходит междисциплинарность их анализа. Так, метафора коррелирует с аллегорией и иронией; оценочность связана со стереотипичностью, уникальность интерпретации обусловлена авторским решением.

Известно, что зоометафора обладает большим оценочным потенциалом [Вольф, 1985: 76]. Чаще всего с ее помощью дается отрицательная оценка, однако динамизм, присущий метафорической сущности в целом, не позволяет сделать однозначный вывод об этом. Остается допустимым некий баланс между положительной и отрицательной коннотацией. Однако важно отметить, что все-таки наблюдается явный перевес в одну из сторон. Как правило, и положительные, и отрицательные коннотации зооморфизмов фиксируются фразеологической системой языка [Архангельский, 1964: 2].

Образы животных в басне вскрывают характеры людей, которые не только

образуют общество, но и определяют принципы его функционирования. Анализируя и расшифровывая эти метафоры, читатель представляет реальные типы людей, видит в них окружающих и самого себя. А частота использования тех или иных образов лишь указывает на актуальность проблем и внимание к ним со стороны автора. Самые острые социальные проблемы изображаются сатирически. И.А. Крылов создает настоящие, типичные, отражающие реальность зооморфные образы и характеры, обобщая в целом ситуацию, в которой происходит действие. И эти характеры существуют вне временных и пространственных границ. Такой подход представляет сюжеты-нарративы басен с точки зрения их автора.

Лексико-семантическая группа зооморфизмов постоянно пополняется новыми единицами и представляет собой открытую систему, так как процесс языкового творчества людей, связанный с постижением человеческой сути через жизнь животных, остановить невозможно. У зоометафоры есть и когнитивные рычаги развития, которые связаны с гносеологической потребностью человеческого мышления проникать в глубинную семантику слов, обусловленную системными связями в лексике. Динамизм анималистической метафоры детерминирован и эстетической задачей обновления и усиления выразительности антропонимической аксиологии [Нагорная, 2014: 12].

Следует обратить внимание на то, что метафорическая система различных языков предусматривает как универсальные, так и национально специфические особенности переносных значений и метафор, в частности. Сопоставление процессов метафоризации в русском и китайском языках представлено в работе Чэнь Сяо Хуэй [Чэнь, 2010: 52]. В данном исследовании отмечены области соприкосновения и несовпадения в трактовке значений зоонимов в этих двух языках.

Отметим, что не все ученые включают понятие коннотации в лексическое значение и даже разводят эти понятия. Так, например, И.Р. Гальперин, Ю.Д. Апресян [Апресян, 1995: 464; Гальперин, 1981: 4] выступают за разграничение этих понятий.

Проведенный анализ позволяет заключить, что представление о самом животном и его зооморфных номинациях формируется не линейно, а посредством сочетания многочисленных кодифицированных и некодифицированных признаков. В свою очередь это предоставляет новые возможности для развития процесса метафоризации. Зоонимы, несмотря на свою принадлежность к языковой системе, поскольку формируются в системе лексических, деривационных и синтагматических связей, могут выходить за ее рамки, являясь плодородной почвой для формирования новых единиц антропонимической аксиологии [Храмова, 2014: 12].

Басни И.А. Крылова используют разные сюжетные истории, но в подавляющем большинстве их персонажами-образами предстают животные, а зоометафора наделяется новыми оттенками смысла и новыми коннотациями.

1.4. Использование метафоры и других фигур речи для раскрытия образности в баснях

Общее понимание метафоры в филологии таково: это – фигура речи, «вид тропа, в основе которого лежит ассоциация по сходству или по аналогии» [Петровский, 1925: 434–437]. Метафора – это базовая категория художественной речи, носитель огромного креативного потенциала. Метафоре посвящено множество научных работ: истоки ее изучения лежат в древности (Аристотель, Цицерон и др.), но и в настоящее время интерес к ее изучению сохраняет свою актуальность. Сегодня метафора вышла далеко за рамки традиции, ее изучают не только литературоведы, писатели, поэты, критики, но и ученые из самых разных областей науки. Современные лингвисты, такие как Н.Д. Арутюнова, Ю.И. Левин, В.И. Новиков, В.Ю. Апресян, Дж. Лакофф, М. Джонсон, В.Г. Гак и др., в своих трудах раскрыли природу метафоры, описали её структуру и функции. В наше время исследователи стали видеть в изучении метафоры путь к пониманию образа мышления и принципов создания не только

национально-специфической картины мира, но и его универсального образа» [Арутюнова, 1998: 5].

Образность метафоры позволяет всегда оставлять место для новых ассоциаций и возможных интерпретаций.

Разнообразные средства создания образности в баснях Крылова исследовались многими учеными-филологами: В.И. Коровиным, Н.Л. Степановым, В.А. Архиповым, М.И. Касьяновой, Д.Н. Медрищем и др., и среди этих средств метафора занимает ведущее положение. Все художественные средства, индивидуально-авторские особенности, направление и т.д. формируют «индивидуальный писательский стиль» [Флоря, 2013: 274]. Рассмотрим на материале басенного творчества те средства выразительности и образности, которые лежат в основе авторского стиля И.А. Крылова.

Нарратив басни как поучительного, назидательного жанра опирается на ситуативные фрагменты действительности, которые как правило, характеризуют поведение людей, их нравы, а мораль басни даёт возможность дать оценку ситуации или события этого сюжета-нарратива. Благодаря этому возникает «метаязыковая аспектность басни, создается особый внутренний мир – образно-языковая система, свойственная только одной конкретной басне» [Касьянова, 1996: 8].

И.А. Крылов опирался на такие особенности басни, известные со времени Эзопа, как «краткость, гармонично дополняемая аллегоризмом образов, простота средств художественной выразительности, отсутствие эмоционально-психологических особенностей в повествовании» [Там же: 12].

Что же касается использования зооморфных образов и зоонимов, то в баснях используется художественный прием аллегии, основанный на образных метафорических значениях. По мнению литературоведа Г.Г. Хазагерова, «этот вид тропа предусматривает определенное самописание и, следовательно, может быть отнесен к метаязыковым единицам» [Хазагеров, 2001: 119].

Как уже отмечалось ранее, прием аллегии тесно связан с метафорой, допускающей множественные интерпретации. Так, О.В. Рисина рассматривает

зооморфные аллегории в баснях И.А. Крылова в контексте художественных трансформаций, суть которых заключена в том, чтобы наделить изображаемое событие или персонажа образностью и иносказательностью. Она указывает на то, что трансформации подвергаются и сами образы-персонажи, различные предметы и объекты, пространство и даже время, что приводит к главному изменению – «трансформации абстрактной идеи». Каждый зооморфный образ представляет собой трансформ человеческого характера или поведения человека. Основу каждого конкретного образа составляет целый набор художественных компонентов. По мнению О.В. Рисиной, трансформация образов животных основывается на общепринятом как визуальном, так и аудиальном представлении о животном. Так, например, в русском культурном коде закрепилось представление о лисе как о ловком и хитром животном, а об осле – как о глупом, не способном самостоятельно мыслить, но при этом упрямом [Рисина, 1996: 7].

Образы животных в баснях И.А. Крылова на самом деле двойственны: они далеко не всегда наделены метафорическим смыслом, иногда они предстают только в виде номинаций, не несущих дополнительной смысловой нагрузки. Именно эта черта отличает басни И.А. Крылова от других баснописцев [Артемьева, 2012: 9]. Полагаем, что в этом случае зооморфный образ предстает как некий знак-икона, содержание которого зафиксировано не только в басне, но и в языке. Такой знак выступает как смысловая (семантическая) доминанта, которая обусловлена картиной мира отдельного народа или социума. Эта общая доминанта объединяет систему зооморфных образов в авторском басенном творчестве, а также делает устойчивыми оппозиции образов и характеров персонажей басни через соотношение с характером и миром человека.

В нарративе басни точка зрения автора или, по мнению Е.М. Касьяновой, образ рассказчика играет особо важную роль в метаязыковой природе басен И.А. Крылова. Она видит задачу автора не только и не столько в изложении морали и развитии сюжета, но в активизации эмоций читателя, воздействия на его психологию через сюжетные линии, художественные образы и убедительные стилистические приемы. На этом строится взаимодействие автора с читателем

[Касьянова, 1996: 11].

И.А. Крылов создает своеобразный диалог с читателем и ведет его на протяжении всей басни. Читатель как бы задает вопрос, а автор развернуто на него отвечает. Рассмотрим, как этот прием реализуется в басне «Мыши». Сам автор от лица читателя задает тональность общения: «Теперь пойдут вопросы: / А что же капитан и течь, и что матросы?», а затем дает ответ: «Течь слабая, и та / В минуту унята; А остальное – клевета» [Крылов, 1984: 644]. Это итог, развязка басни, её мораль, которая базируется на известной истине: мыши первыми бегут с корабля во время шторма или кораблекрушения. Очевидно, что мораль выражает точку зрения автора-нарратора.

Кроме этого, зачины и развязки крыловских басен также наделены особой, отличной от предшественников, выразительностью в силу того, что автор использует разнообразные языковые средства.

Так, например, И.А. Крылов как будто избегает подробных описаний и использует лишь указания на место и время действия, но иногда прибегая к подробному повествованию, он делает это интересным образом. Исследователи его творчества выделяют 27 различных синтаксических средств, служивших для этого. В частности, одним из них является использование рядов однородных членов [Нагорная, 2014: 11].

И.А. Крылов необычно широко использует лексику, принадлежащую к различным частям речи, сознательно обращается к народной лексике, специфика которой иногда требует более подробного толкования. Его интересуют именно те «жемчужины» народного языка, которые являются наиболее экспрессивными, поэтому стилистическая окраска речи персонажей в основном разговорная. В качестве синтаксических средств выразительности он часто использует глагольные сказуемые, сочетая между собой их различные временные и видовые формы.

Разнообразные грамматические формы и сочетания слов, присущие только басням И.А. Крылова, формируют его собственный метатекст, в котором всегда ярко выражен образ самого автора, его позиция. Для персонажей басен не

характерна монологическая речь: практически они ведут между собой диалог, который регулярно прерывается ремарками и комментариями рассказчика-нарратора, его пояснениями о происходящем, отсылками ко времени или месту события. Подобные комментарии могут быть сформулированы в том числе с помощью народных пословиц и поговорок. Иногда народная мудрость формулируется от лица самого автора [Свешникова, 1995: 110]. Все эти языковые средства и приемы создают метаязыковую базу выразительности басен И.А. Крылова. Поэтому Л.И. Скворцов, исследователь языка басен И.А. Крылова, отмечал, что его язык обладает особой глубиной выразительности, несмотря на всю внешнюю простоту, поскольку он отражает в своих произведениях «разговорную речь, понятную всем» [цит. по: Томашевский, 1996: 227].

В целом, язык басен И.А. Крылова является довольно метким, острым, эмоциональным. Однако «низкий стиль», к которому принадлежала басня в конце XVIII века, благодаря самим басням был сильно реформирован. В начале XIX века стиль басен, несмотря на свою внешнюю легкость и простоту, оперирует отборными языковыми единицами и тщательно прорабатывает образ персонажа вообще и его речь в частности в зависимости от поднимаемой в басне проблемы. Новаторство И.А. Крылова обнаруживалось в области сочетания в рамках одного небольшого текста элементов различных стилей русского литературного языка с живой речью, несмотря на малую литературную форму [Томашевский, 1996: 234].

Искусность языка Крылова отмечал и Н.В. Гоголь: он был поражен талантом И.А. Крылова так точно и художественно передавать «малейшие оттенки разговора, выдающие живьем душевные свойства тех, кто в нем участвует» [Гоголь, 1952].

Образность и эмоциональность басен И.А. Крылова обусловлена тем, что он часто обращается к метафоре и другим тропам, поскольку они основаны на выявлении некой общности двух различных предметов или явлений, когда одно раскрывает или поясняет другое.

Такой троп как олицетворение допустимо рассматривать как один из видов

метафоры, в котором качества, характерные для человека, переносятся на неодушевленные предметы или животных, а они, в свою очередь, наделяются способностью думать и самостоятельно выражать свои мысли [Белокурова, 2006]. Яркие примеры олицетворения мы видим в басне «Свинья под Дубом». Свинья не понимает, что желуди, которыми она питается, дает дуб, и подрывает его. В это время сам Дуб ей отвечает: *«Неблагодарная!»*. В басне «Крестьянин и Смерть» человеческими чертами и способностями наделяется Смерть. Она мгновенно явилась к крестьянину и спрашивает, зачем тот ее звал. В басне «Камень и Червяк» автор олицетворяет камень: *«Как расшумелся здесь! Какой невежа!»* – говорит Камень, лежа на ниве. В басне «Дуб и Трость» неодушевленные предметы – Дуб и Тростинка – завели между собой диалог. В басне «Зеркало и Обезьяна» Медведь вступает в диалог: *«Чем кумушек считать трудиться, / Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?»* [Крылов, 2019].

Что касается такого тропа, как метонимия, то его механизм заключается в том, что одно слово или словосочетание заменяет другое, обозначающее предмет или явление, перенося наименование по какому-либо признаку – пространственному, временному и т.д. – от общего к частному. При этом замещающая лексическая единица приобретает переносное значение. Подобно метафоре, функция метонимии состоит в сжатии, сокращении речи, и, в свою очередь, метонимия действует по определенным мыслительным (ассоциативным) и языковым механизмам. Характер метонимических переносов может быть разнообразным и выражается в пространственных, ситуативных, логических, синтаксических отношениях между различными объектами речи, что, в свою очередь, отражается в сознании людей и закрепляется на лексическом уровне.

Важно отметить, что метонимический перенос следует отличать от переноса метафорического, хотя оба этих тропа в своей основе опираются на пренесенное значение слова. Метафорический перенос строится на сходстве предметов, явлений, их отдельных черт, в то время как фокус метонимии определяется по принципу смежности явлений. Примерами метонимии в баснях И.А. Крылова являются такие выражения: *«Ну, скушай же еще тарелочку, мой*

милый!», «*Я три тарелки съел...*» («Демьянова уха»).

Как троп, обратный метонимии, синекдоха восстанавливает целое по названной части в контексте. Она также встречается у И.А. Крылова, например, в басне «Ворона и Курица»: «*Тогда все жители, и малый и большой... / И вон из стен московских поднялись*». Здесь же видим и сравнение: все жители поднялись, «*как из улья пчелиный рой*» [Крылов, 1984: 459].

В баснях Крылова есть и перифраз. Этот вид тропа схож с метонимией и употребляется для характеристики предметов, явлений, персонажей. Например, в басне «Лисица и Осел» встречаем такую ироничную характеристику Осла: «*Отколе, умная бредешь ты, голова?*» [Там же: 606].

Еще один прием, которым баснописец овладел мастерски, является ирония. Рассмотрим его в сопоставлении с сатирой, поскольку оба эти средства являются для творчества И.А. Крылова ключевыми. Цель иронии заключается в том, чтобы создать скрытую насмешку посредством иносказательного описания [Белокурова, 2006]. Крыловская ирония помогает вскрыть истинную природу объектов описания и донести до читателя мысль, что суть проблем кроется не в глупых, лукавых, хитрых или капризных животных. Все это наше личное, человеческое невежество, это проекция на привычную человеческую жизнь, на привычки людей, их характеры и повадки. Иногда ирония в баснях приобретает особую остроту, переходя в настоящую сатиру. Одновременно эти авторские приемы позволяют достигнуть максимального обобщения, типизации героев и характеров.

Ирония и сатира И.А. Крылова строится на несовпадении с реальностью представлений о том или ином действии, характере и т.д., зачастую на превращении мнимого величия в ничтожество. Подобная ирония хорошо переносится из сферы людского, «образованного» общения в сферу животных повадок. Присущие людям ценности на деле оказываются мнимыми, их незыблемость, непоколебимость улетучивается, остаются только повадки и инстинкты. Над этим и смеется автор, а вслед за ним и читатель. Так, в басне «Квартет», мы видим гораздо более широкую картину действительности:

бездарный квартет в составе Осла, Медведя, Козла и Мартышки – это лишь ирония над деятельностью чиновников. Эта басня со своим политическим звучанием, акцентом на бесплодность затей власть имущих представителей сохраняет актуальность и остроту и по сей день.

Иронический смысл произведения автор раскрывает в самом конце басни: он сконцентрирован в морали и является своеобразным венцом всему повествованию. Порой автор довольно резко и откровенно выражает свою позицию, и его ирония беспощадна.

Намеренно иронизируя над лицемерием и лестью, баснописец превращает речь персонажей в нечто неестественно приторное: «И начал так: *Друзья! К чему весь этот шум? / Я, ваш старинный сват и кум, / Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры; / Забудем прошлое, оставим общий лад...*» [Крылов, 1984: 491]. Возвышенные слова, громкие обещания и показная вежливость не вызывают никакого доверия, когда звучат из уст хищника.

Высокая степень изобразительности и образности также достигается с помощью эпитетов. Мы будем придерживаться широкого представления понятия эпитет – образное определение некоторого явления или действия [Белокурова, 2006]. На сегодняшний день теория эпитета довольно хорошо разработана и описана российскими учеными-литературоведами, такими как А.А. Потебня, Б.В. Томашевский, А.П. Евгеньева и др., однако единого мнения об этом виде тропа у исследователей до сих пор нет.

К.С. Горбачевич и Е.П. Хабло в статье, размещенной в «Словаре эпитетов русского языка», приводят классификацию эпитетов, в которой выделяют три основных вида: общеязыковые, народно-поэтические и индивидуально-авторские [Хабло Е.П., Горбачевич К.С., 1979]. Наиболее репрезентативной является группа общеязыковых эпитетов, и основной ее характеристика – это повторяемость в художественных текстах и литературной речи.

Общеязыковые, или постоянные, эпитеты часто встречаются в художественных произведениях, могут повторяться в различных текстах неограниченное количество раз: «косопалый Мишка» («Квартет»), «лето

красное» пропела стрекоза («Стрекоза и Муравей»). Примером общеязыкового эпитета является характеристика жизни – «пустынная», которую мы встречаем в басне «Пустынник и Медведь»: «*Про жизнь пустынную как сладко не пиши, / А в одиночестве способен жить не всякий...*». «Сладко» писать» – тоже эпитет, характеризующий повествование только с точки зрения лучших сторон одинокого образа жизни.

В литературный язык народно-поэтические эпитеты были заимствованы из фольклора, их характеризует постоянство и ограниченность в рамках лексической сочетаемости. Часто прилагательные, выступающие в роли эпитетов, употребляются в усеченной форме. В той же басне «Пустынник и Медведь» видим «*темну дуброву*» и «*шелкову мураву*» [Крылов, 1984: 540]. В басне «Стрекоза и Муравей» «*помертвело чисто поле*» [Там же: 496]. Индивидуально-авторские эпитеты основаны на личных ассоциациях, особом видении автора, поэтому в других текстах они почти никогда не воспроизводятся. В Басне «Вороненок» Крылов рисует перед читателем тулуп «*прекосматый, густой, всклокоченный, хохлатый*», как будто волосы человека [Там же: 504].

Интересно также рассмотреть частеречную принадлежность эпитетов из басен И.А. Крылова. Для этого сначала обратимся к классификации эпитетов по частям речи, предложенной Д.Э. Розенталем и М.А. Теленковой [Розенталь, 1976: 353]. Эпитеты могут быть представлены словами различных частей речи: прилагательными, наречиями, существительными и др. В художественном тексте они имеют одинаковую смысловую нагрузку, серьезных отличий в ней не наблюдается.

Эпитеты, выражаемые посредством имени прилагательного, представляют собой некое образное, художественное определение, более ярко и глубоко раскрывающее доминантный признак того или иного предмета или явления. В басне «Осел и Соловей» встречаем «*томную свирель*» [Крылов, 1984: 506], в басне «Листы и корни» видим дерево, которое «*пышно и кудряво, раскидисто и величаво*» [Крылов, 1984: 532].

В качестве эпитетов могут встречаться и субстантивированные

прилагательные: «У сильного всегда бессильный виноват» («Волк и Ягненок»). В предложении такие прилагательные могут выполнять роль подлежащего или дополнения. Эпитеты, выраженные именами существительными, играют роль сказуемых или могут являться несогласованными определениями – приложениями. В басне «Разбойник и Извозчик» встречаем: «олух-детина», «извозчик – малый удалой» [Крылов, 1984: 648], в басне «Ворона и Лисица» лиса называет Ворону «царь-птицей» [Крылов, 1984: 457].

Эпитеты-наречия обычно определяют действие – глагол и чаще всего имеют функцию обстоятельства: говорить «нагло и надменно» («Листы и корни»), петух поет «громко, важно» («Кукушка и Петух»).

Что касается ритмики басен, то И.А. Крылов также активно использует её для создания образной системы. Так, для образа попрыгуньи-стрекозы он выбирает особый стихотворный размер – хорей, который сам по себе обладает некой «прыгучестью». И в целом автор довольно часто обращается к приему звукописи: в речи Змеи в басне «Змея» преобладают шипящие звуки, в басне «Мор зверей» многократно повторяются звуки [м], [у], [ы]. В басне «Листы и корни» противостояние листьев и корней заметно даже на фонетическом уровне: в первой части постоянно звучит звук [л], а во второй же части его вовсе нет, там появляются звуки [к], [р], [н].

Ямб как самый распространенный размер стихосложения наиболее соответствует разнообразию и многоголосию, представленному в баснях. В басне «Осел и Соловей» пение Соловья передается языком, схожим с языком идиллии. Такой подход к детализации речи персонажей позволил И.А. Крылову существенно раздвинуть границы басни. Речь Медведя тяжела и медлительна, как и он сам. Фонетическое звучание стиха у И.А. Крылова наделяется смыслом.

Итак, комплексная характеристика художественных средств языка и многообразие фигур речи создают образность басен И.А. Крылова и формируют их особый нарратив, который отражает национальную специфику русской языковой картины мира. При этом обнаруживается параллелизм между фигурами речи и их языковым оформлением: так, метафора сочетается с

аллегорией и др. Поскольку образы-персонажи басен – это животные, то зооморфная метафора играет ведущую роль в текстах басен, а зоономинации (зоонимы) опираются на не прямые, переносные значения лексических и фразеологических единиц в баснях И.А. Крылова.

1.5. Сопоставительный анализ русских и китайских зоонимов

В последние годы вопрос зоонимов привлекает внимание большого числа российских и китайских ученых.

В диссертации [Гаврилюк, 2017] описываются объективные сходства и различия между русскими и китайскими зоонимическими метафорами, а также объясняются причины сходства и различия между русскими и китайскими зоонимическими метафорами с трех позиций: влияния китайской и русской географической среды, традиционной культуры и языковых факторов.

В работе [Якурова, 2021] проведено сравнительное исследование метафор животных в русском и китайском языках с точки зрения теории метафор и изучено, как российские студенты усваивают китайские идиомы, содержащие названия животных. На примере китайских идиом сравниваются и классифицируются русские и китайские метафоры животных.

В исследовании [Копытова, 2022] берутся часто используемые идиомы животных в китайском и русском языках, и проводится многокурсный сравнительный анализ метафорических значений китайских и русских идиом животных на основе изучения соответствующей исследовательской литературы в России и за рубежом. С точки зрения географической среды, исторической культуры и языковой системы делается попытка объяснить причины различий в метафорических значениях идиом животных в китайском и русском языках.

Основное внимание работы Ван Шуфан уделяется метафорам животных в баснях И.А. Крылова и «Древнекитайских баснях» в западной и восточной культурах. С помощью сравнительного анализа описываются сходства и различия в употреблении метафор животных, а также выявляются межкультурные причины, лежащие в основе таких различий [Ван Шуфан, 2021].

В исследовании [Ло, 2020] используется анализ данных опроса для изучения специфики метафор животных в русском и китайском языках, проводится сравнение сходств и различий метафор в анализируемых языках, описываются стратегии понимания в процессе использования метафор животных и выявления когнитивных факторов, которые вызывают ошибочное понимание метафоры.

Ван Сюэфэй, применяя теорию метафорного познания, сравнивает и анализирует сходства и различия междоменного сопоставления русских и китайских зоонимов (домен человеческого тела, домен оценки, домен социальных отношений, домен политэкономии и т.д.) [Ван Сюэфэй, 2011].

В диссертации [Солнцева, 2015] рассматриваются семантические и функциональные особенности зоонимов и их семантические и морфологические дериваты (зооморфизмы и отзоонимичные глаголы). Проведено комплексное сопоставление переносно-образных значений зоонимов русского, французского и немецкого языков по двум направлениям – образной основе и по тождеству значений, результатом которого должно стать выделение национально-специфических лексических единиц в исследуемых языках.

В исследовании [Маслов 2014] проанализирована роль зоометафор как базового компонента формирования метафорической модели, отражающей языковую картину мира в русскоязычном сознании; установлен инвективный потенциал зоометафор, который проявляется в рамках различных дискурсов, репрезентируются коммуникативно-прагматические интенции адресанта, и определяется коммуникативно-дискурсивными условиями.

В работе [Чэн 2012] анализируются и сравниваются сходства и различия метафор животных в русском и китайском языках, исследуются внутриязыковые и экстралингвистические факторы (глубинные социокультурные факторы), обуславливающие эти сходства и различия, охарактеризованы собственно ценностные и прагматические функции животных метафор.

Е.С. Яковлева анализирует фразеологизмы китайского языка, содержащие зоонимы, а также устанавливает содержательное разнообразие, контрастивную

ценность и национальные особенности использования зоонимов в устном народном творчестве. Ученым выявлены лингвистические и экстралингвистические факторы, влияющие на национально-специфическое восприятие зоонимов [Яковлева, 2018].

В работе [Цзян 2021] выбираются репрезентативные для китайской культуры животные, а именно летучая мышь, собака и змея, и проводится сравнительное исследование английских и китайских метафор животных на основе теории концептуальной метафоры, теории концептуальной интеграции и метафоры большой цепи.

В работе [Чжан 2012] на основе корпуса общей лексики проводится качественный анализ метафорических наименований животных.

Основываясь на теории когнитивной метафоры, Мо Цзяо анализирует механизм создания метафор в китайском языке, появление новых метафор в эпоху Интернета, а также использование метафор в обучении китайскому языку как иностранному [Мо 2012].

Таким образом, изучение зоометафор продолжается в работах современных китайских и российских ученых и является перспективным научным направлением.

Выводы по главе I

И.А. Крылов – реформатор жанра басни, сумевший создать реалистичные образы и воплотить в них черты многогранного человеческого характера. Крылов типизировал характеры и наделил их многомерностью, которая присуща реальному миру. Мастерство И.А. Крылова как баснописца проявилось и в том, что он сумел разграничить аллегорическую типизацию, обобщенность описываемых характеров и ситуаций и конкретность, уникальность персонажей, объединив их в рамках басни. И.А. Крылов реформировал жанр басни на всех языковых уровнях. Он внедрил в поэтический текст басни живой народный язык – разговорный стиль, понятный каждому. В басенном творчестве он соединил народность и образность, активно использовал фигуры речи, особенно метафору.

Басня – особый жанр, восходящий к эпической поэзии; в основе басни лежит повествование, однако ведется он в аллегорической форме. Логические отношения между живыми и неживыми предметами, персонажами-образами – людьми и животными строятся на комплексе фигур речи, среди которых ведущая роль принадлежит метафоре, зачастую зоометафоре: зоонимы, которые означивают образы-персонажи басни, приобретают не только человеческие черты, но и отражают многообразные формы человеческих взаимоотношений, которые также переносятся на персонажей. На этой основе формируется метафорический перенос и возникает зооморфная метафора.

В большинстве басен действующими лицами являются животные. На основании их характеров и повадок баснописец создает множество ярких зоометафор: он соотносит известные повадки и нравы животных с поступками и характерами людей. Животные отобраны по принципу близости с народным эпосом: в баснях действуют животные, представления о повадках которых глубоко закрепились в стереотипном представлении народа, они кодифицированы в национальной русской картине мира. Так, Лев является олицетворением силы и власти, царственности, при этом легко допускающим беззаконие и тиранию. Орел – аллегория величия, непоколебимой уверенности в себе на грани с самоуверенностью. Лиса хитра и даже коварна, ее оружие – лицемерие и лукавство. Образ Лисы часто можно встретить в баснях с социальной проблематикой, где автор рассуждает о разного рода злоупотреблениях и превышениях полномочий: Лиса-судья, Лиса-прокурор, Лиса-воевода и т.д. Осел очень добр, но бесконечно глуп, от того и все его беды. Медведь силен, но его сила бестолкова, как порой и он сам, оттого мы видим его часто неповоротливым, неуклюжим. Образ Волка вторит образам народных сказок, он предстает злым и кровожадным. Змея опасна и умна, она тоже зла. Овцы, реже ягнята, всегда представлены безропотными жертвами, «серая бесправная масса», если проводить аналогию с обществом и его вечной проблемой «маленького человека». Пчела и Муравей – метафоры трудолюбия, Стрекоза, напротив, безделья и беспечности. В.Г. Белинский отмечал, что «у

Крылова всякое животное имеет свой индивидуальный характер» [Белинский В.Г., т. 3: 393]. Образы-персонажи чаще всего представлены в одной басне на контрасте характеров в виде оппозиции.

Вычленение смысла в басне строится на единстве компонентов, анализе взаимодействия нарратива – повествовательной части и морали. Обе эти части имеют различные функции и задачи. Нарратив-повествование (аналог сюжета) подводит читателя к морали, дает ему возможность самостоятельно вывести поучение, но не сводится к нему. Морализаторская (назидательная) же часть наиболее ярко и наглядно выявляет и формулирует нравственный закон, этическую норму. В тексте басни мораль может предшествовать нарративу-повествованию, а может и завершать его. В обоих случаях мораль передает точку зрения автора-нарратора, тем самым фокусируя внимание читателя. Мудрость автора, сформулированная в морали, постоянно направлена на простых людей, выражение их справедливой позиции – народной, житейской.

Для создания художественного образа в баснях И.А. Крылова важным инструментом являются многочисленных индивидуально-авторские характеристики: Лису он называет плутовкой, Мартышку – проказницей, Мужика – простаком, Волка – забиякой и проч.; широко используются развернутые описательные конструкции: *Хоть, кажется, слонов и умная порода, / Однако же в семье не без урода* («Слон на Воеводстве»); оценочные эпитеты: *спесивый Осел, смиренный Вол*; глаголы с эмоциональной окраской: *Свинья на барский двор когда-то затесалась; / Вокруг конюшен там и кухонь наслонялась; / В сору, в навозе извалялась; / В помоях по уши досыта накупалась*; («Свинья»); оценочные выражения тавтологического характера: *свинья – свиньей*.

Интересны и имена собственные, которые использует автор, поскольку они не случайны, а специальным образом отобраны из тех, что имеют богатую историю и стереотипные характеристики в русской языковой картине мира. Все имена, которые можно встретить в баснях, простонародные: *Тришка, Савва, Федя, Сеня, Демьян* и др. Также во взаимоотношениях героев присутствует особенность: использование терминов родства (*кума, сватья* и др).

В баснях И.А. Крылов вскрывает и проблемы социальной направленности. В подобных случаях он не дает персонажам личных имен, а называет из социальное положение или род занятий. Так, героями становятся мужик, крестьянин, огородник, служанка, философ, вельможа, купец или богач. Социальные роли могут быть разными, но читатель точно понимает, о каком сословии идет речь: о богатых и имеющих власть или о прислуге, низшем сословии. Также И.А. Крылов часто использует в своих баснях поговорки, они очень показательны для отражения крестьянских реалий.

Таким образом, многообразие выразительных средств языка, воплощенных в фигурах речи, создают образность басен И.А. Крылова и формируют их особый нарратив. На наш взгляд, наблюдается параллелизм между фигурами речи и их языковым воплощением, так, метафора воплощается в аллегории и др. Это в полной мере относится к зоономинациям, смысл которых опирается на не прямые, переносные значения лексических и фразеологических единиц в баснях И.А. Крылова.

Глава II. Семантические компоненты зоонимов в русских текстах басен

И.А. Крылова

2.1. Словарные значения зоонимов в толковых словарях русского языка

Данная глава посвящена семантическому анализу зоонимов – языковых единиц басен И.А. Крылова в контексте формирования целостной картины мира. Лингвоцентрический и линвокультурологический подход к исследованию позволяет выявить и детально описать функционально-семантические свойства языковых единиц, определить их роль в формировании идиостиля автора, а также для формирования целостной картины мира. По мнению Л.Г. Бабенко, как правило, наблюдаются сложности, связанные с рассмотрением в полной мере текстовых функций изучаемых единиц, их роли в семантике и структуре текста в полной мере [Бабенко, 2004: 13]. Поэтому, вслед за проф. Л.Г. Бабенко мы расширим лингвистический анализ зоонимов как компонентов текстов басен И.А. Крылова с учетом культурологического аспекта: рассмотрим особенности функционирования зоонимов, как и некоторых других антропоморфных номинаций с учетом фольклорной картины мира, отдельных экстралингвистических факторов, а также с учетом жанрово-стилистических особенностей их употребления. Сначала попытаемся различить некоторые смежные понятия и определить их объем, принимаемый за основу в данной работе.

Наиболее близкими, часто употребляемыми в качестве синонимов понятиями являются зоонимы и зоосемизмы. Однако вслед за Н.В. Солнцевой, мы будем использовать понятие «зооним» в качестве обозначения прямой номинации животного, тогда как под зооморфизмом будем понимать «элемент, подвергшийся метафоризации, то есть содержащий в себе антропологическую отсылку или оценку отдельных характеристик поведения человека» [Солнцева, 2004: 34].

В пределах текста (в данном случае текста басен И.А. Крылова)

антропоцентрический подход позволит нам провести анализ языковых единиц в аспекте соотнесенности «автор – текст – читатель», а когнитивный – в аспекте «автор – текст – внетекстовая деятельность» [Бабенко, 2004: 17].

Использование зоонимов в тексте – одно из средств вербализации культурного кода. Зооморфные номинации, частотные в текстах басен И.А. Крылова, являются универсальными метафорическими единицами художественной речи, поскольку транслируют стереотипное представление народом поведения животных, а также восприятие собственных, человеческих, качеств [Бабенко, 2004: 17].

Особый интерес вызывает сопоставительный анализ зоонимов, имеющих отражение в языковой картине мира русского народа и зафиксированных в толковых словарях, с зоономинациями из басенных текстов И.А. Крылова. При этом возникают такие вопросы: одинаковый ли набор смыслов реализован в данных номинациях и в чем состоит разница в использовании зооморфных символов при создании образов и прямой номинации действующих лиц?

Материалом для исследования послужили 79 зоонимов из 209 басен И.А. Крылова, включая контекстные употребления зоонимов, полученные методом сплошной выборки.

В баснях зоонимы как единицы ономастики аналогичны именам собственным, называющим различных животных. Они изучаются достаточно широко и рассматриваются в многочисленных культурных аспектах [Марудова, 2015: 103]. Интерес лингвистов и языковедов лежит в области лексической семантики данных языковых единиц, их деривационного потенциала и особенностей функционирования в текстах, поскольку данный лексический пласт транслирует систему ценностей определенного круга дающих номинации людей, их мировоззрение, сознание, способ мышления. Таким образом рождается понятие «зооморфный код», характерный для каждого отдельного народа, отдельной культуры [Огдонова, 2000: 16].

Зоонимы играют важную роль в формировании и развитии языковой картины мира, поскольку заключают в себе и кодируют как элементы

ментальности, так и особенности взаимодействия людей с животными на разных этапах развития вплоть до современности. По своей сути, зоонимы являются универсальной лексико-семантической группой слов, поскольку хранят в себе важный фрагмент языковой картины мира: воспроизводят человеческий опыт, выражают стереотипы и культурные штампы, передают результат языкового творчества [Хроленко, 1992: 96].

В.Н. Топоров, А.Ф. Журавлева, Б.Н. Проценко и другие ученые, находя истоки русских зооморфных номинаций в древних славянских языках, придерживались историко-этимологического аспекта в их изучении. В историческом ракурсе В.И. Даль, А.А. Потебня, А.Н. Афанасьев в своих трудах приводят этнолингвистические характеристики зоонимов, обращаясь к фольклору и мифопоэтическим описаниям животных. При этом учитывается осмысление образов животных и в религиозном контексте, определяется их место в традиционных славянских верованиях [Гура, 1997: 453].

В баснях И.А. Крылова насчитывается 60 зоонимов, являющихся прямыми номинациями животных разных классов, что отражает широкий смысловой диапазон зоономинаций. Приведем их классификацию, а также рассмотрим значения наиболее частотных зоонимов, включенных в толковые словари русского языка.

Принято различать домашних (одомашненных) и диких животных; существенна и группа хищников. Приведем их распределение с учетом текстов басен И.А. Крылова:

ПТИЦЫ

- **Домашние:** *кураца* («Ворона и Курица», «Орел и куры», «Скупой и Курица»); *петух* («Петух и жемчужное зерно», «Кукушка и Петух»); *павлин* («Павлин и Соловей»); *гусь* («Гуси»).

- **Дикие:** *ворона* («Ворона», «Ворона и Лисица», «Ворона и Курица», «Вороненок»); *чиж* («Чиж и Голубь», «Чиж и Еж»); *голубь* («Чиж и Голубь»,

«Два голубя», «Мор зверей»); *синица* («Синица»); *лебедь* («Лебедь, Щука и Рак»); *скворец* («Скворец», «Котенок и Скворец»); *кукушка* («Кукушка и Горлинка», «Волк и Кукушка», «Кукушка и Орел», «Кукушка и Петух»); *горлинка* («Кукушка и Горлинка»); *журавль* («Волк и Журавль»); *ласточка* («Мот и Ласточка»); *соловей* («Павлин и Соловей», «Осел и Соловей», «Соловьи», «Кошка и Соловей»).

- **Хищные:** *орел* («Орел и куры», «Кукушка и Орел», «Орел и Пчела», «Орел и Крот», «Орел и Паук»); *сокол* («Собака, Человек, Кошка и Сокол», «Сокол и Червяк»), *филин* («Филин и Осел»).

ЖИВОТНЫЕ

- **Домашние** (живут рядом или вместе с человеком): *собака* («Две собаки», «Собачья дружба», «Прохожие и собаки», «Слон и Моська», «Собака и Лошадь», «Овцы и собаки», «Собака», «Крестьянин и Собака», «Собака, Человек, Кошка и Сокол», «Волки и пастухи»); *кот / кошка* («Кот и Повар», «Котенок и Скворец», «Волк и Кот», «Щука и Кот», «Собака, Человек, Кошка и Сокол», «Кошка и соловей»).

- **Домашние** (живут в отдельном помещении): *осел* («Осел», «Обоз», «Филин и Осел», «Осел и Мужик», «Осел и Соловей», «Квартет», «Апеллес и Осленок», «Лисица и Осел», «Осел и Заяц»); *вол* («Мор зверей», «Лягушка и Вол»); *овца / ягненок* («Овцы и собаки», «Пестрые овцы», «Змея и Овца», «Волки и овцы», «Крестьянин и Овца», «Волк и Ягненок», «Ручей», «Ягненок»); *конь / лошадь* («Обоз», «Конь и Всадник», «Крестьянин и Лошадь», «Собака и Лошадь»); *свинья* («Свинья», «Свинья под дубом»), *козел*

(«Квартет»).

- **Дикие:** *заяц* («Заяц на ловле», «Осел и Заяц»); *обезьяна / мартышка* («Мартышка и очки», «Обезьяна», «Обезьяны», «Квартет», «Зеркало и Обезьяна»); *лиса / лисица* («Мирская сходка», «Лев и Лисица», «Лиса-строитель», «Лисица и виноград», «Лисица и Осел», «Лиса», «Лев, Серна и Лиса», «Ворона и Лисица», «Крестьянин и Лисица», «Мор зверей», «Пир», «Лисица и Сурок», «Волк и Лисица», «Добрая Лисица»); *еж* («Чиж и Еж»); *тигр* («Мор зверей»); *волк* («Волк и Кот», «Мирская сходка», «Волк и Волчонок», «Мор зверей», «Волк на псарне», «Волки и овцы», «Волк и Лисица», «Волки пастухи», «Лев и Волк», «Волк и Кукушка», «Волк и Ягненок», «Волк и Мышонок», «Волк и Журавль», «Комар и Волк»); *лев/львица* («Пир», «Мор зверей», «Лев и Комар», «Воспитание Льва», «Лев и Барс», «Лев на ловле», «Лев», «Мирская сходка» (лев и львица), «Лев и Волк», «Лев и Лисица», «Лев и Мышь», «Лев, Серна и Лиса», «Лев состарившийся», «Лев и Человек»), *барс* («Лев и Барс»); *слон* («Слон на воеводстве», «Слон и Моська», «Слон в случае»); *медведь* («Квартет», «Мор зверей», «Пустынник и Медведь», «Медведь у пчел», «Медведь в сетях», «Трудолюбивый Медведь»); *серна* («Лев, Серна и Лиса»), *коза дикая* («Дикие козы»), *лань* («Лань и Дервиш»).

Грызуны: *мышь* («Совет мышей», «Волк и Мышонок», «Мышь и Крыса», «Мыши», «Лев и Мышь»); *крыса* («Мышь и Крыса»); *белка* («Белка»), *сурок* («Лисица и Сурок», «Пир»); *крот* («Орел и Крот», «Пир»).

Рыбы: *разные рыбы* «Рыбья пляска»; *лещ* («Лещи»); *плотва* («Плотичка»); *щука* («Лебедь, Щука и Рак», «Щука», «Щука и Кот»).

Насекомые: *стрекоза* («Стрекоза и Муравей»); *муравей* («Стрекоза и Муравей», «Муравей»); *пчела* («Орел и Пчела», «Пчела и мухи», «Паук и Пчела», «Муха и Пчела»); *комар* («Лев и Комар», «Комар и Пастух», «Комар и Волк»); *муха* («Муха и дорожные», «Пчела и мухи», «Муха и Пчела»); *паук* («Орел и Паук», «Подагра и Паук», «Паук и Пчела», «Паук и Гром»).

Земноводные: *лягушка* («Лягушка и Вол», «Лягушки, просящие Царя», «Лягушка и Юпитер»); *рак* («Лебедь, Щука и Рак»).

Пресмыкающиеся: *змея* («Змея», «Крестьянин и Змея», «Мальчик и Змея», «Клеветник и Змея», «Змея и Овца»).

Черви: *червяк* («Камень и Червяк», «Мальчик и Червяк», «Сокол и Червяк»).

Наиболее частотными героями в баснях И.А. Крылова предстают волк и собака (в 25 баснях), овца / ягненок (24), лиса (22), лев / львица / львенок (20), курица и петух (18), медведь и осел (14), кошка / кот / котенок (12), муха (11), лошадь / конь (11), соловей (11), змея (10).

Здесь важно разграничить значение зоонима, отражающее научные знания о животном, и его бытовое назначение, а также образ животного в восприятии человека, складывающийся из общего культурного представления, поскольку, по мнению ученых: «Семантическая история слов во многих случаях достаточно отчетливо отражает изменения в условиях жизни общества» [Нагорная, 2014: 21]. Для того чтобы проследить развитие лексического значения зоонима, его обогащение или обеднение, обратимся к словарным толкованиям с учетом этимологии слова.

В качестве примера рассмотрим словарную кодификацию зоонима «волк». В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля зафиксировано следующее толкование: «хищный зверь песьего рода, положительными признаками едва отличающийся от собаки» [Даль В.И., 2004]. «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.В. Дмитриева дает толкование в несколько ином представлении: «дикое животное с серым мехом, похожее на большую собаку» [Толковый словарь русского языка, 2003]. В «Историко-

этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных приводит схожую дефиницию: «хищное животное, родственное собаке» [Черных, 1999: 164]. В «Этимологическом словаре русского языка» А.Г. Крылова так описывается появление самой номинации: «этот хитрый и коварный зверь получил такое имя из-за воровской своей привычки таскать (уволакивать) домашний скот: он загрызал и волок в лес и овцу, и козу, а то и корову. Буквально волк означает «уволакивающий скот» [Крылов Г.А., 2004]. В «Этимологическом словаре русского языка» А.В. Семенова указано, что «первоисточником является индоевропейская основа с лексическим значением «тащить» [Семенов А.В., 2003].

Интересное толкование зоонима «волк» содержится в «Словаре славянской мифологии» И.А. Мудровой, оно отражает содержание образа в русской фольклорной картине мира. В древности, когда существовало верование, что дикие животные – прародители людей, животные признавались могущественными, всесильными, оттого наделялись божественными чертами. Волк считался защитником племени, уничтожителем злых духов, в его честь произносили почести, а жрецы носили волчьи шкуры [Мудрова И.А., 2010].

Бытовое представление о животном, отражающее образ мыслей людей, можно рассматривать и на ассоциативном уровне. Обратимся к «Русскому ассоциативному словарю» и рассмотрим ассоциации, обладающие наибольшей частотностью (выше 3 единиц). Волк: серый (29), заяц (7), злой (4), голодный (3), хищник (3) [Ассоциативный словарь русского языка, 1994].

Давно известно, что научная и языковая картины мира различаются и по своей сути представляют собой различные мировоззрения, похожие лишь в некоторых «точках» [Лихачева, 2018: 41]. Как языковой концепт, «волк» содержит в себе такие характеристики: «серый, злой, всегда голодный, хищный, опасный». Чаще всего в фольклорной картине мира он представлен как враг зайцев. В обыденном языковом сознании *волк* – это хищник, т.к. питается только мясом животных, которых может поймать; чаще всего волк одинок и представляет угрозу для человека. Научная характеристика *волка* подобна

бытовой во внешнем представлении животного: превалирует серый окрас. Плотоядность волка с позиции науки оценивается не так высоко, лишь на половину, поскольку растительный рацион волка достаточно богат. Кроме того, *волки* – животные не индивидуальные, они живут стаями, где есть четкая иерархия, умны. Также есть множество научно доказанных фактов воспитания волками детенышей людей [Российская энциклопедия. Словарь, 2004].

Зооним «собака» кодифицирован во всех толковых словарях. В словаре Даля дается обширная дефиниция: «пес, сторожек, <...> бранное гавка, амка: домашнее животное; в обширном знач. пес название родовое, собака, волк, лиса, чекалка и пр. виды этого рода [Даль В.И., 2004]. Далее в словарной статье следует описание взаимодействия собаки и человека: «диких собак нет, кроме одичалых» [Там же]. Также приведены множественные названия пород собак, выведенных человеком для разных целей: водолаз, овчарка, дворняжка, шавка, бульдог, моська, борзая, волкодав, гончая, шпиц, болонка и др. [Там же]. В словаре В.И. Даля зафиксировано множество контекстных употреблений зоонима «собака» в художественных текстах, поскольку приведенные контексты являются существенными для формирования образа собаки в языковой картине мира русского народа. Среди них есть характеристика собачьей дружбы, данная И.А. Крыловым в басне «Собачья дружба»: *А кинь им кость, так что твои собаки!* (Собачья дружба) [Там же].

Характеристики «собаки», закрепленные в русской лингвокультуре, согласно словарю Даля: верность («собака человеку неизменный друг»), глупость, размер (маленькая собачонка, огромная собачище – «размером с теленка»), доброта («собака и старое добро помнит»), помощь человеку («без собаки и зайца не поймашь»), склонность к обжорству («сколько собаке не хватать, а сытой не бывать»), нежелание уступать («собака на сене»), пустые действия («собака лает, а бары едут»), злопамятность («за собакой палка не пропадет»), отсутствие больших ожиданий от нее («от лихой собаки хоть шерсти клок») и т.д. [Даль В.И., 2004].

В толковом словаре А. Дмитриева первые два толкования зоонима «собака»

опираются на научные представления об этом животном: «1. Домашнее животное семейства псовых; 2. Название некоторых хищных млекопитающих семейства псовых» [Дмитриев А., 1875]. Данный словарь фиксирует два значения, основанные на переносе некоторых качеств и характеристик животного на человека: «1. Тот, кто вызывает в ком-либо чувство сильной досады, раздражения; 2. Тот, кто вызывает в ком-либо чувство зависти» [Там же]. Компаратив «как собака» представлен на основе проявления тех или иных характеристик в крайней степени: «устал, как собака; голоден, как собака» [Там же]. Помимо прямых и переносных значений словарь фиксирует 11 фразеологических единиц с компонентом «собака» в составе и приводит их связные значения. Например, «вот где собака зарыта», «(нужен) как собаке пятая нога» и др.

Ассоциативный ряд зоонима «собака» выстраивается вокруг противоречивых по отношению друг к другу характеристик: злая (15), друг (5), умная (5), друг человека (3), кусачая (3), лает (3) [Русский ассоциативный словарь, 1994]. С точки зрения науки, существенно важными характеристиками собаки являются ее принадлежность к роду волков, плотоядность, развитые органы чувств (диапазон намного шире, чем у человека), хорошая память, отличное периферическое зрение. Именно эти характеристики делают собаку незаменимой для человека.

Следующий по частотности зооним, встречающийся в баснях И.А. Крылова, – «овца». В словаре В.И. Даля слово «овца» толкуется как «самка овна»; приведены примеры различных пород овец, а также многочисленные связанные и несвязанные контексты, в которых употребляется этот зооним. Основная характеристика животного – глупость [Даль В.И., 2004].

В словаре А. Дмитриева в качестве основной приводится научная дефиниция: «небольшое парнокопытное домашнее животное с густой мягкой шерстью, питающееся травой» [Дмитриев А., 1875]. В переносном значении слово «овца» – робкий, безответный человек [Там же]. Автором словаря приводится только одно фразеологически связанное значение: «заблудшая овца» как символ человека, чьи взгляды и поведение противоречат сложившимся

устоям и нормам [Там же]. Толкование зоонима «баран» схоже – «самец овцы, овен» [Даль В.И., 2004]. Главная характеристика, раскрытая в примерах контекстного употребления, – глупость, неспособность самостоятельно думать («баран бараном», «словно бараны, все в кучу сбились» и др.) [Там же].

Ассоциативный ряд, представленный в русском тезаурусе, отражает отрицательные характеристики этого животного – глупость, слабость, беспомощность: баран (39), паршивая (29), глупая (21), стадо (13), волк (10), ягненок (6), тихая (5), блудная (4), домашняя (4), драная (4), дура (4), трусливая (4), тупая (4) [Русский ассоциативный словарь, 1994]. Именно с этими качествами овца вошла в русскую языковую картину мира. Научкой не доказано, что овца/баран является животным, обладающим более скромными умственными способностями, чем другой домашний скот. Однако их стадность позволяет иронизировать на тему неспособности существования в одиночку. Кроме того, овцы легко адаптируются к жизни в любой климатической зоне, из-за чего они так распространены во многих регионах.

Мифопоэтический образ *овцы* отличается такими постоянными стереотипными характеристиками, как «устойчивость, стремление к единству, робость, кротость, безобидность, стыдливость, терпение, простота, жертвенность». В некоторых случаях овца представлялась «нежной, податливой, мягкой, невинной», тем самым она воплощала главное чувство в жизни – любовь. В образе овцы также регулярно актуализируются и слабые стороны, такие как «пассивность, безынициативность, глупость, упрямство, блуждание».

Типичный образ этого животного раскрывается во многих художественных текстах, и басни И.А. Крылова не стали исключением: через триаду «овца – баран – ягненок (агнец)». Чаще других в образе овцы преобладают такие качества как кротость и беспомощность, в образе барана – глупость и упрямство, ягненка – беззащитность.

Далее рассмотрим значение зоонима «лиса»: это «хищное млекопитающее семейства псовых, с острой мордой, длинным пушистым хвостом» [Евгеньева А.П., 1985]. В переносном значении «лиса» – «хитрый, лживый человек» [Там

же], которого В.И. Даль именует «проньрой» [Даль В.И., 2004]. Единого мнения об этимологии слова «лиса» не существует. По одной из версий слово «лиса» происходит от диалектного корня со значением «желтоватый», т.е. она получила свое именование по цвету шерсти. Другая версия определяет в качестве истока другой корень со значением «лихой» и обращает таким образом внимание не на внешние признаки, а на внутренние характеристики [Шанский Н.М., 1982].

Ассоциативный ряд зоонима представлен довольно узко: хитрая (21), рыжая (15), волк (7), заяц (5) [Русский ассоциативный словарь, 1994]. Доминирующая характеристика, отраженная в лингвокультуре, – это хитрость. Так, в сознании человека лиса представляет для него не меньшую угрозу, чем волк. Об этих животных существует схожее образное представление: «хищники, питаются мясом (зайцами, например), легко ловят добычу».

Научная и языковая картины мира вступают в противоречие друг с другом, поскольку в реальной жизни лиса чаще всего питается мелкими грызунами, зайцами – редко, потому что не способна догнать и поймать здорового взрослого зайца (ест только маленьких зайчат и падаль). Может есть птиц, но поймать может лишь птенца, поэтому ищет падаль. Ест ягоды и рыбу, но только мертвую (например, погибшую во время нереста), потому что живую поймать тоже не может. Собственных нор, как других животные, лисы не строят. Они занимают чужие норы, например барсучьи [Российская энциклопедия, Словарь, 2004].

Обратимся к зоониму «лев»: это «крупное хищное млекопитающее семейства кошачьих, с короткой желтоватой шерстью и пышной гривой» [Евгеньева, 1985]. В.И. Даль фиксирует в своем толковании отдаленность мест обитания этого животного от привычных нам: «хищный зверь знойной Африки и Азии», а также указывает на восприятие его образа в языковой картине мира – «именуемый царем зверей» [Даль В.И., 2004]. Наименование «царь зверей» восходит к значению слова на греческом языке, представляющего буквальный перевод [Крылов Г.А., 2004]. Ассоциативный ряд, зафиксированный в современном русском тезаурусе, поддерживается соответствующими характеристиками: царь (34), царь зверей (27), злой (22), зверь (21), большой (17),

грозный и страшный (13), сила (10), рычит (9), сильный (8) [Русский ассоциативный словарь, 1994].

Следующий зооним «медведь» представляет собой колоритный образ, глубоко вошедший в фольклорную картину мира, однако не имеющий яркой положительной или отрицательной коннотации. Согласно Малому академическому словарю А.П. Евгеньевой, медведь – «крупное, хищное, всеядное млекопитающее с большим, грузным, покрытым шерстью телом и короткими ногами» [Евгеньева А.П., 1985]. В разговорном варианте слово наиболее употребительно в переносном значении; речь идет о крупном, неуклюжем человеке [Там же].

Происхождение зоонима принято связывать с существовавшей уже в древние времена эвфемией, поскольку были введены запреты на использование «настоящего» имени. Так, медведя стали именовать по его особенности – любви к меду. Буквальный перевод будет звучать как «едящий мед» [Крылов Г.А., 2004].

Научный взгляд на это животное сильно отличается от обывательского. С точки зрения биологии, медведь – это ловкое животное, быстро бегают, умеет лазать по деревьям, хорошо охотится. Нет научного подтверждения, что он сосет зимой лапу, но есть версия, что на лапах меняется кожа и медведь, чувствуя зуд, лижет лапу. Также науке доподлинно не известно, насколько медведи любят мед и добывают ли его в дикой природе.

Ассоциативные представления о медведе, поддерживающие концепт, существующий в языковой картине мира, составляют следующие понятия: бурый (12), косилапый (11), белый (9), большой (3), в лесу (3), малина (3), толстый (3) [Русский ассоциативный словарь, 1994].

Из приведенного выше анализа отдельных зоонимов следует сделать вывод, что по своей природе названия животных многогранны. Одно наименование может отражать разные стороны денотата: экстерьер (цвет, размер), психические свойства (повадки, пищевые привычки и т.д.). Таким образом, определения в словарных статьях могут различаться. Один и тот же зооним в различных словарных статьях может быть определен с разных позиций [Степанов, 1958:

100]. Но также это возможное варьирование денотата оставляет лакуны для новых, потенциально возможных лексических определений. Таким образом, появляются новые трактовки и новые значения, рождающиеся из индивидуально-авторских употреблений.

2.2. Контекстуальные и текстовые изменения словарных значений русских зоонимов в баснях И.А. Крылова

При создании образов животных И.А. Крылов ориентируется как на научные факты и представления, так и на культурный зооморфный код. Такое сочетание позволяет расширить спектр характеристик образов-персонажей басен, выявить и указать на национально значимые и яркие черты, существующие и активно функционирующие в рамках лингвокультуры. Исходя из этого, для нас наиболее актуальным будет исследование зоонимов именно в сопоставительном аспекте. Также мы уделим внимание использованию зоонимов как в свободных, так и в связанных контекстах, рассмотрим их узусальные и окказиональные значения. Омнимичные случаи употребления зоонимов, а также имена собственные, которые выводятся из вторичных значений, мы исключили. Множество метких выражений из басен И.А. Крылова приобрели особый статус и закрепились в языке. Они вошли в речь в качестве пословиц и поговорок и, соответственно, в русскую языковую картину мира.

Волк наиболее часто предстает в фольклорных произведениях как отрицательный персонаж, поскольку наделяется такими характеристиками, как злость, алчность и жестокость. Он всегда голоден. В баснях Крылова описываются и его «попутные» черты: так, например, его легко сбить с толку и оставить в дураках, например в басне «Волк и Лисица». Сама Лиса наелась досыта в курятнике, припасла себе еды про запас, однако Волка она оставила ни с чем, предложив ему лишь поживиться сеном. В этой басне И.А. Крылов представляет Волка перед читателем как неудачника, наивное и глупое животное.

Он не способен различить добрые слова и лесть, на которую сразу же покупается. Кроме того, Волк в этой басне изображен слабым и беззащитным.

В басне «Волк и Журавль» Волк, напротив, предстает хитрым и коварным. Волк жаден (*Что волки жадны, всякий знает*); он не способен ни поделиться с другим, тем, что имеет, ни отблагодарить ближнего за помощь: *Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!* («Волк и Журавль»). И.А. Крылов называет Волка «зверем коварным». Волк кричит на Журавля, угрожает ему.

В басне «Волк и Волчонок» Волк учит своего сына промыслу, заботится о нем, что в целом характеризует его как положительного героя: *Волчонок Волк, начав помалу приучать / Отцовским промыслом питаться, / Послал его опушкой прогуляться; / А между тем велел прилежней примечать, / Нельзя ль где счастья им отведать* («Волк и Волчонок»).

И.А. Крылов высвечивает жадность волка, буквально: *Что волки жадны, всякий знает: / Волк, евши, никогда костей не разбирает* («Волк и Журавль»); его ненасытность и постоянное чувство голода: *Ягненок жаркий день зашел к ручью напиться; / И надобно ж беде случиться, / Что около тех мест голодный рыскал Волк* («Волк и Ягненок»), но при этом автор указывает и на обратные качества – доброту и смирение: *Видали и таких волков, и многократ: / Примеры эти не забыты, / Которые ходили близко стад / Смирехонько – когда бывали сыты* («Волки и овцы»). Внешний образ – серый окрас волка – также часто встречается в баснях: *Из стада серый Волк в лес затащил Овцу, / Уж, разумеется, не в гости* («Волк и Мышонок»).

В научной картине мира волк и собака – животные одного семейства, следовательно, они обладают целым набором схожих характеристик, в частности поведенческих. В баснях И.А. Крылова волк наделяется чертами, явно отличающими его от собаки, практически противопоставляющими одно животное другому, хотя собака в его баснях предстает в разных ипостасях. Автор изображает и ее сильные, и ее слабые стороны.

По мнению лингвистов, зоосемизм (зооним) «собака» является одним из наиболее частотных ключевых понятий не только в басенном творчестве

И.А. Крылова, но и в целом в русской языковой картине мира. Он содержит множество ассоциаций, в том числе применимых к характеристике человека [Киприянова, 1998: 15].

В словаре басен И.А. Крылова зафиксировано следующее толкование: «Собака – домашнее животное семейства собачьих, используемое для охраны, охоты и других целей» [Кимягарова, 2006: 691].

В других словарях зафиксировано два соотносительных понятия: «собака» и «пес». Они оба встречаются в баснях И.А. Крылова, фиксируют некоторую разницу в сочетаемости: собака – животное, имеющее своего хозяина, пес – животное бездомное, брошенное, одинокое. В баснях И.А. Крылова понятие «собака» используется в самом широком контексте, тогда как «пес» – дворовая собака, призванная нести службу своему хозяину.

В языковом сознании носителей русского языка прежде всего содержится представление о собаке как о самом преданном и верном друге человека [Багана, Михайлова, 2010: 8]: *К стыду, из нас не всякой сравнится в верности с собакой!* («Собака, Человек, Кошка и Сокол») – так поддерживает этот концепт И.А. Крылов. Но собака у него может представать и совершенно в противоположном амплуа: *Послушать, кажется, одна у них душа, / А только кинь им кость, так что твои собаки* («[Собачья дружба»). Клятва о вечной дружбе в горе и в радости не выдерживает малейшего испытания – первая же кость, брошенная Поваром, приводит собак к раздору: *Пес дружества слывет примером с давних дней; / А дружбы между псов, как будто меж людей, / Почти совсем не видно* («Собачья дружба»).

В баснях Крылова *собака* может нести верную службу хозяину: *Коль подлинно не плох пастух, / Так он плохих собак держать не станет* («Волк и Волчонок»), но может и заниматься совершенно пустыми, бесполезными делами: *Дворняжка тьякнула на них; / За ней другая, там еще две-три, и вмиг / Со всех дворов собак сбегалось с полсотни* («Прохожие и собаки»). Собака может добыть себе славу не только верной службой, но пустым делом, при этом не подвергая себя даже малейшему риску: *... я, совсем без драки / Могу попасть в*

большие забияки... («Слон и Моська»). Собаки, равно как и люди, умеют приспособливаться к любой ситуации, забыв о гордости и уважении к себе: *Чем служишь? Вот прекрасно! – / С насмешкой отвечал Жужу, – / На задних лапках я хожу* («Две собаки»). Иногда для собаки характерно желание показать себя важнее, чем она есть на самом деле: *Ни днем, ни ночью я не ведаю покою: / Днем стадо под моим надзором на лугу, / А ночью дом я стерегу», – / «Конечно, – Лошадь отвечала, – / Твоя правдива речь: / Однако же, когда б я не пахала, / То нечего б тебе здесь было и стеречь* («Собака и Лошадь»).

В своих баснях И.А. Крылов использует множество номинаций собаки, и все они отличаются оттенками значений, которые можно восстановить из контекста. В текстах басен встречается 40 нейтральных номинаций: *собака*, *собачка* (1) – маленькая собака («Лев и Волк»); *собачонка* (1) – маленькая, еще глупая собака («Лев и Волк»), *пес* (13) употребляется в значении «собака как помощник человека по хозяйству»; *Барбос* (9) – распространенная кличка дворовых собак используется как обобщенное название дворовой, несущей службу хозяину собаке; *болонка* (1) – маленькая комнатная собачка (обитающая в непосредственной близости с человеком) («Две собаки»); *Жужу* (3) – кличка маленькой комнатной собаки (болонки); *моська* (4) – мопс, порода комнатных собак; *шавка* (1) – маленькая дворовая собачка, дворняжка («Слон и Моська»); *дворняжка* (1) – небольшая собака, охраняющая двор («Прохожие и собаки»); *Жучка* (1) – кличка собаки («Крестьянин в беде»); *Полкан* (3) – кличка собаки («Собачья дружба»), *Полканушка* (1), *щенок* (3).

В своих баснях И.А. Крылов иногда представляет собаку шаловливой («Собака»), иногда дисциплинированной, верной («Собака, Человек, Кошка и Сокол»). Собака в баснях может быть не способной к честной и искренней дружбе («Собачья дружба»), злой («Волк и Лисица»), и наоборот, может быть ласковой и доброй.

Интересно проследить, как меняются характеристика и номинация животного в зависимости от приближенности к человеку. Близость к человеку делает собаку бесполезным, пустым существом. Собаки перенимают черты

своих хозяев, например: *А где пастух – дурак, там и собаки – дуры* («Волк и Волчонок»).

Среди прочих образов особый интерес для читателя представляет образ лисицы, поскольку он многогранен и не ограничивается только одной, наиболее распространенной в языковой картине мира характеристикой, – хитростью. Лисица коварна, умна, рассудительна и весьма находчива. Крылов называет ее «лисой», «лисицей», «плутовкой».

В словаре басен И.А. Крылова содержится нейтральное определение этого зоонима, в большей степени опирающегося на научные взгляды, например: «Лисица – хищное животное с длинным пушистым хвостом» [Кимягарова, 2006: 337]. Однако представления об этом животном в научной и языковой картинах мира сильно различаются. В лингвокультуре лиса – охотница, ловит и ест зайцев и прочих небольших животных, не питается падалью, живет в собственном жилище – в норе. Наука же в корне противоречит этому: лиса не настолько ловкое и сильное животное, чтобы справиться с другим животным, догнать зайца или поймать живую рыбу, поэтому чаще всего в природе лиса вынуждена искать пропитание в виде падали. Кроме того, часто лисы вообще не строят своих нор, а занимают уже имеющиеся.

У И.А. Крылова лиса в первую очередь хитрая. Ей не составит труда выдать себя за ту, кем она не является, показать себя с хорошей стороны и разжалобить окружающих: *Лисица птицам говорит, / На камушке против гнезда сироток сидя: «Не киньте, милые, без помощи детей»* («Добрая Лисица»). Она любит сыр, и чтобы его получить, готова пойти на многое: *Вдруг сырный дух лису остановил, / Лисица видит сыр, / Лисицу сыр пленил* («Ворона и Лисица»). Сыр – продукт дорогой и недоступный каждому, оттого и рождается к нему такой сильный интерес. Лесть – ее главное оружие: *О, царь наш, добрый царь!* («Мор зверей»). Но, как и прочие животные, лисица у И.А. Крылова может быть недалёковидной, например: *Кончик хвостика Лисица замочила, / И ко льду он примерз* («Лиса»). Лисица – отменная сплетница, о чем рассказывается во многих баснях: *В овечьи старосты у Льва просился Волк / Стараньем кумушки Лисицы / Слово о нем*

замолвлено у Львицы [Там же].

Часто в текстах басен лиса именуется «кумушкой», «кумой», а также в ее речи часто используются обращения «кума», «кумушка», «кум», «куманек». Кума – это обычно немолодая женщина, находящаяся с кем-либо в приятельских отношениях или во внебрачной связи (устаревшее значение) [Кузнецов, 2004]. Таким образом, через особую, близкую, почти родственную связь лиса добивается особого расположения.

Фразеологически связанные значения лексемы приобретают в составе устойчивых воспроизводимых словесных комплексов. Лексически связанные – в контексте одной или нескольких сопутствующих лексем, не образующих при этом жесткой структуры [Алефиренко, 2015: 219].

Например, поговорка: *А Васька слушает да ест* («Кот и Повар»). Кличка кота *Васька* – ставшая общей номинация беспечного, ленивого и непослушного кота, действующего всегда на свое собственное усмотрение. Эта фразеологическая единица используется в контексте, когда один человек что-то говорит, но другой не обращает на него внимания и продолжает заниматься своими делами.

Другие примеры устойчивых употреблений, взятых из текстов басен И.А. Крылова:

Ай, Моська! знать, она сильна, / Что лает на Слона! («Слон и Моська»). В этом связном сочетании, где Моська – маленькая, домашняя, в некотором смысле изнеженная собачка, скрыта ситуация, в которой человек выступает инициатором ссоры или конфликта, провоцирует оппонента, будучи изначально слабее его.

Великий зверь на малые дела («Воспитание Льва») – контекст, в котором сходятся противоположные, взаимоисключающие понятия. Как сильный, умный, крупный зверь не разменивается на незаметные для него мелочи, так и человеку не пристало прилагать огромных усилий и изобретательности там, где этого вовсе не требуется – размениваться по пустякам.

Ворона в павлиньих перьях («Ворона»). Этот афоризм имеет

фразеологическую связность, обретая свое значение в контексте. Комический эффект достигается несоответствием, через которое И.А. Крылов доносит мысль о том, что не стоит присваивать себе чужие достоинства, стараться играть чужую роль и пытаться показать несуществующий статус.

Устойчивое сравнение *как белка в колесе* из басни «Белка» вошло в лингвокультуру и язык в значении «быть очень занятым, постоянно выполнять большой объем работы и не видеть при этом результатов труда». Белка, живущая в барском доме, занималась только тем, что бегала в колесе так, что *лапки лишь мелькали* («Белка»).

В следующем контексте особенное значение приобретает зооним *змея: клеветники в аду почетней змей*. Образ змеи в русской языковой картине мира имеет негативную коннотацию, поскольку змея – существо, представляющее открытую угрозу человеку. По сюжету басни между Клеветником и Змеей завязался спор о том, что же *ближнему наделал больше бед* («Клеветник и Змея»). И.А. Крылов заставляет читателя задуматься о том, что клевета – распространение лжи, порочащей человека, за его спиной – куда более тяжелый грех, приносящий больше вреда и страданий, чем неприкрытая злоба.

Медведь – животное большое, хищное, но в русской лингвокультуре за ним не закрепилось исключительно негативного или положительного представления. Он действует открыто, не старается кого-то запутать или перехитрить: *Крестьянин ахнуть не успел, / Как на него Медведь надел* («Крестьянин и Работник»). В этом примере подчеркивается неожиданность произошедшей встречи.

Из басни «Пустынник и Медведь», в которой повествуется о желании Медведя услужить Пустыннику, родилось устойчивое выражение *медвежья услуга* – это помощь, от которой в реальности больше вреда, чем пользы. По доброте душевной Медведь хочет убить муху, мешающую Пустыннику, однако благодаря своей недюжинной силе и неуклюжести убивает не только муху, севшую на лоб Пустыннику, но и его самого.

Крайняя степень лицемерия, побуждаемая корыстными побуждениями,

нашла отражение не только в образах волка и лисицы. Образ кукушки как прорицательницы, всеведущей птицы меняется в басне «Кукушка и Петух», в новых условиях она становится такой же лицемерной, как и Петух: *За что же, не боясь греха, / Кукушка хвалит Петуха, / За то, что хвалит он Кукушку.* Взаимная выгода от лестных слов в адрес друга определяет их отношения. Для мира людей подобная ситуация типична. Некоторые исследователи, например Н.М. Калмыков, придерживаются мнения, что в качестве прототипов героев для этой басни И.А. Крылов взял своих современников, издателей Ф. Булгарина и Н. Греча, которые с удовольствием занимались подобным славословием [Большой толковый словарь по культурологии, 2003].

Антропоцентрическая характеристика зоонима *кошка* интересна в контексте, в котором кошка показана с непривычного ракурса – глазами крысы: *Сильнее кошки зверя нет* («Мышь и Крыса»). В ответ на новость о том, что Кошка попала в лапы Льву, Крыса делает вывод, что Лев в страшной беде, Кошка его живым не оставит. Собственный страх и ограниченность не позволяют ей мыслить масштабнее. Ирония автора состоит в том, что человеку свойственно из-за страхов или невежества принимать кого-то другого за главного, сильного и властного, хотя он на самом деле таковым может и не являться.

Еще одно животное, которое само по себе является символом чего-то большого, масштабного, чего нельзя не заметить или упустить из вида, – *слон*: *Слона-то я и не приметил* («Любопытный»). Мы видим иронию автора над способностью человека раствориться в деталях, сконцентрироваться на мелочах и не заметить самого главного, существенно важного.

Образы птиц также интересно раскрываются в текстах басен, особенно на контрасте друг с другом: *Орлам случается и ниже кур спускаться; / Но курам никогда до облак не добраться* («Орел и куры»). В данном контексте идет речь не о привычных качествах орла, таких как гордость, власть, сила, и не о глупости кур. Здесь образы раскрываются с точки зрения их масштаба – способностей, талантов.

Сокол и Щегол противопоставлены в басне «Скворец» с целью раскрыть

авторскую мысль о том, что каждый хорош на своем месте и в своем деле. Не стоит претендовать на чужие лавры и стараться занять не свое место, пусть и более привлекательное, если желаемой роли ты не соответствуешь: *Пой лучше хорошо щегленком, / Чем дурно соловьем.*

Продолжение этой идеи в несколько ином ключе раскрыто И.А. Крыловым в басне «Щука», но уже на примере рыбы: Щуку бросили в реку, т.к. суд решил наказать Щуку за то, что *никакого житья от нее в пруду не стало*. Решение повесить ее на суку Лисе-прокурору пришлось не по душе, на что она велела немедленно Щуку утопить. Наказанием ли то решение пришлось для Щуки? И какие грамотеи судили ее? От таких судей нужно защищать всех остальных! Над этим иронизирует автор.

Таким образом, в основе образности в баснях Крылова лежат зоономинации, которые в переносном значении обозначают черты характера и поведения человека в типичном, стереотипном представлении, включая фольклорные мифопоэтические смысловые коннотации и современные смыслы. Они отражены в национальной русской языковой картине мира, а за счет текста и контекста индивидуализируются, становятся зооморфными номинациями и представляют зооморфные метафоры.

2.3. Образные антропоморфные характеристики зооморфных номинаций в текстах басен И.А. Крылова

По своей природе, сознание человека антропоцентрично, поэтому все предметы, явления и различные другие элементы окружающего мира человек соотносит с собой, со своими взглядами, ценностями и т.д. Наиболее близки и доступны человеку животные, т.к. и люди, и животные являются частью живой природы и имеют общие формы существования. Животные так же телесны, как и люди, они обладают привычками и собственным характером, особенности их поведения обусловлены их принадлежностью к определенному классу или

группе [Артемьева, 2012: 17]. В силу этого можно предположить, что рассмотрение представителей живого мира в системе художественных образов и выразительно-изобразительных средств позволяет человеку более глубоко изучить не только животный мир, но и самого себя в процессе поиска сходств и различий, т.е. при сопоставлении. Осмысление человеческого мира происходит через осмысление мира животного и – наоборот. Зооморфный код неразрывно связан миром человека и обнаруживается в языковом сознании [Бойко, 2008: 94].

Таким образом, зооморфизмы заключают в себе образный и когнитивный потенциал, который проявляется в языке. Суть подобных переносов состоит в возможности отождествления разнородных объектов и предметных областей на основе ассоциаций с помощью номинативного акта. Рождение ассоциации – это особый процесс, в котором «одно явление является сигналом для другого» [Рубинштейн, 1997: 136].

Восприятие животных человеком строится не линейно, а на основе множества сравнений, переносов, поскольку при этом учитываются разнообразные отношения между людьми, людьми и животными, между самими животными. Человек всегда проводит параллель, ищет аналогии, устанавливает подобия и соответствия между своим собственным миром и миром животных. Человек является самым разумным из всех существ, и его ассоциативные связи составляют основу языковой картины мира.

В баснях И.А. Крылова все зоонимы, точнее, зооморфизмы содержат в себе антропоморфные характеристики. Перенос наименований животных и их характеристик на человека – антропоцентризм – расширяет спектр экспрессивных выразительных средств в языке.

Зоономинативные басни И.А. Крылова многогранны и разносторонни, на их основе можно дополнить описание концепта «человек». Концепт, по определению Ю.С. Степанова, это «сгусток культуры в сознании человека, то, что составляет его ментальный мир» [Степанов, 2007: 148]. Но, с другой стороны, концепт – это и средство, посредством которого сам человек, не будучи творцом, «входит в культуру и даже влияет на нее» [Там же].

Для басен И.А. Крылова не характерен абстрактный образ человека, каждый человек создан как индивидуальность и погружен в конкретную ситуацию. Однако всех персонажей его басен объединяют слабости, недостатки, присущие большинству людей. Человек многогранен, поэтому каждую его отличительную черту И.А. Крылов прорисовывает детально.

В зооморфизмах басен И.А. Крылова можно выделить следующие содержательные компоненты: отношение к труду, иерархические общественные отношения (высокопоставленные персоны – подчиненные), проблема выбора (в том числе нравственного). Кроме того, в баснях контрастно по отношению друг к другу представлены такие понятия, как лень, безделье, ложь, преувеличение, правда.

При создании внешнего облика животного, описании его нрава и повадок И.А. Крылов берет за основу не только литературную (сказочную, мифологическую, фольклорную) традицию, но и научные представления, отраженные в сознании массового читателя. Двойственность животных образов – сочетание прямого «животного» и переносного «человеческого» – отличительная черта зоонимов в баснях И.А. Крылова [Никитина, 2015: 187].

Среди наиболее часто встречающихся в баснях животных преобладают те, которые укоренились в русской культурной традиции и сохраняются на протяжении существования народа на определенной территории. К ним относятся такие дикие животные, как *лисица, волк, медведь* и др., и домашние животные, например, *курица, овца, осел, собака*.

Перенос характеристик животных на человека, при котором формируются оценочные лексемы, мотивированные зоонимами, имеет несколько продуктивных способов. Первый способ – перенос по внешнему сходству. На первое место выходит оценочное восприятие внешнего облика человека другими людьми. Второй тип переноса строится на основе внутреннего сходства: поведенческие особенности, нрав и различные проявления характера, умственные способности, нравственные качества. Третий способ основан на переносе внешних признаков на внутренние свойства и, наоборот, внутренних –

на внешние. Четвертый способ заключается в синкретизме путей переноса: внешнее и внутренне сходство, смежность и т.д. Последний способ ярче всего проявляется как функция компаратива [Варникова, 2011: 53]. Определим объем существенных характеристик концепта «человек» по основным аспектам (Таблица 1).

Таблица 1

**Сопоставление характеристик человека и зоонимов
в баснях И.А. Крылова**

Характеристика человека		Зоонимы, поддерживающие характеристику
Внешность	внешний вид (красота / отсутствие красоты, безобразность)	<i>пава (самка павлина), цапля, кабан, корова, свинья</i>
	физические характеристики (сила, здоровье, размер)	<i>медведь, бык, лев, слон</i>
Внутренние характеристики	поведение (манеры, поступки, рефлексия и самокритика / их отсутствие)	<i>мартышка, козел, осел, волк, лиса, журавль и др.</i>
	умственные способности (мудрость, глупость)	<i>овца, курица, осел, лиса</i>
	эмоционально-психическое состояние (недовольство, желание чего-то большего, свобода)	<i>синица, щука</i>
	нравственные и морально-этические качества (хвастовство, неблагодарность, осторожность, смелость, решительность, жадность, высокомерие, гордость, легкомыслие, беспечность, трусость, упрямство, коварство, лицемерие, хитрость лъстивость,	<i>щука, стрекоза, ворона, лев, козел, бык, волк, медведь, лиса, ягненок, осел</i>

	кротость, ложь, растерянность)	
	речь (болтливость, пустословие, молчаливость, скрытность)	<i>собака, соловей, рыба</i>
Положение в обществе	социализованность, субъективная оценка, положение в обществе	<i>волк, лев</i>
Труд	работа, умения и навыки, безделье	<i>вол, конь, стрекоза, муравей</i>
Прочие характеристики	жизненный опыт, характер жизни, житейские трудности	<i>соловей, ворона, лиса, волк</i>

Исследование зоонимов в баснях И.А. Крылова позволяет сделать обобщение, что, например, чаще всего зооним *собака* представлен в них как олицетворение редкого и потому наиболее ценного качества человека – верности: *К стыду из нас не всякий сравнится в верности с собакой* («Собака, Человек, Кошка и Сокол»). Но жизнь собаки изображается реально, часто она наполнена трудностями и неприятностями. Отсюда возникают такие устойчивые выражения, как *устать как собака, собачья жизнь, псу под хвост* и т.д. Таким образом, в баснях И.А. Крылова зафиксирована двоякая трактовка образа собаки.

Зооним *свинья* в баснях И.А. Крылова всегда выступает как носитель признаков невежества и отсутствия культуры. При этом роль, на которую претендует свинья, всегда высока: от свиньи исходят критика, неприятие и недовольство, она строгий судья. Даже имя свинье И.А. Крылов присваивает человеческое – Хавронья. И эта Хавронья «имеет дар одно худое видеть» («Свинья»). Для усиления образности автор наделяет ее эпитетом с повтором: *свинья свиньей: В сору, в навозе извалялась; / В помоях по уши досыта накупалась; / И из гостей домой / Пришла свинья свиньей* («Свинья»). Такая характеристика позже прочно закрепилась за неопрятным и непорядочным человеком. Одновременно зооним *свинья* у И.А. Крылова всегда выступает как символ лени и невежества («Свинья под дубом»).

Многие лингвисты отмечают непосредственную близость и глубокую взаимосвязь зоонимов и антропонимов. По мнению А.А. Смирнова, очень заметно буквальное сходство некоторых зоонимов с нехристианскими именами и многими современными прозвищами [Смирнов, 1971: 300]. И эта близость, по мнению П.Т. Поротникова, проявляется в том, что «принципы, положенные в основу мотивации при наречении домашних животных не отличаются от тех, которыми пользовались люди в древности» [Поротников, 1972: 249].

Осел глуп и упрям: С ослиным ли умом за это дело браться; но хвастлив: Осленок хвастовством весь душит лес: намерен Апеллес с меня писать пегаса (Там же).

Волк – воплощение отрицательных черт; он вечно голоден, озлоблен и не способен проявить душевность, отблагодарить кого-либо за помощь. *А это ничего, что свой ты долгий нос и с глупой головой из горла цел унес* («Волк и Журавль»)

С образом льва И.А. Крылов связывает добродетели человека, его лучшие качества: живой ум, благородство, великодушие, чувство справедливости, храбрость, гордость. Лев – настоящий царь зверей, и ему полноправно принадлежит власть над всеми остальными.

Через образ льва И.А. Крылов вводит в свои басни политическую тематику и характеризует лиц, облеченных властью. Его амплуа – царь, император: *Льву, кесарю лесов, Бог сына даровал* («Воспитание Льва»). Кесарь (букв. ‘царь’) – это один из титулов правителей великой Римской империи: *«Светлейший лев!» – отвечают вельможи* («Лев»).

Лев силен и властен: *Всесильный Лев!* – сказал насупяся Медведь («Пестрые овцы»). В басне «Пестрые овцы» словами «всесильный», «могучий» автор иронизирует над правящим царем – Александром I. И.А. Крылов обличает притворство, жестокие расправы над вольнодумцами. Способность царя сочувствовать народу показана низкой. Как личность, И.А. Крылов считал, что монархия может быть честной и справедливой, если во главе государства находится умный, честный и справедливый руководитель.

Другой властелин в баснях И.А. Крылова – Орел. Он главенствует в царстве птиц и наделен различными благородными качествами. *Орлам случается и ниже кур спускаться; Но курам никогда до облак не подняться!* («Орёл и Куры»)

Другие образы – это образы работников, крестьян, простых людей тружеников. Так, образ *медведя* перекликается с образом мужика. Он многогранен: как правило, *медведь* неуклюж, но силен, затейлив, но наивен и доверчив. *Удар так ловок был, что череп врознь раздался, И Мишин друг лежать надолго там остался!* («Пустынник и Медведь»)

В отличии от ворона, среди символов глупости, подобно ослу, ворона – одновременно олицетворение глупости и тщеславия. И.А. Крылов наделяет такими качествами птицу, широко распространенную на территории всей России, проводя таким образом параллель с обычными людьми. *Скончал певец. Осел, уставясь в землю лбом: А жаль, что незнаком Ты с нашим петухом; Еще б ты боле наострился, Когда бы у него немножко поучился.* («Осел и Соловей»)

Зооморфные образы усердных тружеников выражены через пчелу и муравья. *Он даже Мог поднимать больших ячменных два зерна!* («Пчела и Муравей») *Стрекоза и наук – бездельники, легкомысленные ленивцы. Попрыгунья Стрекоза Лето красное пропела.* («Стрекоза и Муравей»)

Важными задачами басенного творчества И.А. Крылова всегда были защита и отстаивание интересов простого народа, попадавшего под гнет власти, произвол и беззаконие, например, мораль басни «Волк и Ягненок»: *У сильного всегда бессильный виноват!* – это мотив деятельности правителей, «хозяев жизни». Нарратив этой басни обусловлен сюжетом, известным с античных времен: беззащитный Ягненок – легкая добыча для Волка, Единственное, что может сделать Ягненок, – это смириться, поскольку он не может противостоять сильному и властному; он бесправен и бессилен. Баснописец И.А. Крылов представляет читателю не только ситуацию, в которой противопоставлены сильный и слабый, но и подробно описывает манеру общения, свойственную облеченным властью и наделенным силой людям: *«Как смеешь ты, наглец,*

нечистым рылом / Здесь чистое мутить питье!». Так негодует Волк.

Через использование разнообразных лексических средств языка в басне «Ворона и лисица» разносторонне раскрывается образ вороны. Так, для именованя этого животного автор использует не только прямую номинацию, но и вторичную, косвенную, и называет ее «вещуньей»: *Вещунья* с похвал *вскружилась голова* («Ворона и Лисица»). Словарная единица «вещунья» толкуется как ‘предсказательница, зловещая птица’ [Толковый словарь живого великорусского языка, 2004]. И.А. Крылов использует номинацию, связанную с народными поверьями. Зооним *ворона* здесь не только предстает как ‘недалекая и падкая на лесть птица’, но этот образ как бы предвещает последствия.

Антропоморфный образ лисы демонстрирует соединение таких человеческих качеств, как хитрость, лесть и лживость. Она весьма умна и осторожна, оттого легко побеждает глупых и невежественных животных, неспособных мыслить критически.

Для характеристики образа лисицы автор дважды использует в тексте басни «Ворона и Лисица» слово *плутовка*, давая, с одной стороны, неодобрительную оценку ее действиям, а с другой, привнося в ее образ эмоциональность и психологизм. Но характер *лисицы* не ограничивается только одной чертой – хитростью, хотя она является доминирующей. Лиса находчива, рассудительна и обладает прекрасным чувством юмора. Так, в басне «Лисица и Сурок» она пытается предстать в «чистом» образе, в качестве пострадавшей за правду. Взятки для нее – грех, способна ли она вообще пойти на это: *терплю напраслину* – заявляет Лиса: *В трудах куска не доедала, / Ночей не досыпала», но все же попала под гнев, но все из-за клеветы* («Лисица и Сурок»).

Лиса способна рассуждать о милосердии и сострадании, например: *Что дела доброго святей?* («Добрая Лисица»), но доброта заканчивается, как часто так бывает, в тот момент, когда перестает быть выгодной ей самой. Оскорбляя других, она показывает свою силу и власть: *На взгляд – то он хорош, / Да зелен – ягоды нет зрелой: / Тотчас оскомину набьешь* («Лисица и виноград»).

Способность тонко иронизировать – другая ее отличительная черта:

Отколе, умная, бредешь ты, голова? («Лисица и Осел»). Во многих баснях лисица выступает в роли советчика, однако советы ее всегда определены в первую очередь собственной выгодой: *Вещуньяна с похвал вскружилась голова, от радости в зобу дыханье сперло.* («Ворона и лисица»).

Лексическая сочетаемость зоонимов с другими единицами в текстах басен позволяет выделить антропоморфные характеристики, вложенные автором в образы животных. Рассмотрим это на примере нескольких зоонимов (Таблица 2).

Таблица 2

Антропоморфные характеристики отдельных зоонимов в баснях И.А. Крылова (с привлечением различных частей речи)

Зооним	Существительные	Прилагательные	Глаголы
<i>Собака/пес</i>	дура («А где пастух дурак, там и собаки дуры»), барбос, моська, болонка, жучка	шаловливая («У барина была собака шаловлива» [Собака]), верный («верный пес со зверем злым барахтаться свалился» [Собака, Человек, Кошка и Сокол]), вежливый («вежливые псы» [Собачья дружба]), добрая [Две собаки]	стянуть («в минуту стянет» [Собака]), не сладить («хозяин сладить с ней не мог»), испытать («на себе собака испытала совет разумный сей» [Собака]), равняться, не ведать покою [Собака и Лошадь], вцепился («в него [Медведя] вцепился» [Собака, Человек, Кошка и Сокол]), «повис и зуб не разжимал, доколе с жизнью всех сил не потерял» [Собака, Человек, Кошка и Сокол]), понаелись [Собачья дружба]), не лают, рассуждать, грызутся [Собачья дружба]), «вымолвил себе он плату за

			троих» [Крестьянин и Собака]
<i>Лев</i>	Кесарь [Воспитание Льва)], спесь («как Лев за спесь наказан Комаром») [Лев и Комар]), ярость («скрежещет в ярости зубами» [Лев и Комар]), гордость («Льву даром не прошла, однако ж, гордость эта» [Лев и Мышь])	великий («Великий зверь на малые дела»), «Светлейший лев!» [Лев], сухое презренье [Лев и Комар], могучий, славный [Лев и Мышь], не равный никому («в силе Льву никто не равен» [Лев и Мышь])	сзывать («сзывает он к себе своих бояр» [Лев]), не нахвалится («Лев не нахвалится усердием друзей» [Лев]), явить презренье («К Комару явил презренье Лев» [Лев и Комар]), вздуриться («Вздурился Лев» [Лев и Комар]), рваться, метаться [Лев и Комар], наводит страх («на всех наводит страх» [Лев и Мышь])
<i>Ворона</i>	светик («Спой, светик, не стыдись»), пава («думает, что павам всем она сестра» [Ворона], украшение («пришла ее пора быть украшением двора» [Ворона]), высокомерие («Какой же вышел плод ее высокомерья» [Ворона], лесть [Ворона и Лисица]	ощипанная («павами она ощипана кругом» [Ворона]), заклеванная («Заклеванной Вороны не узнали» [Ворона])	каркнуть во все горло [Ворона и Лисица], утыкать («Утыкавши себе павлиным перьем хвост» [Ворона]), пошла спесиво [Ворона], отстать, не пристать («от ворон она отстала, А к павам не пристала» [Ворона])
<i>Медведь</i>	соседушка («милому соседушке поклон» [Медведь и Пустынник]), надсмотрщик («В надсмотрщики Медведь был выбран над	нетерпеливый («...в тебе, кум, вовсе нет: В терпенье» [Трудолюбивый медведь]), трудолюбивый [Трудолюбивый Медведь],	задумать («Задумал жить трудами» [Трудолюбивый Медведь]), насесть («Хозяин ахнуть не успел, как на него медведь насел»), погубить, не даваться

	ульями» [Медведь у пчел]), плут («Чтоб зиму пролежал в берлоге старый плут» [Медведь у пчел])	большой («встретился с большим Медведем он» [Медведь и Пустынник]), падкий («К меду Мишка падок» [Медведь у пчел])	(«Орешника, березняка и вязу Мой Мишка погубил несметное число» [Трудолюбивый Медведь]), явиться, лезть («Вот Медведь явился в лес, И сразу же во все полез» [Медведь на балу])
--	---	--	---

Используя зоонимы, И.А. Крылов как будто ставит перед человеком зеркало и предлагает посмотреть в него: фактически описывая поведение животного, он транслирует то, что видит в реальной жизни среди людей. Одни пороки рождают другие, и этот круг очень трудно разомкнуть. Ветреность, грубость, хвастовство и невежество – достойные плоды глупости. Ограниченность ума и неблагодарность ко всем окружающим – те качества, которые присуще в баснях свинье. Любовь к себе, доходящая до самовлюбленности, излишне высокая самооценка, неспособность мыслить критически легли в основу образа вороны. По отношению к труду всех людей можно условно разделить на две группы – «стрекозы» и «муравьи», образы которых вскрывают противоположные характеристики: праздность и трудолюбие, легкомыслие и умение видеть перспективу, безрассудство и ответственность.

Пустословие, желание показать собственную важность, безразличие к ближнему, отсутствие чувства сострадания, отзывчивости, по мнению И.А. Крылова, – типичные черты общества его современников. Однако со временем сильно изменилась внешняя форма – человек стал выглядеть по-другому, но его внутреннее содержание осталось прежним.

Антропоморфизм является отличительной характеристикой зооморфных образов в баснях И.А. Крылова вследствие метафорического переноса поведенческих характеристик, внутренних и внешних проявлений человеческой деятельности. Такие образы не только передают индивидуальные свойства и

качества, главные черты характера людей, но и воплощают коллективные социально значимые черты общества как своего времени, так и устойчивые вневременные свойства и черты людей в целом.

2.4. Сопоставление зооморфных образов и образов людей в текстах басен И.А. Крылова

Образы-персонажи в басенном творчестве И.А. Крылова в подавляющем большинстве представлены зоонимами, точнее, зооморфными метафорами, для которых прототипами выступают люди с отличительными чертами поведения и характера. Исходя из того, что и люди являются действующими лицами, все басни Крылова можно условно разделить на четыре группы:

1. **Человек и животные:** «Кот и Повар», «Хозяин и мыши», «Клеветник Змея», «Лань и Дервиш», «Собака, Человек, Кошка и Сокол», «Крестьянин и Лошадь», «Мальчик и Червяк», «Волк на псарне», «Скупой и Курица» и др.;
2. **Человек и некие внешние силы:** «Напраслина», «Крестьянин и Смерть», «Тень и Человек», «Оракул», «Фортуна и Нищий» и др.;
3. **Только человек:** «Рыцарь», «Разборчивая Невеста», «Обоз», «Стыдливый игрок», «Прихожанин», «Вельможа», «Работник», «Мешок» и др.;
4. **Два человека или больше:** «Три мужика», «Вельможа и Философ», «Госпожа и две служанки», «Крестьянин и Работник», «Судьба игроков», «Безбожники», «Два извозчика», «Огородник и Философ», «Откупщик и Сапожник», «Старик и трое молодых», «Демьянова уха», «Слон и Моська» и др.

Цель И.А. Крылова – отобразить жизнь во всех ее проявлениях полно и правдиво, поэтому образами-персонажами становятся представители высшего сословия (богачи, купцы, дворяне, вельможи, откупщики, рыцари, господа); низшего сословия (крестьяне, рабочие (мельник, рыбак, извозчик и др.); мудрые

люди (философ, сочинитель, мудрец, старик) и глупые; люди верующие, придерживающиеся нравственных правил, и безбожники, грешники и т.д.

Все они, как правило, наделены индивидуальностью, особенными чертами характера, однако им также присущи типичные национальные черты. Даже персонажи тех басен, которые не являются абсолютно авторскими и представляют собой, например, переработку басен Лафонтена, тоже несут в себе яркие черты русского национального характера. Представители крестьянства и разного рода тружеников, например, извозчики, мельники и др., противопоставлены вельможам и купцам, дворянам и господам, как овцы и волки, лисы и ослы противопоставлены друг другу – все они жертвы жесткого самодержавного режима, бессмысленного и беспощадного, от гнета которого трудно избавиться. Для басен И.А. Крылова характерна не только ирония, часто автор обращается к более жесткой форме критики – сатире.

Крестьянин – жертва крепостничества, поэтому тексты басен И.А. Крылова о крестьянах и крестьянском труде проникнуты сочувствием и состраданием. Крестьяне бедны, запуганы и робки. Крестьяне трудолюбивы, просты, обладают живым умом и смекалкой. В текстах басен подчеркивается важность их труда для всего общества, а не только для них самих. Их образы по эмоциональности описания схожи с описанием зооморфных образов овец и ягнят.

Несмотря на невысокое социальное положение, нравственный уровень людей-тружеников очень высок. Автор дает читателю возможность наблюдать за тем, как «ретиво» работник трудится на своем поле или огороде, потому что он надеется только на себя, свои силы и навыки, он прилежен и последователен. Труженик, с точки зрения И.А. Крылова, это человек, не способный осознать, как возможно жить иначе, действовать обманом и воровством. У крестьянина есть такое понятие, как «честный хлеб», не знакомое другим, кто этот честный хлеб не заработал.

Простой Мужик, привыкший к труду и видевший настоящую жизнь, обладает гибким умом и ориентирован на нравственные семейные ценности. Он не согласится пустить Змею в дом, пусть даже она *добрее всех змей* («Крестьянин

и Змея»); более того, *и к черту не годится* даже лучшая змея.

Торжество живого, практического ума над мнимой образованностью нашло отражение в басне «Огородник и философ». Наука стремится за новыми знаниями, ей больше некогда углубляться в истоки и детально изучать вопрос. Таким образом, Философ, щеголяя перед Огородником своими богатыми знаниями, оказался без огурцов. Огородник же, не ставший пренебрегать истинной наукой и многолетним опытом других людей, оказался победителем в этом соревновании. Он готов перенимать новый опыт, но только если тот будет «путным» – обоснованным и проверенным.

Хотя во многих баснях крестьянин вызывает сочувствие и сострадание автора и читателя, в некоторых текстах его образ раскрывается с отрицательной стороны. Как правило, это происходит в тех же случаях, когда привычные положительные образы животных становятся отрицательными, например, кто-то начинает претендовать на чужое место. Знать свое место и уметь заниматься тем, в чем ты силен и в чем разбираешься, – вот та достойная черта, которую особенно ценит И.А. Крылов. Исполняя роль старосты или другую должность, которую занимают, как правило, по отношению к крестьянину люди более высокого социального положения, сам крестьянин получает неодобрение и насмешки со стороны автора. Такую роль на себя берет Крестьянин в басне «Крестьянин и Лисица». Ему больше не нужна умная лошадь, ему нужно только, чтобы она его *возила, да чтобы слушалась кнута* («Крестьянин и Лисица»). В данном контексте Крестьянин выступает воплощением не собственной социальной роли, а предстает звеном другого уровня. Ему становится неважно то, что для него было ключевым, когда он находился на своем месте: теперь ему не важен ум, собственное мнение, теперь он ценит робость и покорность. Взамен он готов покрывать лишь некоторые потребности своих «подчиненных», например, в басне «Крестьянин и Лисица» он кормит лошадь.

Подобный контекст присутствует лишь в некоторых баснях, чаще крестьянин предстает как положительный образ-персонаж, обделенный благами. Крестьянский быт тяжел, одежда и пища скудны, просты, однообразны: *Мужик*

*мой насадил на клинок черенок / И стал булатом драть в лесу на лапти лыки, /
А дома, запросто, лучину им щепать; / То ветви у плетня, то сучья обрубать /
Или обтесывать тычины к огороду («Булат»).* При создании образов крестьян И.А. Крылов опирается на русскую народную культуру и традицию: *крестьянин* – это воплощение деревенской культуры, куда городская культура не проникает.

Басни, в которых действуют люди, имеют более широкий исторический событийный контекст. Так, например, в басне «Крестьянин и Смерть» изображен ужас жизни всех крестьян на Руси в эпоху крепостничества. Само существование, выживание для них становится сложной, порой непосильной задачей: *Старик, иссохший весь от нужды и трудов, / Тащился медленно к своей лачужке дымной, / Кряхтя и охая под тяжелой ношей дров («Крестьянин и Смерть»).* Слова и мысли Старика в этой басне не персонифицированы, они звучат как хор голосов всех крепостных крестьян: *Куда я беден, боже мой! / Нуждаюсь во всем; к тому ж жена и дети, / А там подушное, боярщина, оброк... / И выдался ль когда на свете / Хотя один мне радостный денек?* (Там же).

Басни, в которых действуют люди, противостоят друг другу как образы волков и овец; они более драматичны и эмоциональны по своему содержанию. Детали описания быта свидетельствуют о беспросветности и безнадежности ожидания перемен, а описание внешности мужика – об истощении и изнеможении от постоянной нужды и забот; повторяемость одних и тех же действий – об их бесплодности и бесполезности. Крестьяне находятся в полной кабале, которая их душит. Давление оказывается со всех сторон: «подушное» – обязательства (кабала) перед государством, «боярщина, оброк» – перед помещиком. Образ крестьянина, угнетенного, помещенного в тяжелейшие условия, выживающего, пребывающего в постоянных трудах и бедности, – вот образ типичного русского крестьянина, сложившегося в русской лингвокультуре.

В басенном творчестве И.А. Крылова есть и другие тексты, в которых детально представлены жизнь и быт другого класса – господ. Они наделены неограниченной властью на своей территории, в своих имениях; их поведение можно охарактеризовать такими словами, как *своенравие, капризность,*

самодурство и даже в некоторых случаях – бесчеловечность. Таков портрет не конкретной личности, это целый социальный тип. Чем занимается такой типичный вельможа? Пьет, ест, спит и подписывает все, что подает ему секретарь, не разбирая и не вникая в суть вопроса («Вельможа»). Наказания за такое поведение не последует, потому что судьи под стать господам, а именно: *Вчера я был в суде и видел там судью: / Ну, так и кажется, что быть ему в раю!* (Там же). Судьи обладают тем же набором качеств, что и господский класс, искать справедливости не приходится.

Господский быт налажен, всегда все выполнено идеально и в срок. Не покладая рук, для господ трудится прислуга. В басне «Госпожа и две служанки» читатель видит, какой тяжелый и неблагодарный труд достается прислужницам. Ослушаться Госпожу невозможно. Всегда недовольная, грубая и своенравная Госпожа заставляет их пряхать и день, и ночь, а если ей что-то не нравится, она и *пощечин надает, и клюкой взгреет* («Госпожа и две служанки»).

Как в поговорке *Сытый голодного не разумеет*, так и в жизни – им друг друга не понять: нищему не понять, как же возможно, *что люди, живучи в богатых теремах, / По горло в золоте, в довольстве и сластях, / Как их карманы ни набиты, / Еще не сыты!* («Нищий и Фортуна»). При этом автор неоднозначно относится к «бедняжке-нищенькому»: тот мог разбогатеть, взяв у Фортуны столько денег, сколько бы смог унести, но жадность и алчность его подвели. Кошель порвался, деньги превратились в прах, а *нищий нищеньким по-прежнему остался* (Там же).

Басни И.А. Крылова о людях часто построены на контрасте крайней бедности и роскоши, присущим разным классам общества. Зооморфные образы, которые олицетворяют и бедных, и богатых, тоже меняются, изменяются их номинации. У крестьянина есть пес Барбос, дворняжка или шавка. В барском доме живет болонка Жужу – собачка, которая умеет ходить на задних лапках, за что спит на диване и ест с серебряного блюдца («Две собаки»).

Для И.А. Крылова также важна тема взаимодействия человека и животных. По текстам басен можно наблюдать, как меняется характеристика человека, когда

в его подчинении находится безропотное, незащищенное животное. Так, в басне «Муха и подорожные» подробно описан русский помещичий быт. Читатель застаёт семью помещика в дороге. Барина с женой, сыном, дочерью и их учителем сопровождают кучер и лакей. Погода жаркая, знойная, песчаная разбитая дорога ведет в гору. В угоду барину кучер и лакей истязают лошадей. Еще один верный спутник сопровождает процессию – муха, решившая, что без ее помощи им не справиться: *Куда людей на свете много есть, / Которые везде хотят себя приплесть / И любят хлопотать, где их совсем не просят* («Муха и подорожные»).

Барская жизнь изображена аморальной: *Учитель с барыней шушукают тишком; / Сам барин, позабыв, как он к порядку нужен, / Ушел с служанкой в бор искать грибов на ужин...*, а слуги *«вздор гуторят* (Там же).

Рассмотрение басен И.А. Крылова, в которых действующие лица и основные образы – люди, позволяет утверждать, что автор последовательно проводит идею национальной самобытности и одновременно выявляет общие, универсальные характеристики человека как такового. В то же время они отражают и обобщают национальные русские особенности быта и нравов общества. Поэтому можно утверждать, что басни с действующими лицами – людьми представляют собой не отдельные зарисовки, а большие реалистичные полотна, изображающие русскую жизнь, быт и нравы.

Выводы по Главе II

Отбор языковых единиц-зоонимов И.А. Крылов осуществляет на основе восприятия человеком животного мира, соответствующего научным знаниям, а также на основе социокультурных характеристик, отраженных в национальной русской языковой картине мира. Воспроизводя внешний облик и описывая повадки животного посредством зооморфных образов басен, И.А. Крылов также опирается на его мифологический и фольклорный образ, закрепленный в русской лингвокультуре и отраженный в литературной традиции. Амбивалентность образов – сочетание внешнего животного и переносное, содержательное

человеческое – яркая черта басенного творчества И.А. Крылова.

Существует множество признаков, определяющих варианты толкования зоонима в различных источниках, но это не решает вопроса о возможной вариативности для еще некодифицированных употреблений различных зооморфных номинаций. Проследив динамику толкований зоонимов в различных словарях, можно сделать вывод о постоянном переосмыслении зоонима, что связано с активным и динамичным взаимодействием человека с миром животных и развитием научного знания. В основе лежит глубокое познание, являющееся источником для появления добавочных признаков и переосмысления самих номинаций. Как правило, новые коннотативные смыслы возникают за счет употреблений в тексте, за счет контекста.

Изучение зоонимов в контекстном употреблении позволило сделать выводы о многих психологических и социальных явлениях, основанных на том, какие особенности поведения человека одобряются, а какие порицаются, какие являются первостепенными для человека, а какие второстепенными. Метафорический перенос может развиваться в нескольких направлениях, чаще всего происходит перенос некоторых качеств с человека на животное, или наоборот. Этот процесс позволяет постоянно пополнять уже существующий лексико-семантический ресурс языка. Кроме того, антропоцентрический перенос – перенос с животного на человека – активно развивает экспрессивность языка, пополняя его переносными значениями, которые сохраняют образность и влияют на их существование в языке.

В баснях И.А. Крылова антропоморфизм животного мира играет очень важную роль. Автор намеренно избегает указаний на конкретного человека, создавая обобщенный образ. Каждый читатель вправе сам решить, на кого похож персонаж басни – на него самого или на другого человека. Кроме того, автор предоставляет читателю возможность самостоятельно собрать более полный образ, следуя описанию, уже знакомому ему в реальной жизни. Таким образом, он формирует читательское мировоззрение.

Антропоморфизм в баснях И.А. Крылова предстает как мировоззренческая

концепция. Посредством образов животных описываются физические и психологические качества человека, эмоциональные особенности: способность сочувствовать, сопереживать, разговаривать на равных, поддерживать, благодарить и т.д. Антропоморфизм – это и способ видения мира, поскольку он представляет собой репродуктивный вид воображения, а восприятие антропоморфных образов – это вид образного мышления. Так, образ – это продукт мыслительного преобразования. В целом отмечает параллелизм образов людей и зооморфных образов, коррелирующих в рамках двустороннего филологического анализа текстов басен в аспекте лингвистической семантики и текстовых коннотаций.

Вычленение антропоморфных образов из общего типического ряда архетипов дает возможность рассматривать их как знаки-символы, т.к. образ человека даже при сильной схематизации узнаваем. В баснях И.А. Крылова персонажами становятся и сами люди, но образ человека по сравнению с образом животного существенно расширяется. Человек несет в себе черты, типичные для русского национального характера, отражая русскую культуру.

Глава III. Функционирование и семантика зооморфных номинаций в китайских текстах басен и сказок

Данная глава посвящена анализу зооморфных номинаций в китайских баснях и сказках, их семантических особенностей как на уровне единичных лексем, так и связных конструкций. Во всех языках зоонимы обладают не только первичными значениями, но и коннотативными, которые являются основой для создания образности, метафорического переноса и метафоры. В данной главе мы обратим особое внимание на культурные коннотации зоонимов, выявим схожие и различные смысловые элементы зоонимов в русской и китайской языковых картинах мира. Посредством контекстуального и лингвокультурологического анализа выявим безэквивалентные зооморфные номинации и сопоставим их. В качестве материала для анализа были выбраны оригинальные тексты басен И.А. Крылова (на русском языке), переводы басен И.А. Крылова на китайский язык, словари русского и китайского языков, в частности, «Толковый словарь живого великорусского языка» и сборник «Пословицы русского народа» В.И. Даля, «Большой фразеологический словарь русского языка» И.С. Брилева, «Русская фразеология: историко-этимологический справочник» В.И. Мокиенко, А.К. Бирих, Л.И. Степановой; «Русская фразеология: словарь-справочник» Р.И. Яранцева, «Большой китайско-русский словарь» [Большой китайско-русский словарь 1983-1984], «Словарь китайского языка» [cidian.ru], «Современный китайско-русский словарь» А.Ф. Кондрашевского, М.Р. Румянцевой, М.Г. Фроловой; «Китайско-русский словарь-минимум» А.В. Котова; «Фразеологический словарь китайского языка» (составители Li Yihua, Lv Deshen), «Большой фразеологический словарь» (автор-составитель Wang Tao).

В настоящее время существует множество переводов басен И.А. Крылова на китайский язык, выполненных как с языка-оригинала, так и с языка-посредника, сохранивших стихотворную форму и переведенных прозой. В силу

этого особое место занимает сопоставление оригинальных и переводных текстов с позиции точности передачи семантики, образности и в целом поэтической формы.

В переводных текстах китайских авторов изображены реалии русской действительности, отраженные в баснях И.А. Крылова, однако некоторые переводы отделились от оригинала и утратили подробное описание русских реалий, которые были заменены наиболее близкими по смыслу китайскими эквивалентами.

Следует отметить, что басня – произведение сложной литературной формы, при переводе которого переводчики сталкиваются с целым рядом трудностей лингвокультурологического характера. Именно поэтому некоторые переводы басен И.А. Крылова на китайский язык имеют вольное воплощение и сильно отличаются от оригинала.

Рассмотрим подробнее, какие семантические процессы происходят в китайских баснях и сказках, как меняется семантика зоонимических единиц в зависимости от различных факторов, какие функции выполняют фигуры речи в оригинальных и переводных текстах.

3.1. Словарные значения зоонимов в словарях китайского языка

Зоонимы – лексические единицы с ярко выраженными культурными чертами и национальной спецификой, называющие животных, раскрывающие их лингвокультурный потенциал и представляющие собой богатый материал для коннотативных исследований. Далее мы рассмотрим толкования зоонимов в китайских словарях, а также выделим безэквивалентные для русского языка зоонимы и сопоставимые с ними номинации.

Наивная языковая классификация представляет названия животных в родовидовом порядке – от понятий наиболее абстрактных к понятиям наиболее конкретным. Таким образом, сопоставив зоонимы и зооморфные представления, отраженные в сознании русского и китайского народов, мы сможем выделить в

них национальную специфику и культурные особенности носителей обоих языков. Для этого в первую очередь рассмотрим семную структуру значения зоонимов в китайском языке, а затем проведем сопоставительный анализ семантических компонентов наименований животных в русском языке, выявим сходства и различия по ядерным, квалифицирующим, атрибутивным и коннотативным семам.

Ядро семы – центральный компонент, несущий в себе постоянный и неизменяемый признак предмета, противопоставляемый контекстуальным лексическим значениям, т.е. употребляемый в переносном значении [Стернин, 1985: 82]. В значении конкретных названий животных квалифицирующие семы (дифференцирующие предмет в ряду подобных посредством сопоставления) уточняются посредством атрибутивных сем, отражающих признаковые характеристики [Аркадьева, 1990: 153]. Все эти семы соотносятся с различными чертами какого-либо названного животного и, являясь структурными элементами значения, фиксируются в словарях.

Рассмотрим языковое значение некоторых зоонимов в китайском языке (здесь под словами будут пониматься основные значения иероглифов), опираясь на дефиниции представленных выше толковых словарей.

В первую очередь *медведь* (熊) в китайском языке представлен как млекопитающее (ядерная сема) и характеризуется как хищное животное (квалифицирующая сема). Атрибуция этого животного в русском и китайском языках различается. Если в русских дефинициях медведь описывается как бурый, крупный, с густой шерстью и толстыми лапами, то в китайском языке его описательная составляющая представлена намного богаче. Медведь может быть черным и бамбуковым, часто в словарных дефинициях упоминается *панда*. Его мех черного цвета с белым пятном на груди. Живет в лесу, ловко справляется со многими задачами: умеет плавать и хорошо лазает по деревьям. Упоминаются и полезные, целебные свойства медвежьего мяса, жира, желчного пузыря. Лапы медведя у китайцев съедобны, а мех пригоден для производства ковров [Большой китайско-русский словарь 1983-1984]. Однако представленные в словарях

коннотативные значения этого зоонима в китайском языке часто ограничиваются лишь одной характеристикой – внешней: 像熊一般的 – буквально: ‘медвежья фигура, т.е. внешне похожий на медведя’.

Лиса (狐狸) представлена ядерной семьей как млекопитающее и квалифицирующей как хищное животное семейства собачьих. Атрибутивные характеристики, содержащиеся в словарях, таковы: ‘обладает длинным хвостом, кончик которого имеет секреторные железы, что помогает ей бороться с врагом – при встрече может источать сильный неприятный запах, вонь’; ‘мех лисы очень ценен’ [Большой китайско-русский словарь 1983-1984].

Коннотативные значения зоонима *лиса*, зафиксированные в русских и китайских словарях, во многом различаются. Сходство проявляется в таких характеристиках, как хитрость, льстивость и соблазнительность (обольстительность). В китайской культуре *лиса* может представать как ‘оборотень’ – hu lijing, или ‘звериное лицо’ – hu-liwei-bo, т.е. настоящее лицо, звериная природа, истинный облик, и употребляется в контексте, когда сообщается, что человек выдал себя с головой, проявил свою истинную сущность [Большой китайско-русский словарь 1983-1984].

Волк (狼) представлен ядерной семьей как млекопитающее и квалифицируется как хищное животное из семейства собачьих. В китайских словарях он определяется как ‘свирепое животное, наносящее вред людям и их хозяйству’. Волк охотится вечером или ночью, нападает не только на диких животных, но и часто на домашний скот. Его хвост всегда опущен, а уши торчат [Большой китайско-русский словарь 1983-1984].

В русской лингвокультурной традиции в коннотативном значении зооним *волк* может выступать в качестве характеристики человека жестокого и кровожадного, или наоборот, опытного и знающего, иногда человека гордого и самолюбивого. В китайском языке присутствуют такие коннотации, как «волчья душа» (недобрая, темная), «волчья неблагодарность». Волк выступает характеристикой человека жестокого и коварного, вероломного, неблагодарного. Положительных характеристик у этого зоонима в китайском языке нет.

Еще одним частотным образом в китайских баснях является *тигр*. В баснях И.А. Крылова этот образ представлен крайне редко, однако для китайской традиции *тигр* является существенно важным образом и символом. Словари фиксируют множество характеристик этого животного и отражают множество коннотативных значений этого зоонима. Так, например, фразеологические единицы с компонентом «тигр» весьма многочисленны (около 60), однако трактуется образ неоднозначно: он амбивалентен.

Словари фиксируют следующие положительные семантические признаки зоонима *тигр*: он обладает хорошим и мощным телосложением, соответственно, характеризует здорового и физически крепкого, выносливого человека; о крупном здоровом ребенке говорят – «с головой тигренка». *Тигр* быстр, ловок и проворен – 虎头虎脑. Отсюда в китайском языке пошло выражение «как дракон взлетает, как *тигр* прыгает», используемое при характеристике человека, который что-то очень быстро и ловко делает. Тигр храбрый, китайцы говорят о своих воинах, что у тех «голова, как у тигра» [Большой китайско-русский словарь 1983-1984].

Но наряду с положительными семантическими характеристиками словари фиксируют целый ряд отрицательных: *тигр* злой и жестокий; он может быть пособником зла и различных преступных деяний, *тигр* – символ человека властного и деспотичного, часто – самодура. *Тигр* алчен, жаден; он с яростью и без промедления бросается на свою добычу [Большой китайско-русский словарь 1983-1984].

Метафоричность образа особенно ярко раскрывается в китайской фразеологии: 笑面虎 – ‘улыбающийся тигр – двуличный человек’, добрый на первый взгляд, но жестокий на самом деле.

Имеющий в русской лингвокультуре двойственную оценку зооним *бык* (вол), подобным образом представлен и в китайском языке, однако все же преобладают отрицательные характеристики. В первую очередь, *бык* олицетворяет собой такие человеческие качества, как упрямство и строптивость («бычий нрав», «уперся, как бык в стену рогами»), глупость («играть на цитре

перед быком»). К положительным коннотациям относятся трудолюбие и сила («сильный, как бык»).

Еще одним интересным зоонимом для сопоставления русской и китайской лингвокультур является *лошадь* (конь), поскольку традиционно это животное выполняло важные функции у обоих народов, однако несколько отличающиеся в русской и китайской культурах. В русской традиции *лошадь* – член семьи, главный помощник в хозяйстве, следовательно, язык зафиксировал основную культурную коннотацию – трудолюбие и работоспособность. *Лошадь* всегда много и тяжело работала, а человека трудолюбивого и готового всегда довести дело до конца называют «рабочей лошадкой». Зооним *конь* тоже обладает исключительно положительной коннотацией в русской лингвокультуре, поскольку доблестный русский воин всегда был «на коне», был победителем.

В Китае же *лошадь* использовалась прежде всего как транспортное средство и часто служила человеку во время военных действий, отсюда в язык вошли следующие коннотативные характеристики: *кони* крепкие, сильные, мощные, быстрые. Кроме того, лошадь в китайской традиции стала олицетворением талантов и способностей человека, его здоровья и неумной энергии.

Любопытно отметить, что некоторые российские востоковеды, например О.А. Корнилов, говорят о прагматичности подхода китайцев к зоономинациям: положительные характеристики, которыми они наделяют животных, не означают такого же «очеловеченного» отношения к ним. Лингвистический фактор становится не определяющим, а второстепенным. На первое место выходят социально-исторический и философский контексты. Суровая реальность и проблема выживания людей стали идеологически приоритетными перед ценностными представлениями [Корнилов, 2003:25].

В баснях И.А. Крылова часто встречается зооним *собака*, как и множество его вариаций. Представлены как положительные коннотативные значения, так и отрицательные. В китайской лингвокультуре *собака* также является амбивалентным образом, будучи одновременно и символом преданности, и

объектом презрения. Сравните: «собачья верность», «на чужой земле и собака тоскует», «собака человеку друг». Но в то же время собака может быть животным злым, грязным, неуступчивым [Словарь китайского языка].

Зооним *обезьяна* не является частотным в русской лингвокультуре, однако во многом коннотативные значения этого зоонима сохранились в языке именно благодаря басням И.А. Крылова. В китайской лингвокультуре отражено отрицательное отношение к этому животному. В словарях отображены такие характеристики, как неприятная внешность, глупость и посредственность [Словарь китайского языка]. *Обезьяна* олицетворяет именно эти человеческие качества в китайской культуре. Стоит также отметить, что и в русской, и в китайской традиции *обезьяна* представлена животным ловким и очень подвижным.

Свинья – млекопитающее, крупное одомашненное животное из семейства парнокопытных. Коннотативной семой зоонима *свинья* как в русском, так и в китайском языке является преобладающее негативное представление – грязь, глупость, невежество: «ненасытная», «подлый, как свинья» и т.д.

Интересно отражение в словарях китайского языка зоонима *кошка* (кот). В китайской лингвокультуре он представлен менее образно, чем в русской. В первую очередь, китайцами кошка оценивается с функциональной точки зрения – ‘враг мышей’. Помимо этого, словари фиксируют еще несколько коннотативных смыслов: *кошка* притворна и неискренна, безответственна [Большой китайско-русский словарь 1983-1984]. Чаще в китайской традиции *кот* или *кошка* являются носителями отрицательных характеристик.

В баснях И.А. Крылова еще одним частотным образом является зооним *овца*. Она описывается слабой, безропотной, недостойной иметь что-то лучшее в жизни. В китайском языке схожие характеристики имеют два зоонима – *овца* и *коза*. В словарях они обозначаются одним иероглифом (羊) [Словарь китайского языка]. *Овца* – хорошее, доброе животное, она никому не причиняет зла, однако сама всегда попадает в ситуации, где не может противостоять сильному. Она кротка и глупа, соответственно, вызывает только жалость: «гнать овец – воевать

с волками» [Словарь китайского языка].

Зооним *петух* в китайской лингвокультуре обладает схожим с русской лингвокультурой коннотативным значением: *петух* воплощает задиристость, постоянную готовность вступить в бой. Но если у русских *петух* гордый и важный, то у китайцев он часто предстает жертвой: *резать петуха, чтобы испугать обезьян*.

В басенном творчестве И.А. Крылова образ *крысы* появляется нечасто, однако в китайской культуре он имеет большее значение и по сравнению с русским языком может содержать в себе несколько другую семантику. По отрицательным коннотациям зооним *крыса* в китайской лингвокультуре олицетворяет трусость, нерешительность (*бояться, как крыса*), коварство, беспощадность и жестокость (*крысиные зубы, крысиный взгляд*), ничтожество [Словарь китайского языка].

Змея – чешуйчатое пресмыкающееся с длинным телом, не имеет конечностей. И в русской, и в китайской лингвокультуре зафиксировано отрицательное отношение к змее. Атрибутивные семы этого зоонима: опасная, злая, жестокая, коварная. В китайской культуре принято ассоциировать со *змеей* бессердечного, опасного человека: *蛇是心肠 (сердце змеи)*. Китайские словари фиксируют и отличные от русских коннотации этого зоонима: *змея* жадная (*欲吞象* – букв.: ‘хочет проглотить слона’); также она хвастлива и думает только о собственной выгоде. Среди положительных коннотаций к зоониму *змея* относится остроумие, мудрость (Там же).

Следует отметить, что ни в русской, ни в китайской лингвокультуре внешние признаки *змеи* почти не берутся во внимание, содержательную основу образных лексических единиц формирует не реальный признак, а привнесенная из внешних источников ассоциативная составляющая, оценка. Так, в русском и китайском языках культурные коннотации зоонима *змея* схожи, а амбивалентная оценка денотата практически совпадает. Тем не менее, особой коннотацией *змея* и другие рассмотренные в этом разделе зоонимы, обладают благодаря принадлежностью к зодиаку.

В целом, можно заключить, что большинство зоонимов, отраженных в китайских сказках и баснях, не являются национально-специфическими. Они представлены довольно широко в обоих языках, имеют общую ядерную сему, однако могут сильно различаться на коннотативном уровне – по семантическим коннотациям, что вероятно обусловлено социально-историческими факторами, формирующими национальную картину мира. В силу этого комплекс семантических признаков и характеристик в любой из языковых культур может быть представлена шире или скуднее.

3.2. Текстовые особенности семантики зоонимов в китайских баснях и сказках

Сказки всех народов мира часто обращаются к животным, и китайские сказки не являются исключением. Животные в китайской культуре имеют особое, глубинное значение, даже принято называть в их честь годы. Речь идет о двенадцати животных китайского зодиака. Однако разнообразие сюжетов сказок не велико. Так, исследователь В. Эберхард в своем научном труде, анализируя китайские народные сказки, выделяет всего 7 сюжетов [Эберхард, 1977: 74].

На основе анализа 34 китайских сказок и 22 басен мы выделили наиболее часто встречающиеся зоонимы: *тигр* («Лиса и Тигр», «Тигр и Заяц», «Помогать тигру в делах» и др.), *волк* («Коза и Волк», «Пастух и Волк», «Волк», «Привести волка в дом» и др.), *ворона* («Ворона черная», «Ворона и Сорока», «Ворона и Жаворонок» и др.), *лиса* («Лисица и Король Лев», «Лиса спасает Шакала», «Лиса и Тигр» и др.), *собака* («Спаситель праведный собака», «Мечь собачки» и др.), *заяц* («Легенда о соревновании между Зайцем и Быком», «Тигр и Заяц» и др.). Реже художественная литература обращается к таким зоонимам, как *лягушка* («Смотреть на небо со дна колодца», «Саранча и Лягушка»), *осел* («Исчерпать свои возможности», «Тигр и Осел»), *свинья* («Свинья и Петух»), *слон* («Слон и Воробей»), *обезьяна* («Обезьяны», «Зеркало и Обезьяна»).

Животные олицетворяют человеческую природу, проявляют сущность человека, отражают его поведение. *Тигр* – животное, обличенное величием и славой. Это значение в культуре закреплено даже на уровне письменности – написание слова «царь» представляет собой изображение полос на лбу у *тигра*. Тигр в китайской лингвокультуре – отражение мужского начала, ян [Бидерман 1996: 236]. *Тигр* – гордый и властный самец, способный быстро и решительно действовать, следовать зову разума, а не сердца. Он горд и высокомерен. Но он не совершенен, его можно обмануть. Так, например, происходит в сказках «Лиса и Тигр» и «Тигр и Заяц». Он не всегда может самостоятельно уберечься от гибели: несмотря на то, что Тигр всегда смотрел на Мышь свысока, она помогает Тигру – спасает его жизнь («Тигр и Мышь»). Но в то же время *тигр* может изображаться неспособным идти на уступки, бескомпромиссным: в сказке «Тигр и Осел» он съедает Осла.

В некоторых сказках *тигр* предстает в необычной для себя роли: он верный друг, способен дружить со всеми и отстраниться от предрассудков, например, он находит общий язык с Буйволом («Тигр и Буйвол») или Черепахой («Про Сосну, Черепаху и Тигра»). Однако буйный нрав все равно прослеживается: в обеих сказках крепкая дружба заканчивается ссорой.

Еще интересны сказки, в которых *тигр* появляется в качестве тотемного животного. В Китае популярен цикл сказок о тиграх-похитителях, охотящихся на девушек. Также *тигры* популярны и в качестве оберегов, способных отгонять злых духов и любую хворь от детей [Рифтин, 1972: 136].

Волк – одно из наиболее часто встречающихся животных как в русских, так и в китайских сказках и баснях. Чаще всего он предстает голодным и злым, оттого постоянно норовит кого-то съесть. *Волк* – животное хитрое, иногда коварное, почти все персонажи его боятся. Однако *волк* может предстать перед читателем и как животное глупое. Так, например, в сказке «Пастушок и Волк» он изо всех сил старается спасти своих детенышей, но у него это не получается. В итоге обессиленный *Волк* умирает, так и не достигнув результата из-за своих многочисленных ошибок.

При описании словарных характеристик зоонимов и сопоставлении их с русскими эквивалентами мы пришли к выводу, что в обеих культурах *лиса* предстает как хитрое, коварное и весьма опасное животное. Она умна и деятельна. Эти качества помогают ей выживать в любых жизненных обстоятельствах («Лиса и Курятина», «Лиса и Тигр»). Но в некоторых китайских сказках показана и совершенно противоположная ее черта – глупость: *лиса* обманывает всех вокруг только потому, что сама не может достичь желаемого, помышляя, что остальные еще глупее и не смогут распознать ее мотивов («Лиса и виноград»).

Заяц обычно изображен маленьким, шустрым, но при этом невероятно трусливым животным. Однако он может быть сообразительным и смекалистым. Иногда ему приходится бороться за свое спасение только с помощью хитрости и остроумия, ведь других вариантов уже не осталось («Лиса и Зайчик», «Тигр и Заяц»). Смелость и отвага *зайцев* может быть даже гиперболизирована: в сказке «Большой серый Волк и зайцы» Волк не только не достигает своей цели, но и теряет свой хвост – *зайцы* не просто спаслись, но и отомстили обидчику.

Заяц, как и *лиса*, может быть хитрым и изворотливым, но у него эти особенности могут проявляться лишь тогда, когда возникает угроза для его жизни. *Лиса* же находит множество поводов, чтобы оттачивать свое мастерство лести и остроумия («Хитрая Лиса», «Лиса пользуется могуществом тигра»).

Змея в китайской литературе чаще представляется отрицательным героем, в чем прослеживается сходство с русской картиной мира. Однако она может выполнять и положительные функции: помогать другим, спасать чужие жизни. Иногда подобная амбивалентность образа находит отражение в одном и том же произведении. Так, в сказке «Жених-змея» две *змеи* являются антиподами друг другу: одна спасает человека из пещеры, а другая, наоборот, человека съедает. *Змея* может быть не просто злой или хитрой, она может под страхом жесткой расправы принуждать кого-то к действиям («Курица и Змея»).

В китайской лингвокультуре несопоставимо скромнее, чем в русской, представлены домашние животные. *Собака* – храброе, смелое, верное животное.

Она всегда помогает человеку, встает на сторону хозяина, наказывает обидчика, восстанавливает справедливость («Как Кошка с Собакой враждовать стали»). *Собака* умна и сочувственна, ее сил хватит, чтобы спасти любое положение хозяина. Так, например, она может поддерживать связь человека, находящегося вдали от родного дома, с семьей («Собака хуан-эр»). *Собака* может быть справедливой и великодушной, доброй и смелой: она спасает даже мышей, выгоняя из дома кошку («Мышь приглашает гостей»).

Коты и *кошки* в китайской лингвокультуре находятся на совершенно иной позиции, чем в русской. Они жадные, самодовольные и самолюбивые, вовсе недружественные человеку. *Кот* может принимать заботу и любовь человека, но при этом ничего ему не отдавать взамен («В мире нет хорошего кота»). Его эгоизм, любовь к себе не позволяют принимать чужие победы и достижения, он не может радоваться за другого, но может присвоить чужие заслуги себе («Как Собака с Кошкой враждовать стали»). Для *кошки* создать массу неприятностей для других ничего не стоит, при этом она не будет испытывать никаких угрызений совести («Мышь приглашает гостей»).

Курица – слабое, совершенно безобидное существо, как *овца* или *коза*. Она глупа и наивна, оттого часто становится жертвой других животных («Лиса и Курятина», «Ворона и Курица»).

Сопоставим ряд басен, действующим лицом которых является одно и то же животное, с целью проследить, как изменяется образ, его описание и характеристика действий.

Таблица 1

Зоонимы китайского языка в баснях

Зооним	Название басни	Описательная характеристика зоонима	Выражение действия
--------	----------------	-------------------------------------	--------------------

Ворона	Происхождение «черной вороны» (乌鸦黑的来历)	Известная, красивая, яркая, с длинными распущенными перьями, изящная, обладающая грацией	Наслаждаться, хвастаться, красоваться
	Прожорливая ворона (贪吃的 乌鸦)	Ненасытная, ленивая, хитрая	Украсть, напугать, усмехнуться
	Лишняя ворона (多此一举的乌 鸦)	Лишняя, упрямая, глупая, тревожная	Подбирать, бросать, сообразить, исправить
	Ворона и Сорока (乌鸦与喜鹊)	Жадная, несчастливая, завистливая	Смотрит, мечтает, пожалела, притворялась, страдала
	Ворона и жаворонок (乌鸦与百灵鸟)	Завистливая, вне себя от радости, высокомерная, с хриплым и	Завидовала, крякала, раскрыла секрет, унизила, сгорела со стыда

		неприятным голосом	
	Ворона и Курица (乌鸦与母鸡)	Кроткая, как старший брат, благополучная, хитрая, коварная, злобная	Не пыталась поймать, поладила, схватила, бросилась
Лиса	Голубь, Лиса и белый Журавль (鸽子、狐狸与 鹤)	Свирепый тон, злая, мерзкая, старая, лукавая, хитрая, злой враг	Услышала, пригрозила, угнетала, обманула, уничтожила, схватила, убила
	Заяц погиб, Лиса горюет (兔死狐悲)	Беспомощная, печальная, плачущая	Клялись, разделяли невзгоды, оплакивала, противостояла
	Лисица и король Лев (狐狸与狮子 王)	Умная, хитрая, внимательная	Почтительно расспрашивала, сбежала, пришлось отпустить
	Лиса пользуется могуществом Тигра (狐假虎)	Хитрая, высокомерный и спокойный	Показала дорогу, доказала, убедила, гордо повернулась

	威)	взгляд, властная поза	
	Лиса спасает Шакала (狐狸智 救胡狼)	Уверенная, спокойная, умная, мудрая	Посмеялась, отвела, указала, спасла
	Совещаться с лисой о том, как получить ее шкуру (与狐谋 皮)	Хитрая, неторопливая	Обмануть, бежать
Волк	При последнем издыхании (奄 奄一息)	Злой, беспощадный, неблагодарный	Обманывать, попросить, спрятать
	Привести волка в дом (引狼入室)	Хитрый, лицемерный, коварный, неблагодарный	Следовать, охранять, вызвать, съесть
	Волк и Шакал свирепствуют (狼狽为奸)	Злой, хитрый, в сговоре с шакалом, смекалистый, близкий шакалу	Любит воровать, украсть, забрался, стащил, придумали хитрый способ
	Изменчивый(反	Неблагодарный,	Спасался бегством,

	复无常)	голодный, молящий о спасении, бедный	молил, просил, заманил, убил
Тигр	Выходить Тигра и навлечь на себя несчастье (养虎 为患)	опасный, неблагодарный, кровавый	Играть, не бояться, привыкнуть, кусать
	Помогать Тигру в делах	Злой, недовольный	Съесть, поймать, угрожать, убить
Бык	Играть на цитре перед Быком (对 牛弹琴)	Молчаливый, непринужденно склонивший голову, старый, равнодушный	Пасся, лежал, вилял хвостом, поднял уши, подошел, прислушался
	Легенда о соревновании между Зайцем и Быком (兔牛赛跑 传说)	Способный, выносливый трудолюбивый	Удерживать, напоминать, тренировать
Конь/лошадь	Старый конь дорогу знает (老 马识途)	Старый, способный, опытный, с развязанными	Найти, указать, вывести, следовать

		поводьями	
	Легенда о Лошади (马的传说)	Благодарная, искренняя, верная, надежная, смелая	Гордиться, звать на помощь, помогать
	Почему лошадь седьмая по зодиаку (十二生 肖马第七的由来)	Трудолюбивая, отзывчивая, смелая, решительная	Бежать, спасать, забыть
Обезьяна	Изменчивый (反 复无常的)	Легкомысленная, непостоянная, маленькая, обидчивая	Понимают слова, общаются, встали, оскалили зубы, требовали
	Происхождение обезьяны по китайскому гороскопу (猴子的由来)	Умный, гибкий, услужливый, прозорливый	Спасать, скакать, просить
Заяц / кролик	Легенда о соревновании между зайцем и быком (兔牛赛跑 传说)	Умный, сообразительный, ловкий	Похвалиться, высмеивать, бежать, спать, преследовать

	Легенда о кролике (玉兔的传说)	Чисто белый, смелый, добрый, щедрый	Скакать, толочь лекарство
--	---------------------------	-------------------------------------	---------------------------

Семантические смыслы зоонимов в китайских баснях характеризуются широким спектром. Коннотативный потенциал зоонимов зависит не только от ядерной семы – первого их значения как отдельно лексической единицы, но и от ситуации, контекста, в котором каждый конкретный зооним находится. Таким образом, в зависимости от того, под каким углом мы будем рассматривать каждый конкретный образ, его характеристики могут диаметрально меняться. Так, например, с позиции физической силы зооним «лиса» приобретает негативную оценочность, тогда как с позиции восприятия, сознания и эмоций – положительную.

Подводя итог, следует отметить, что мы подробно описали только некоторых животных, наиболее часто встречающихся в китайских сказках и баснях. Как правило, положительными образами предстают *заяц* (как символ ума, доброты и ловкости), *собака* (символ верности и преданности), *лошадь* (спасает человека от гибели как в мирное, так и военное время); а отрицательными – *волк* (его главные черты – жадность и желание обмануть собеседника), *тигр* (как воплощение своеволия, гордости, несдержанности и высокомерности). Однако большинство зоонимов характеризуются амбивалентностью.

3.3. Сопоставительный анализ оригиналов басен И.А. Крылова и их переводов на китайский язык

В современном Китае басни И.А. Крылова довольно популярны, о чем свидетельствует число изданных книг и выполненных переводов. Всекитайский библиотечный союз (全国图书馆参考咨询联盟) официально заявляет о том, что на данный момент существует более 300 изданий, содержащих все басенное

творчество автора (некоторые из них включают и вынесенные самим И.А. Крыловым за пределы девятикнижия шуточные и ранние басни).

На протяжении долгого времени переводами басен И.А. Крылова на китайский язык занимались 64 специалиста в области перевода и исследователя творчества, 15 из которых являются переводчиками полного собрания сочинений.

Первыми переведенными баснями стали «Собачья дружба», «Щука» и «Лисица и Сурок». Однако переводы были выполнены не с языка оригинала, а с английского языка. Эти басни в переводе на китайский язык по своей форме были прозаическими (журнал «Международное обозрение» 国际论语). «Дуб и Трость» – первая басня, вышедшая на китайском языке в стихотворной форме. Ее переводчик Ли Бинчжи (李秉之) предпочел использовать в своем переводе современный упрощенный китайский язык и упрощенную письменность (байхуа). В итоге эта басня приобрела форму свободного китайского стиха, т.е. стиха с различным размером (числом иероглифов) строк и свободной рифмой (не все строки рифмуются).

Таблица 2

Примеры стихотворных переводов фрагментов басен И.А. Крылова

Оригинальный фрагмент басни	Перевод Ли Бинчжи
Бушует ветер, удвоил силы он, Взревел и вырвал с корнем вон Того, кто небесам головой своей касался И в области теней пятою упирался [Крылов, кн. 1, с. 8]	橡樹挺立著 – 蘆葦向地上曲伏。 風怒吼，伊加倍力量抵住， 霹靂壹聲 – 連根拔出了， 頂天立地的橡樹 [Крылов И.А. 橡树与芦苇]

Данный фрагмент позволяет нам заключить, что во всей строфе выдержана

всего лишь одна рифма: «фу» (伏 – ‘падать’ «чжу» (住 – ‘жить’), «чу» (出 – ‘вырвать’), «шу» (树 – ‘дерево’). Во всех других строфах басни такая тенденция не сохраняется. Следует отметить, что представленный перевод является не только первым, сохранившим форму стиха, но и первым, выполненным с русского языка [Пэй, 2022: 90].

Следующими популяризаторами басенного творчества И.А. Крылова в Китае стали такие переводчики, как Мэнхай (梦海) и У Янь (吴岩). Они жили и творили в XX веке, оба переводили басни прозой.

У Янь первым подготовил перевод всех 198 басен И.А. Крылова, однако он представил басни в прозаической форме и за основу брал не оригинальные тексты, а переводы на английский язык Бернарда Пэйрза. Несмотря на то, что переводы Б. Пэйрза считаются лучшими на английском языке, все же этот лишний шаг намного удаляет китайский перевод от оригинала и снижает его качество. Однако этот факт не помешал переводу У Яня стать одним из самых популярных переводов произведений И.А. Крылова в Китае.

Самые удачные переводы басен И.А. Крылова принадлежат Гу Юю (谷羽). Первый его сборник «Осел и Соловей» (驴子和夜莺) вышел в 1983 году, последний, с внесенными правками, – в 2020 году [Пэй Цзян, 2022: 92]. Гу Юю удалось максимально точно и выразительно передать не только авторскую мысль, но и характер, эстетику басни. Помимо этого, он смог достичь важной цели любого художественного произведения – близости и понятности рядовому читателю (в особенности школьникам).

Еще одним знаковым переводчиком басен И.А. Крылова стал Синь Вэйай (辛未艾), также работавший с прозаической формой. Его тексты басен были логичны и стройны, талант рассказчика позволил ему живо и точно передать занимательный сюжет оригинала. Но единодушного одобрения его работы не вызвали. Так, Хань Гуйлян (韩桂良) в своей критической статье о переводах Синь Вэйая высказался следующим образом: «Басни И.А. Крылова трудно переводить, не теряя специфику оригинала. Мы ценим, что Синь Вэйай сделал такой

огромный вклад, но, к сожалению, его перевод лишен и рифм, и устойчивых выражений, хотя бы по этой причине это не идеальный перевод» [Хань Гуйлян, 92].

Обратимся к фрагменту басни «Госпожа и две служанки», рассмотрим особенности переводного текста.

Таблица 3

Перевод фрагмента басни «Госпожа и две служанки»

Оригинальный фрагмент басни	Перевод Синь Вэйя
<p>Так выбраться желая из хлопот, Нередко человек имеет участь ту же: Одни лишь только с рук сживет, Глядишь – другие нажил хуже! [Крылов, кн. 5, с. 128]</p>	<p>你刚刚除去一件麻烦事， 你瞧，又招来其他更坏的麻烦 [克雷洛夫寓言故事（通用 16 篇）]</p>

Сопоставляя оригинальный и переводной фрагменты текста, можно сразу же заметить различия в стихотворных размерах. Оригинальная басня написана вольным ямбом, в ней используется перекрестная рифма. В переводном тексте рифма вовсе отсутствует, акцент полностью смещен на передачу смысла. Также следует отметить, что переводчик, отказавшись от рифмы, все же предпринимает попытку сохранить внешнюю стихотворную форму за счет графического облика: полностью переносит манеру оригинального написания, сохраняя авторские отступы и подчеркивая вслед за автором различную длину строк. Однако такая манера не типична для китайского стихосложения, соответственно, она остается непонятой и неоцененной китайской аудиторией. Эту особенность также прокомментировал в своей рецензии Хань Гуйлян, объяснив недостатки переводов Синь Вэйя не только непереводаемостью басен И.А. Крылова, но и

«недостаточно хорошим уровнем развития стихосложения на байхуа и отсутствием в китайской поэзии общепринятых стандартов [Хань Гуйлян, 1994: 67].

Сам же Хань Гуйлян позже, в 1997 году, издает сборник переводов всех басен И.А. Крылова в стихотворной форме. Самый частотный размер стихотворной строки в переводах Ханя Гуйляна составляет 12–13 иероглифов, что соответствует равному количеству слогов в тексте-оригинале. Также он обратил внимание на лингвоспецифические единицы (фразеологизмы, безэквивалентные наименования сказочных животных) и постарался подобрать для них наиболее точные китайские эквиваленты. Таким образом, он еще больше приблизил китайского читателя к басням И.А. Крылова и открыл для них новый пласт смыслов.

Идея стихотворного размера, длины строк и внешнего облика интересовала многих переводчиков. Оригинальный подход к решению задачи нашел Чэнь Цююань – великолепный переводчик и талантливый поэт. Он искал ответ не в новаторстве, а в давно проверенных методах. Таким образом, он отказался от всех современных ему правил стихосложения и обратился к традиционной системе, характерной для древней поэзии. В 1985 году было опубликовано шесть его басенных переводов («Лещи», «Кукушка и Орел», «Вельможа» «Волк на псарне», «Пестрые овцы», «Волк и пастухи»), в которых соблюдается классическая длина строки, составляющая 5–7 иероглифов.

Обратимся к басне «Волк на псарне».

Таблица 4

Перевод фрагмента басни «Волк на псарне»

Оригинальный фрагмент басни	Перевод Чэнь Цююаня
Послушай-ка, сосед, – Тут ловчий перервал в ответ, Ты сер, а я, приятель, сед,	猎手插口把狼斥: “ 休得鼓舌如笙簧! 倘谓汝毛老成灰,

<p>И волчью вашу я давно натуру знаю; А потому обычай мой: С волками иначе не делать мировой, Как снявши шкуру с них долой». И тут же выпустил на Волка гончих стаю. [Крылов, кн. 2, с. 48]</p>	<p>而我已白发苍苍! 狼性狡戏早看透, 谈和无非屈膝降。 与汝相交只一途, 立将汝皮剥精光!” 言毕放出猎犬群, 直扑灰毛老恶狼。 [Чэнь Цыюань, 67]</p>
---	---

Уже на первый взгляд можно сделать обобщение о внешнем облике двух стихотворных текстов. В переводном варианте соблюдена каноничность формы – строго семь иероглифов в каждой строке. Интересна находка переводчика, позволяющая сохранить в тексте рифму (хотя оригинальный стихотворный размер не соблюдается): он рифмует между собой все четные строки («ang»: 簧 (huang) – 苍 (cang) – 降 (xiang) – 光 (guang) – 狼 (lang)). Однако если сравнивать с легкостью и свободой рифмовки в оригинальном тексте, перевод получился, наоборот, очень строгим и тяжелым.

В целом, важно отметить, что традиционные стихотворные и прозаические формы различаются в обоих языках. Это обусловлено не только творческим опытом стихосложения и написания прозы, но и практикой перевода, в которой отдается предпочтение переводу прозой даже стихотворных, рифмованных оригинальных текстов, в нашем случае – текстов басен, в первую очередь, в целях наиболее полной и адекватной передачи содержания и сюжета.

3.4. Сходства и различия в семантике зоонимов в русском и китайском языках с точки зрения передачи образности

Анализ лексико-семантических полей в лингвокультурологическом аспекте дает возможность исследовать взаимодействие культур, устанавливать схожие и различные элементы национальных языковых картин мира, выявлять и обосновывать их специфику. Для того чтобы определить сходства и различия в образности зоонимов в русском и китайском языках, обратимся к их национально-культурным коннотациям, которые, безусловно, принадлежат не только текстам, но и лексико-семантическим полям в каждом из сопоставляемых языков.

Главной особенностью зоонимов в китайском языке является их семантическая вариативность по отношению к денотату, они могут нести в себе не только дополнительный оценочный смысл, но и частные коннотативные значения. Так, например, зооним *бык* – 牛 с ядерной (основной) характеристикой ‘сильный, крепкий, крупный’, может обладать такими частными значениями, как трудоголик (老黄牛, 大牛, 牛人), прекрасный специалист в каком-то деле или просто хороший человек [Большой китайско-русский словарь].

Подобная полисеманτικότητα, многозначность лексических единиц, с одной стороны, расширяет спектр способов передачи смыслов и создания образности, с другой, – лишает возможности их четко дифференцировать и классифицировать. Одна и та же зоонимическая единица может характеризовать различные признаки: внешность, характер, личностные характеристики и поведение.

Мы обратимся к тематической систематизации зоонимов, поскольку это позволит посредством выявления общего эмотивно-оценочного компонента сгруппировать вторичные значения отобранных референтных образов. Обратим внимание на зооморфные единицы с индивидуально-личностными и социально-ролевыми характеристиками.

Что касается человека, то к его индивидуально-личностным характеристикам принято относить физиологические особенности человека, такие как внешность, характер, интеллектуальные способности.

Одним из компонентов, необходимых для создания представления о внешнем облике человека, является его эстетическая оценка. В китайском языке существует множество зоонимов для передачи широкого спектра эстетических качеств применительно и к образу человека, и к образу животного: *лиса* (狐狸) – искусительница, соблазнительница и обольстительница; *соловей* (夜莺) – приятный человек с красивым голосом; *пташка* (小鸟) – хрупкая, нежная девушка или совсем молодой и неопытный молодой человек; *лебедь* (天鹅) – красивый, грациозный человек; *кошка* (猫) – соблазнительная, привлекательная, несколько стервозная женщина; *ласточка* (燕子) – человек хороших манер, аристократичного вида; *свинья* (猪) – человек неприятной наружности, толстяк; *утка* (鸭子) – гадкий утенок, некрасивый человек; *бабочка* (蝴蝶) – красивый, легкий человек.

В китайском языке с помощью зоонимов можно давать разнообразные характеристики при описании внешнего вида. Так, например, лицо с крупными, неаккуратными чертами можно назвать лошадиным (马脸), крупное – кошачьим (猫脸), а неравномерно вытянутое – утиным (鸭蛋脸), глаза навывкате можно сравнить с глазами рыбы (金鱼眼) или быка (牛眼), а косые – с глазами петуха (斗鸡眼). Интересно, что в современном китайском языке появился зооним, называющий человека, в погоне за красотой прибегнувшего к услугам пластического хирурга, – «змея-оборотень» (蛇精). Обычно за такой номинацией скрывается описание острых черт лица в совокупности с увеличенными глазами.

Широкий спектр возможностей представляют зоонимы для описания телосложения человека: жирный, толстый человек – *свинья* (猪), изящный и подвижный – *ласточка* (燕子), большой и неповоротливый – *медведь* (熊), худощавый – *обезьяна* (猴子), гибкий и пластичный – *слизень* (鼻涕虫), высокий

и статный – лошадь (马), с длинными ногами – журавль (仙鹤腿), маленького роста – улитка (蜗牛). Аналогично некоторые отклонения от нормы, присущие человеческому телу, тоже именуется посредством зоонимов через визуальное сходство: заячья губа (兔嘴) и куриная грудь (鸡胸).

Прическа, борода (внешняя эстетика, связанная с волосами) могут также быть описаны посредством зоонимов: редкая, некрасивая борода – козлиная (山羊胡子), торчащие волосы – прослеживается сходство с ежиком (刺猬头), непослушные, выбивающиеся локоны – как упрямый мул (倔骡子), а седина на волосах – словно журавлиные перышки (鹤毛).

Физические характеристики и особенности биоритмов жизни человека тоже находят отражение в сопоставлении с животными. Так, человек, «перепутавший день с ночью», предпочитающий днем спать, а ночью бодрствовать – ночной кот (夜猫子); кто рано встает, тот жаворонок (云雀). Сильный и крепкий человек – бык (牛), медведь (熊) или лев (狮子). В целом в китайском языке для обозначения физической силы и крепости духа может использоваться слово «самец» (雄). Слабых в Китае принято сравнивать с богомолем (螳螂).

Мы можем много сказать о человеке, обратив внимание на его манеру двигаться. Медленный человек в Китае – словно старая черепаха (老乌龟) или улитка (蜗牛). Медлительный и неповоротливый человек может быть сравнен и с медведем (熊). Подвижные, энергичные и активные люди – птички (麻雀), быстрые – зайцы (兔子) или кони (骏马), ловкие и шустрые – ласточки (燕子) или мыши (老鼠), гибкие и пластичные – рыбки (小鱼儿). Энергичные, но импульсивные люди ведут себя как обезьяны (猴子), ослы (驴) несутся вперед, ничего не замечая на своем пути. Напротив, люди инертные и безынициативные, именуется слизнями (蛞蝓).

Поведение людей можно именовать через такие зоонимические единицы, как: ржать как конь (马叫), петь как соловей (夜莺唱歌), говорить очень громко,

т. е. *орать как осел* (驴叫).

Для описания социокультурной жизни людей в китайском языке существует гораздо более широкий спектр зооморфных средств, чем в русском языке. Схожим значением в обеих лингвокультурах обладает зооним *свинья* (头猪) в значении ‘человек грубый, невежественный’; *паразит* (寄生虫) – ‘нахлебник, живущий за счет других людей’; *крыса* (老鼠) – ‘человек с дурными намерениями, нечестный’; *осел* (驴) – ‘упрямый’; *змея* (地头蛇) или *гадюка* (毒蛇) – ‘человек коварный, злой’; *бык* (牛), *лошадь* (马) или *пчела* (蜜蜂) – ‘трудолюбивый’; *овечка* (小绵羊) – ‘символ кротости и незащитности’.

К лексемам со значением ‘характер человека’ (далее приведены буквальные, прямые значения, традиционные для китайской социо- и лингвокультуры) могут относиться такие зоонимы, как *свинья* (蠢猪 / 懒猪 / 大懒猪) в значении ‘ленивый, нерасторопный’; *бык* (牛 / 牛脾气) – ‘раздражительный’; *волк* (狼) – ‘злой’; *воробей* (麻雀) – ‘добрый и открытый’; *кот* (猫) – ‘ласковый, нежный’; *медведь* (熊) – ‘простодушный’; *лев* (狮子) – ‘целеустремленный’; *орел* (鹰) – ‘упрямый’; *собака* (狗) – ‘неисправимый’; *черепаха* (龟) – ‘робкий, трусливый’; *лиса* (老狐狸) – ‘лукавый’; *краб* (螃蟹) – ‘придирчивый’; *петух* (铁公鸡) – ‘крайне скупой’.

В китайском языке описание социокультурной сферы этими средствами не ограничивается, существует множество зоонимов с нетипичными для русского языка коннотативными значениями. Так, в китайской лингвокультуре *червь* (蛭) – ‘эксплуататор, искатель выгоды’; *попугай* (鹦鹉) – ‘учить всех вокруг’; *пиявка* (水蛭) – ‘назойливый человек’; *лев* (人中狮子) – ‘выделяющийся из общей массы людей’; *вобла* (鱼干女) – ‘девушка-домоседка’.

В китайском языке личность и поведение человека раскрывают следующие зоонимы: *цапля* (鹭) – ‘высокомерие, гордость’; *черепаха* (龟) – ‘нежелание решать проблемы, бегство от них’; *нес* (丧家犬/哈巴狗) – ‘заискивающий

человек'; бездомный паршивый'; *орел* (鷹) – 'целеустремленный человек'; *лев* (狮子) – 'обладающий огромным внутренним потенциалом'; "бумажный" *тигр* (纸老虎) – 'смелый, но лишь на первый взгляд'; улыбающийся *тигр* (笑面虎) – 'двуличный'; сверчок (蟋蟀) – 'задира'; пьяный *кот* (醉猫儿) – 'алкоголик'; прожорливый кот (小馋猫) или *свинья* (馋猪) – 'любитель часто и обильно поесть'; *петух* (公鸡) – 'задиристый человек'.

Интеллектуальные способности характеризуются такими зоонимами, как: *свинья* (猪头/头猪), *корова* (笨牛), *медведь* (熊) или *осел* (蠢驴) – 'глупость'; белый *кролик* (小白兔) – 'простота на грани с наивностью'; *лошадь* (千里马) – 'ум, одаренность'; *кошка на трех лапах* (三脚猫) – 'недоросль, посредственность'; *обезьяна* (猴子) – 'остроумие, смекалка'; *попугай* (鹦鹉) – 'повторяющий за всеми, не имеющий своего мнения'; (*книжный*) *червь* (书蠹) – 'любитель чтения'; *гусь* (鹅) – 'дурак, глупец'.

Подобным образом на основе первичной номинации формируются коннотативные значения на основе не прямых, переносных значений, затрагивающие расширенный тематический ряд – социально-ролевые модели поведения. Таким образом, формируются зоонимические понятия, характеризующие человека не как отдельную личность, а как часть общества, соответственно, учитывают коммуникативные навыки, профессиональные и т.д.

Профессиональные характеристики могут выражаться такими зоонимическими единицами, как *крупный рогатый скот* (家畜) для обозначения спекулянтов; *вол* (犏子牛) – 'работяга, человек, работающий много и тяжело'; *крупный бык* (大牛) или *человек-бык* (牛人) – 'виртуоз, лучший в своем деле'; *старый бык* (老黄牛) – 'человек, полностью отдающий себя работе'; *вобла* (鱼干女) – 'женщина-домоседка, лентяйка'; *кошка на трех лапах* (三脚猫) – 'посредственность'; *паразит* (寄生虫) – 'бездельник, живущий за чужой счет'; *тигр* (老虎) – 'вор и преступник'; *фазан* (野鸡) – 'проститутка'; *змея* (地头蛇) –

‘руководитель преступной группы, мафии’; *утка* (鴨) – ‘альфонс, Казанова’.

Помимо профессиональных отношений, в социуме существует множество вариантов взаимодействия и проявления взаимного интереса. В китайском языке множество из них выражено посредством зоонимов: *волк* (色狼) – ‘похотливый человек, повеса’; *кролик* (兔子) – ‘гомосексуальный человек’; *птенец* (雏儿) – ‘ребенок’; *медвежонок* (熊孩子) – ‘ребенок-шалун и авантюрист’; *одинокий пес* (单身狗) – ‘холостой человек’.

Китайский язык, как и русский, богат на проявления социальной оценки личности. Эту задачу также частично решают зоонимические лексемы: *львицей* (母狮子) или *тигрицей* (母老虎) в китайском языке именуют вздорных, неуживчивых женщин; *быками* (公牛) или *львами* (雄狮) – прекрасных, приятных людей; *воробьями* (燕雀) – ничем не примечательных, заурядных личностей; *лошадьми* (马) – успешных людей. Человек из высшего общества – *лебедь* (白天鹅/天鹅); назойливый и неотступный – *пиявка* (水蛭); не умеющий хранить тайны, болтливый – *попугай* (鸚); незрелый, маленький – *птенец* (雏鸟 / 雏).

Интересно, что китайские зоонимы обладают обширным креативным потенциалом для выражения разнообразных антропометрических характеристик. Иногда они могут выражать совершенно противоположные значения и давать полярные оценки, их спектр варьируется от мелиоративных до пейоративных коннотаций. Оценочные коннотации распределяются неравномерно и тяготеют в сторону отрицательных оценок.

Также следует отметить, что семантика зоонимов не прямой, вторичной номинации строится на несколько иных принципах, нежели в русском языке: особенности и характеристики, которые приписываются человеку по аналогии с животным поведением, продиктованы традициями и правилами, закрепленными в общественном сознании. В первую очередь, это интеллектуальные способности, утилитарные, нормативные, затем эстетические. Таким образом, зоонимы, апеллирующие к внешности, затрагивают не только физиологические характеристики, но и опираются на социальную эстетику и нормы. Характер во

вторичной номинации также оценивается через призму нормативности. Оценка умственных способностей тоже основывается на эстетике, интеллекте (в том числе эмоциональном) и понятиях социальной нормы.

Зооморфизмы, характеризующие социальную сферу и ролевые модели поведения, содержат в себе нормативную, утилитарную и этическую оценку – *неправильный, бесполезный, нечестный* [Гаврилюк, 2012: 114]. В целом проведенный анализ и классификация показывают, насколько универсальны и востребованы зоономинации в китайском языке и насколько широк их спектр выражения оттенков оценочности: от высокой положительной оценки (*ласточка* (燕子) – человек хороших манер, аристократичного вида) до крайне негативной (*змея* (地头蛇) – ‘руководитель преступной группы, мафии’).

Зоонимические единицы в русском языке так же, как в китайском, могут быть представлены как отдельными лексемами (*свинья, обезьяна, корова* и т.д.), так и зоофразеологическими единствами (*кот в мешке, рыба в воде*). Однако в русском языке наблюдается уникальный процесс, несвойственный китайскому языку: образование зооморфных глаголов, например: *обезьяна* → *обезьянничать*, *собака* → *собачиться* и др. Подобные глаголы являются субъективными, поскольку выражают не только действие как непосредственный глагольный признак, но и сопутствующие характеристики, такие как способ действия, цель, динамичность и т.д.

Русские и китайские зоонимы можно классифицировать по единым критериям: это индивидуально-личностные и социально-ролевые параметры. Так, например, для внешней оценки могут использоваться такие зооморфные единицы, как, например: *кошка драная, собака паршивая, старая кляча с неодобрительной оценкой; и, наоборот, лань* (грация, красота), *орел* (мудрость) и т.д. Некоторые анатомические особенности, например, лица, также можно описать с помощью зоонимических лексем (*лошадиная морда, свиное рыло, ослиные уши, воловьи глаза* и т.д.), используемых обычно для описания неприглядной, некрасивой внешности.

В обоих языках особенности телосложения человека также может быть

описано зоонимами, например: *корова* (крупная), *лошадь* (крупная, мощная), *осиная талия* (тонкая), *бегемот* (толстый человек, крупный); *глиста* (худой и высокий человек); *цапля* (высокий, длинноногий), *медведь* (неуклюжий) и др.

В русском языке, как и в китайском, для номинации некрасивого лица могут использоваться: *лошадиная морда* (обычно используется, если черты лица крупные, подбородок массивен и непропорционален), *орлиный нос* (в значении очень большой, неправильной округлой формы) и др. Густые брови именуем *соболиными* (по аналогии с пушным зверьком), а редкую бороду, как и в китайском языке, называют *козлиной*.

Физиологические особенности именуется схожими с китайским языком средствами, например, *бык*, *лошадь*, *медведь* – символы силы, *орел* – гордости и стремительности, *лиса* – хитрости, *заяц* – трусости, *овца* – кротости, *осел* – глупости. Аналогичными характеристиками в русском языке наделяются устойчивые сочетания, например, *ржать как конь*, *петь как соловей*. Двигается человек, *как медведь*, *слон* или *корова на льду* – он неуклюж и неаккуратен; *как лебедь* – напротив, красив и грациозен.

К социокультурным характеристикам можно отнести следующие зоонимы: *заяц* – символ трусости, *лев* – символ храбрости, *овца/ягненок* – кротости и беззащитности, *лиса* – хитрости и коварства; *осел*, *баран*, *курица* – глупости, *удав* – спокойствия, *козлом* принято называть неприятного человека.

Оценка интеллектуальных способностей проявляется двумя типами зоонимов с противоположным значением: 1) *баран*, *осел*, *овца*, *курица*, *утка* (низкие); 2) *сова*, *змея* (мудрость; высокие умственные способности).

Интересно выражены личностные характеристики людей по отношению к другим, например, поведение: *белка в колесе* (очень занятой человек); *свинья* (невежественный, неблагодарный человек); *гадюка* (коварный); *змея* (злая женщина, коварная); *павлин* (важный человек, высокомерный); *крыса* (подлый). Злого и жестокого человека можно именовать родовым понятием – *зверь*. Зоонимы вторичной номинации с обозначением профессиональной деятельности, труда, например: *ломовая лошадь*, *тягловая лошадь*, *работать*

как *пчелка*, *морской волк*, *крупная рыба*. Взаимоотношения людей в обществе, наименование людей с различными моделями поведения: *белая ворона* (отличных от всех, другой), *паразит/пиявка*, *козел отпущения* (виноватый во всем), *попугай* (копирующий кого-либо).

Зоонимами могут выражаться и социальные оценки: пассажир без билета – *заяц*; повеса, любитель женщин – *кобель*; бюрократ и формалист – *крыса канцелярская*; любитель чтения – *книжный червь*; сильный представитель мужского пола – *самец*; ребенок – *птенец/птенчик*; соблазнительница – *львица*. Потенциально для именованя человека может использоваться любая зооморфная характеристика, однако круг отраженных в лингвокультуре зоонимов ограничен главным образом теми животными, с которыми наибольшее количество людей сталкивается в среде обитания или знакомо довольно хорошо.

Использование зоономинаций в качестве характеристики человека – универсальное качество языков. Таким образом, корреляция «животное – человек» является некой константой, языковой универсалией [Гак, 1977: 186]. Коннотативные значения зоонимов формируются на основании устойчивых ассоциаций – фоновых знаний представителей той или иной лингвокультуры. На основании контрастов коннотативных значений можно выявить специфичные и универсальные категории языковой картины мира. Национально-специфические характеристики не только затрудняют понимание зооморфизмов и связанных единиц на другом языке, но и создают большие трудности при переводе.

Образность – одно из наиболее важных отличительных качеств художественного текста в целом или качество его фрагмента, однако природа этой образности еще недостаточно изучена, вследствие чего невозможно подобрать некий унифицированный показатель для сопоставления нескольких единиц.

Создание образности – это общий, универсальный семантический механизм, поэтому мы можем рассматривать креативный потенциал зоонимов и спектр их возможных коннотаций в рамках одного или нескольких языков. Некоторые исследователи понятие образной речи отождествляют с понятием

речи, богатой тропами (сравнениями, метафорами, гиперболами и т.д.) [Квятковский, 1966: 211]. Другие же, напротив, их намеренно разводят, поскольку считают возможным создание образной речи и без использования тропов, только на основе авторского замысла и его речевой эстетики [Сковородников, Копнина, 2003: 256].

Сопоставим в Таблице 6 отдельные частотные зоонимы, употребляющиеся в русском и китайском языках, с позиции сходства/различия в семантике и креативного потенциала в передаче образности.

Таблица 6

Сходства и различия зоонимов с точки зрения передачи образности

Зооним	Семантика и образность в русском языке	Семантика и образность в китайском языке
<i>Змея</i> (蛇)	<p>Злой, коварный, неблагодарный, непредсказуемый человек</p> <p>Множество фразеологизмов и устойчивых выражений с компонентом-зоонимом «змея»:</p> <p>«пригреть змею на груди», «змея подколотная», «змей-искуситель». «Клеветники в аду почетней змей» (И.А. Крылов, «Клеветник и змея»).</p> <p>Помимо зоонима «змея» в русском языке есть целый</p>	<p>Для изображения змей часто используются приемы контраста или омонимии: «Во рту змеи растет лотос» (лотос – благородный и чистый цветок, змея – злое и коварное существо); змея часто сравнивается с драконом, изображается как дракон; метафоры «змеиное сердце», «змея ползает молча» используются по отношению к</p>

	<p>ряд синонимичных номинаций, используемых в синонимичном значении: «гадюка», «уж», «удав», «ехидна», «аспид»</p>	<p>лукавым людям, похожим на змей своей сущностью.</p>
<p>Заяц (兔子)</p>	<p>Символ робости, смущения, трусости.</p> <p>Отрицательная оценка чаще строится на приемах метафоры и сравнения: «вор – что заяц, и тени своей боится», «жаден, как волк, а труслив, как заяц», «лучше умереть орлом, чем жить зайцем»</p>	<p>Символ доброты, благородства и нежности (особенно – белый заяц). Также он олицетворяет собой быстроту и ловкость. Перенос по сходству «ноги зайца» обозначает быстроту какого-то человека. Также зооним «заяц» в китайском языке содержит сему «хитрость» и по значению приближается к русской «лисе»: «У хитрого зайца три норы»</p>
<p>Сорока (喜鹊)</p>	<p>1. Болтуня и сплетница.</p> <p>2. Человек, любящий все красивое, блестящее (невнимательный к содержанию, но падкий на внешнее).</p>	<p>Символ счастья и радости, зооним часто встречающийся в фольклорных произведениях. Сорока – символ любви («встретиться на сороковом мосту»).</p>

	«Всякая сорока от своего языка погибает», «сорока скажет вороне, ворона борову, а боров всему городу», «сорока на хвосте принесла»	
<i>Ласточка</i> (燕子)	Птица счастья в русской культуре. Зооним «ласточка» может использоваться как номинация для человека («ласточка ты моя»). С этим образом связано много примет и поверий	В китайской культуре этот зоонимический образ не отражен
<i>Тигр</i> (老虎)	Символикой не обладает, поскольку не является типичным животным для русской языковой картины мира. Китайский тигр и русский медведь отчасти имеют сходства в выражении образа, например: «два тигра не могут жить в одной норе» (кит.) – «два медведя в одной	Символ храбрости, смелости и силы. Царь зверей, добрый защитник всех окружающих. Однако он может быть жесток и свиреп, что отражено в некоторых идиомах: «свирепый взгляд тигра», «был жив с рта тигра», «выпускать тигра в гору», «тигр и волк в группах – осторожно»

	берлоге не живут» (рус.)	
Медведь (熊)	<p>1. Неуклюжий неповоротливый, человек.</p> <p>2. Крепкий человек, обладающий недюжинной силой.</p> <p>«Медведь неуклюж, да дюж», «хозяин в доме, что медведь в бору» – приемы сравнения и противопоставления.</p> <p>Метафора: «медведь косолапый» (о неуклюжем человеке). В басне И.А. Крылова «Пустынник и Медведь» характеристика медведя нетипична: он объединил в себе такие качества, как дружелюбие и глупость. Из этого характера родилось и закрепилось выражение «медвежья услуга». Несмотря на различные недостатки,</p>	<p>Трусливый человек.</p> <p>В китайской культуре отрицательный образ медведя выражен более резко: «медведь собирает кукурузу», «лучше кормить одного дракона, чем кормить десять медведей», «если солдат по характеру как медведь, то он сам медведь, а если его командир как медведь, то все его товарищи медведь».</p> <p>В отличие от русского в китайском языке устойчивые сочетания с зоонимом «медведь» приобретают не только отрицательный, но и пренебрежительный характер.</p>

	<p>медведь – любимый образ в русской культуре. Есть множество различных номинаций этого животного: «медведь», «Миша», «Мишенька», «Михаил Потапыч», «медвежонок» и др. Медведь часто становится героем художественных произведений, символом чего-либо русского</p>	
<p>Жаворонок (云雀)</p>	<p>Человек, просыпающийся рано и максимально активный в первой половине дня. Нейтральная семантика в русском языке</p>	<p>Девушка с прекрасным голосом (хорошо поет). Положительное значение</p>
<p>Собака (狗) (狗)</p>	<p>1. Злой, грубый человек. 2. Верный друг.</p>	
	<p>Позитивный образ собаки в русском языке чаще всего строится на приеме олицетворения: «собака</p>	<p>Позитивный образ собаки может строиться на основе контраста, сравнения, сопоставления: «Дети всегда любят свою маму,</p>

	<p>старое добро помнит», «собака человеку неизменный друг», «без собаки зайца не поймаешь», «на чужбине и собака тоскует» [Даль].</p> <p>Зооним «собака» может употребляться в качестве метафорического переноса при изображении человека злого, бессовестного или слишком услужливого: «собака паршивая», «хорошо, когда собака – друг, но плохо, когда друг – собака». Прием контраста: «Собаке собачья смерть», «с собакой ляжешь – с блохами встанешь», «собака лает, ветер воет». Также в русском языке есть несколько стилистически неравных «собаке» синонимов</p>	<p>независимо от того, как мама выглядит. А собака преданна своему хозяину навсегда, даже если он беден», «Добрый человек защищает три деревни, а хорошая собака защищает три двора». «Собака любит старого хозяина». «Собачий и конный труд».</p> <p>Отрицательное значение – метафора, олицетворение: «Стратег с собачьей головой». «Собака распоясывается под защитой сильного покровителя»</p>
--	---	--

	(сниженных, ругательных): пес, сука, кобель	
--	--	--

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что одни и те же реалии в разных языках могут иметь как похожие, так и различные способы выражения. Однако насколько глубоко и разнообразно они отражены в языке, зависит от множества факторов, главным среди которых является социо-историко-культурный контекст (термин О.В.Ломакиной) [Ломакина, 2018]. И в русском, и в китайском языке зоонимы имеют большой потенциал для выражения образности, однако внутриязыковые метафорические процессы строятся именно на расплывчатости, неточности, неоднозначности описываемых понятий. Следовательно, в силу ассоциативных различий представителей русской и китайской культуры могут возникать трудности с достоверной интерпретацией образов. Так, например, зооним «сорока» у русских ассоциируется с чем-то несерьезным, поверхностным и вызывает негативную оценку, тогда как у китайцев это символ счастья, любви и благополучия. Иными словами, оценочные коннотации одного образа в двух языках противоположны.

Из-за наличия большого количества как эквивалентных, так и неэквивалентных зоонимов в русском и китайском языках трудно заключить, какие из них являются наиболее образными, какие – наоборот. Можно предположить, что образность выражается в наличии некоторых ассоциаций у представителей одной культуры и отсутствии у представителей другой; возможностях преодоления коммуникативных и переводческих трудностей благодаря подбору наиболее близких по семантике, но обладающих иной образностью языковых единиц. В целом метафоризация, объективированная в языке, имеет своей сутью отражение культурных, ценностных и смысловых координат представителей той или иной национальности.

3.5. Функции фигур речи в переводах на китайский язык басен

И.А. Крылова о животных

Как отмечалось выше, переводные тексты басен И.А. Крылова на китайском языке имеют множество отличий от оригинала на русском языке: собственная структура, зачастую отличная от первичного текста, другой тип рифмы или ее отсутствие и т.д. Однако переводчики стремятся сохранить идиостиль писателя и его экспрессию посредством различных доступных фигур речи.

Один из наиболее репрезентативных и информативных источников лингвокультурологической информации в китайском языке – это фразеологические единицы. Под фразеологизмом мы вслед за Н.М. Шанским будем понимать устойчивые по форме и структуре одно- или двухкомпонентные единицы, содержащие в себе обобщенно-переносную семантику [Шанский, 1996: 242]. Экспрессивность, яркость и точность фразеологизмов обогащает текст дополнительной эмоционально-оценочной семантикой, которую не может передать любой несвязанный (нефразеологический) эквивалент [Кобжицкая, 2017: 409]. Иными словами, высокий уровень экспрессии и точности фразеологических единиц достигается посредством использования тропов и фигур речи.

Как правило, в китайском языке лексема несет в себе не только прямое или переносное значение, но и отражает наиболее важные факты и реалии действительности. Таким образом, слова в целом и зоономинии, в частности, или, приобретают национальную окраску и наиболее часто используются в составе фразеологических единиц.

В данном параграфе мы рассмотрим китайские фразеологизмы, или чэньюй, которые строятся с помощью разнообразных фигур речи. В качестве источника таких фразеологизмов возьмем переводы на китайский язык басен И.А. Крылова и фразеологические словари «中华成语典故通: 2003» и «简明成语词典: 2002».

«Чэньюй» (成语) – устойчивое фразеологическое сочетание, построенное по законам древнего языка вэньянь, несущее в себе обобщенно-переносное значение и выражающее определенную экспрессию» [Горелов, 1979: 42]. Наиболее часто встречаются четырехсложные чэньюи. Они могут быть построены как на основе параллельных, так и непараллельных конструкций. Важно отметить, что параллельная конструкция предусматривает попарную связь компонентов как со смысловой, так и с грамматической точки зрения, т.е. в основу таких чэньюйев заложен принцип параллелизма. Помимо грамматической парности – однотипности четных и нечетных элементов, они должны еще являться одной частью речи. В основу семантической парности заложен принцип аналогии, возникающей из-за использования слов, имеющих между собой синонимические или антонимические отношения: тождества, основанного на использовании лишь синонимических конструкций, или антитезы, обращенной к использованию антонимов [Войцехович, 2007: 164].

Примером такой параллельной конструкции может служить чэньюй 苦尽甘来, дословно переводимый как ‘радость иссякнет, грусть придет’ из басенного творчества в значении ‘на смену радости придет печаль’. В основе фразеологической единицы лежит антитеза, которую мы можем проследить в первом и третьем звеньях, а также во втором и четвертом: друг другу противопоставлены существительные «радость» (甘) и «печаль» (苦), глаголы «иссякать» (尽) – «приходить» (来).

Другой пример: 胆大心小, дословно переводимый как ‘храбрый, но осторожный’. Здесь антитеза проявляется в четных звеньях (втором и четвертом): 大 – 小 (дословно: ‘большой» и «маленький»).

Понимая фигуры речи как средства усиления художественной выразительности посредством возможностей синтаксиса того или иного языка [Столярова, 2004: 158], отметим, что китайские фразеологические единицы чэньюй могут строиться не только на основе параллелизма, но и на основе семантических и лексических повторов: каждое из последующих звеньев

содержит повторяющийся элемент. Так выглядят подобные элементы в структуре китайского текста: 自高自大 – ‘страдать завышенным самомнением’, 明明白白 – ‘яснее ясного’. В подобных примерах мы можем проследить прием редупликации – удвоения какого-либо слова или слога в выражении: 孜孜以求 – ‘искать что-либо без устали’. Важно отметить, что такое удвоение может быть в любом слоге. В данном случае удвоение происходит в первом слоге – 孜 – ‘старательно, без устали’ и 蒸蒸日上 – ‘хорошеть день ото дня’. Также наблюдаем удвоение в первом слоге, обозначающем ‘постоянно, на протяжении длительного времени’. Известно, что в чэньюй слоги и слова могут не только дублироваться, но и повторяться семантически, дополняться элементами со схожим смыслом, например: 心惊胆战 – ‘испугаться’. При внимательном рассмотрении структуры данного чэньюй видим два компонента близких по значению: 心惊 – ‘сердце опустилось, в пятки ушло’ и 胆战 – ‘сильно испугаться, струсить’.

Чэньюй 才高八斗 – ‘иметь талант и эрудицию’. Также в данном фразеологизме наблюдается два семантически приближенных друг к другу компонента: 才高 и 八斗, что переводится как ‘иметь большой талант’.

Еще одна наиболее частотно встречаемая в китайском языке вообще и в чэньюй фигура речи – последовательное наслоение. Его смысл заключается в градации последующего компонента по отношению к предыдущему, то есть последующий элемент по какой-либо характеристике превосходит предыдущий: 千千万万 – ‘тысячи тысяч, миллионы’, где 千 соответствует значению ‘тысяча’, 万 – ‘десятки тысяч’. Прием увеличения цифр довольно частотный в китайской фразеологии. Также можно встретить подобное усиление на примере природных явлений: 风风雨雨 – ‘взлеты и падения’ (структурно эта фразеологическая единица состоит из двух повторяющихся и усиливающих друг друга единиц: 风 – ‘ветер’ и 雨 – ‘дождь’).

Аллитерация и ассонанс – фигуры речи, часто встречающиеся при анализе

чэньюй. Оба приема сфокусированы на фонетической стороне – достигают цели – увеличения экспрессивности – посредством схожего звучания, однако прием аллитерации состоит в повторении согласных звуков, а ассонанс – гласных. Так, например, фразеологическое сочетание 一无长物 ‘ничего лишнего’. Морфемы 无 wú (‘нет’) и 物 wù (‘вещь’) создают ассонанс.

不知几何 – ‘не знаю сколько’, ‘очень много’ тоже создает ассонанс: окончания морфем (гласные звуки) 知 zhī (‘знать’) и 几 jǐ (‘несколько’) звучат одинаково.

求全之毁 – ‘идти к успеху, очерняя другого’ – содержит аллитерацию: начала морфем (согласные звуки) 求 qiú и 全 quán звучат одинаково. Тот же самый прием прослеживается и во фразеологической единице 连篇累牍 – ‘цикл статей’: совпадают начальные согласные звуки морфем 连 lián и 累 lěi.

Таким образом, рассмотрев ряд фразеологических единиц, можно заключить, что основными фигурами речи для повышения экспрессивности и выразительности используются последовательное построение (параллелизм), лексические и семантические повторы, тождества и противопоставления (антитеза), редупликация, а также аллитерация и ассонанс.

Оригинальный фразеологизм (И.А. Крылов)	Перевод на китайский язык [см. пер. Синь Вэйай 1992]	Фигура речи, лежащая в основе [см. Щичко, 2004 : 67–134]
А Васька слушает да ест («Кот повар»)	可是瓦斯卡一边听，一边照样吃 ("猫和厨师") [с. 120]. букв.: А Васька слушает и по-прежнему ест.	транскрипция: Васька – 瓦斯卡 расширение: слушает да ест – 一边听，一边照样吃 (добавлены

		подчеркнутые слова со значением ‘по-прежнему’)
А вы, друзья, как ни садитесь, Всё в музыканты не годитесь. («Квартет»)	可是朋友，不管你们怎么坐，你们都不适合当音乐家（“四重奏”）[с. 156]. букв.: А друзья, как вы ни садитесь, вы все не годитесь в музыкантов.	перестановка: в музыканты не годитесь – не подходит музыка家; расширение: 你们都不适合当音乐家 (добавлены подчеркнутые слова со значением ‘вы’)
Ай, Моська! знать, она сильна, Что лает на слона! («Слон и Моська»)	啊，这条哈巴狗有多厉害，它对大象都敢吠叫(“大象与哈巴狗”) [с. 111]! букв.: Ах, эта Моська насколько сильна, что она смеет лаять на слона.	опущение слова знать в китайском переводе; расширение: Моська! знать, она сильна – 这条哈巴狗有多厉害 (добавлены подчеркнутые слова 这条 со значением ‘это’, слово 多 со значением ‘насколько, в какой степени’), лает

		<p>на слона – 它对大象都敢吠叫 (добавлены подчеркнутые слова 它 со значением ‘он / она / оно’, 敢 со значением ‘смечь’)</p>
<p>Великий зверь на малые дела («Воспитание льва»)</p>	<p>专干小事的了不起的野兽 ("狮子的培养") [с. 180] букв.: Занимающийся малыми делами великий зверь</p>	<p>перестановка: Великий зверь на малые дела – 专干小事的了不起的野兽; расширение: 专干小事的 (добавлены подчеркнутые слова со значением ‘Занимающийся’)</p>
<p>Беда, коль пироги начнёт печи сапожник, А сапоги тачать пирожник. («Щука и кот»)</p>	<p>如果让鞋匠烘糕饼, 让糕饼师做鞋子, 事情就会非常糟糕 ("梭鱼和猫") [с. 85]. букв.: Если пусть сапожник печет пироги, пирожник тачает сапоги, то все будет очень плохо.</p>	<p>перестановка: Беда... – ...糟糕, пироги начнёт печи сапожник, А сапоги тачать пирожник – 让鞋匠烘糕饼, 让糕饼师做鞋子; расширение: 非常糟</p>

		糕 (добавлены подчеркнутые слова со значением ‘очень (плохо)’)
Без драки попасть в большие забияки («Слон и Моська»)	尽管我根本没有决斗, 但已经算得上是勇敢好汉 ("大象与哈巴狗") [с. 111] букв.: Хотя я вообще не дрался, уже считался достойным бравым молодцом (добавлено)	функциональная замена: большие забияки –勇敢好汉 (букв. бравый молодец); расширение: 尽管我根本没有决斗, 但已经算得上是勇敢好汉 (добавлено подчеркнутое слово 我 со значением ‘я’, 尽管 ... 但 со значением ‘несмотря на..., хотя’, 已经算得上 со значением ‘уже считаться достойным’)
Видит око, да зуб неймет («Лисица и виноград»)	眼睛看得见, 牙齿够不到 ("狐狸与葡萄") [с. 282]	перестановка: Видит око –眼睛看得见; перевод поговорок

	букв.: око видит, зуб не неймет	
«Если голова пуста, / То голове ума не придадут места» («Парнас»)	“凡是头脑空虚的人，地 位不会给他们带来智慧” ("帕尔纳索斯山") [с. 18] букв.: “Если люди с пустой головой, то места не придадут им ума”	замена: голова пуста – 头脑空虚的人 (букв.: люди с пустой головой); перестановка: голове ума не придадут места – 地位不会给他们带 来智慧
Зелен виноград («Лисица и виноград»)	葡萄是青的 ("狐狸与葡 萄") [с. 282] букв.: Виноград зелен	перестановка
Из дальних странствий возвратясь («Лжец»)	从远方旅行回到家乡 (" 撒谎的人") [с. 79] букв.: Из дальних странствий возвратясь на родину	расширение: 从远方 旅行回到家乡 (добавлены подчеркнутые слова со значением ‘родина’)
Какие перышки, какой носок! («Ворона и лисица»)	多好的羽毛, 多好的鸟 嘴巴 ("乌鸦和狐狸") [с. 8]! букв.: Какие перья,	Функциональная замена: носок – 鸟嘴 巴 (букв. клюв)

	какой клюв !	
Крестьянин ахнуть не успел, / Как на него медведь насел («Крестьянин и работник»)	老农还来不及叫声哎呀, 那黑熊就已经扑到身上 ("农夫与雇工") [с.91] букв.: Крестьянин не успел ахнуть, как медведь насел на него	перестановка: Крестьянин ахнуть не успел – 老农还来不及叫声哎呀, 那黑熊就已经扑到身上
Кукушка хвалит петуха / За то, что хвалит он кукушку («Кукушка и петух»)	布谷鸟恭维公鸡 / 因为公鸡也在吹捧布谷鸟 ("杜鹃和公鸡") [с.420] букв.: Кукушка хвалит петуха / За то, что петух тоже хвалит кукушку	перестановка: хвалит он кукушку – 公鸡也在吹捧布谷鸟; замена: он – 公鸡 (букв. петух); расширение: 公鸡也在吹捧布谷鸟 (добавлено подчеркнутое слово со значением 'тоже')
Орлам случается и ниже кур спускаться; / Но курам никогда до облак не подняться («Орел и куры»)	鹰有时飞得比鸡还要低; / 然而鸡永远飞不到九天云霄	Перевод чэньев: до облак – 九天云霄 (букв. поднебесье девятое небо)

<p>Рыльце в пуху («Лисица и сурок»)</p>	<p>满嘴巴都是鸡毛 ("狐狸与土拨鼠") [с.75] букв.: полное рыльце в пуху</p>	<p>расширение: 满嘴巴 (добавлено подчеркнутое слово со значением 'полный')</p>
<p>Сильнее кошки зверя нет («Мышь и крыса»)</p>	<p>没有比猫儿更强的野兽 ("小老鼠与大老鼠") [с.199]</p>	<p>перестановка: Сильнее кошки – 比猫儿更强的</p>
<p>Слона-то я и не приметил («Любопытный»)</p>	<p>我没有注意到大象 ("好奇的人") [с.183] букв.: Я не приметил слона</p>	<p>перестановка: Слона-то я и не приметил – 我没有注意到大象</p>
<p>Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать («Волк и ягненок»)</p>	<p>你所以有罪，就是因为 我要吃你 ("狼与羔羊") [с.28]. букв.: Ты виноват уж тем, именно потому, что я хочу тебя кушать</p>	<p>перестановка: хочется мне кушать – 我要吃你; расширение: 就是因为我要吃你 (добавлены подчеркнутые слова со значением 'именно потому')</p>
<p>Ты все пела? это дело: / Так поди же, попляши! («Стрекоза и муравей»)</p>	<p>整个夏天都在唱? 这倒 不赖: 那你就去吧, 跳个 够唱个够吧! ("蜻蜓与蚂</p>	<p>расширение: 整个夏天都在唱? (добавлены</p>

	<p>蚁") [с. 78]</p> <p>букв.: Ты пела все лето? это дело: Так поди же ты, танцуй и пой вдоволь!</p>	<p>подчеркнутые слова 夏天 со значением 'лето'), 那你就去吧, 跳个够唱个够吧 (добавлены подчеркнутые слова со значением 'петь вдоволь')</p>
<p>Услужливый дурак опаснее врага («Пустынник и медведь»)</p>	<p>殷勤效劳的笨蛋比敌人还糟糕 (“苦行修士与黑熊”) [с. 175]</p>	<p>функциональная замена: опасный – 糟糕 (букв. ужас)</p>
<p>Что сходит с рук вора, за то воришек бьют («Вороненок»)</p>	<p>大盗巨贼滑了过去, 小偷小摸却挨打挨揍 (“小乌鸦”) [с. 96]</p> <p>букв.: Крупным вора сходит с рук, за то воришек бьют</p>	<p>функциональная замена и перевод антонимов: воры ↔ воришки – 大盗巨贼 ↔ 小偷小摸; перестановка: сходит с рук вора – 大盗巨贼滑了过去</p>
<p>Щуку бросили в реку («Щука»)</p>	<p>大家把梭鱼扔到河里 (“梭鱼”) [с. 368]</p> <p>букв.: Все бросили щуку в реку</p>	<p>расширение: 大家把梭鱼扔到河里 (добавлены подчеркнутые слова со</p>

		значением 'все')
--	--	------------------

Семантическое подобие приведенных выше зоонимических конструкций и устойчивых выражений может основываться на антитезе, принципах тождества или аналогии. При переводе достичь подобия, сходства можно посредством синонимов, антитезы – антонимов, аналогии – семантических ассоциаций, входящих в один дискурсивный ряд с оригиналом. Наличие у этих устойчивых фраз параллельных конструкций позволяет переводчику использовать их как в прямом, так и в переносном смысле применительно к микротексту.

Обратим особое внимание на тот факт, что при единой образной основе и общей базовой семантике, переносные значения в различных языках могут, как правило, не совпадать. Так, иногда под воздействием внешних культурных факторов китайский чэньюй утрачивает свою первоначальную образную основу и приобретает иную, не связанную с предыдущей.

Многочисленные фигуры речи, которые используются в басенном творчестве и отражаются в художественных переводах басен, способствуют созданию образов и образности; они формируются не только лексическими единицами, но и устойчивым сочетаниями – чэньюями. Очевидно, что в основном фигуры речи основаны на переносных значениях и метафорах, в силу чего можно говорить о параллелизме фигур речи и образной семантики.

Выводы по Главе III

С точки зрения практических аспектов использования зооморфных номинаций в китайских баснях и сказках вообще и в переводах басенного творчества И.А. Крылова на китайский язык, в частности, можно утверждать, что языковые средства обоих языков позволяют говорить о сходствах и различиях в способах создания образности и образов. Одновременно осуществлен анализ понятийного содержания зооморфных лексем в русском и китайском языках, проведено их сопоставление, выявлен обширный пласт зоонимической лексики, не имеющей полных эквивалентов в одном из сопоставляемых языков – русском или китайском, что обуславливает трудности при переводе.

Наиболее интересным для дальнейшего изучения является семантика не прямой, вторичной номинации в русском и китайском языках, поскольку это малоизученный сегмент, требующий более подробного рассмотрения в большем количестве контекстов. Также в данной главе приведена классификация зоонимов обоих языков по первичным и вторичным характеристикам (личностным и социально ролевым) и выявлены различные тенденции, характерные для развития смысловых и грамматических значений: в китайском языке для зоонимов характерна вариативность относительно смыслового ядра, а в русском – образование зооморфических глаголов.

Зоонимы и в русском, и в китайском языке содержат не только ядерные семы, но и коннотативные, за счет чего постоянно сохраняется возможность для основания многочисленных метафорических переносов, поддерживается креативный потенциал для новых номинаций.

В китайском языке также, как и в русском, зоонимы антропоморфны – они характеризуются главным образом исходя из качеств человека, его привычек, поведения. В количественном отношении метафорические переносы с привлечением зоонимов в русском языке характеризуются чаще отрицательной оценочностью, тогда как в китайском – положительной. Оба языка мало тяготеют к нейтральной позиции. Часто одни и те же зоонимические единицы являются

амбивалентными и могут раскрывать образ как с положительной, так и с отрицательной стороны.

Среди зоонимов можно выделить национально-специфические и неспецифические, а также вовсе не представленные в лингвокультуре. Такой отбор обусловлен социально-историческими факторами, а также культурой и бытом того или иного народа, его национальной языковой картиной мира. Отсюда в китайском языке национально-специфическими зоонимами будут выступать, например, *дракон* и *тигр*, а в русском – *медведь* и *лиса*. Национально-культурная специфика обуславливает вхождение зоонимов в состав устойчивых языковых единиц, или фразеологизмов. Интересно, что многие оценочные характеристики зоонимов в первичной номинации в русском и китайском языках совпадают: например, *крыса* и *свинья* – образы отрицательные; *лошадь*, *бык* – положительные. В китайской зоонимической системе намного скуднее, чем в русской, представлены домашние животные. Также не так богато представлены и их коннотативные характеристики.

В обеих лингвокультурах обнаруживаются схожие коннотации, связанные с различными зоонимами. Таким образом, можно сделать вывод о семантической близости конкретного компонента языковой системы: чем разнообразнее зоонимы, фиксирующие то или иное качество за собой, тем важнее это качество для всего народа, его культуры в целом. Зоонимы, как и другие лексические единицы, несут в себе богатый опыт того или иного народа, отражают его ценности и нравственные установки. Расхождения в семантике и многочисленных коннотациях указывают на различия в менталитете и характере двух народов.

Заключение

Басенное творчество И.А. Крылова – мировое богатство, общее культурное наследие. Его басни отличают народность и образность, а образность связана с наличием зоономинаций, или зоонимов. В баснях образы животных несут в себе метафорические значения, они аллегоричны, содержание их повествования выходит за рамки коннотаций конкретного текста. И.А. Крылов нашел новые способы создания аллегорий и метафор, отличные от тех, которыми пользовались его предшественники в античных и классических баснях. Он типизировал характеры и наделил их многомерностью реального мира. Кроме того, мастерство И.А. Крылова проявилось в разграничении аллегорической типизации, обобщенности описываемых характеров и конкретности, уникальности персонажей и соединении их воедино в рамках одного художественного произведения.

В большинстве басен действующими лицами являются животные. На основании их характеров и повадок баснописец создает множество ярких зоометафор: соотносит известные повадки и нравы животных с поступками и характерами людей. Животные отобраны по принципу близости с народным эпосом: в баснях действуют только животные, представления о повадках которых глубоко закрепились в стереотипном представлении народа и кодифицированы в его картине мира.

Художественный образ в баснях И.А. Крылов создает не только с помощью аллегорий и олицетворений, но и с помощью многочисленных индивидуально-авторских характеристик персонажей: эпитетов и оценочных приложений, развернутых описательных конструкций, глаголов с дополнительной эмоциональной окраской, устойчивых оценочных выражений.

В работе были определены функции зооморфных номинаций в баснях И.А. Крылова, выделен принцип авторского отбора зоонимов. Отбор языковых единиц, в частности зоонимов, баснописец осуществляет на основе восприятия человеком животного мира, соответствующего научным знаниям, а также на

основе социокультурных характеристик. Воспроизводя внешний облик и описывая повадки животного, И.А. Крылов также опирается на его мифологический и фольклорный образ, закрепленный в русской лингвокультуре и отраженный в литературной традиции. Амбивалентность образов – сочетание внешнего животного и переносное, содержательное человеческое – яркая особенность басенного творчества И.А. Крылова.

В баснях И.А. Крылова зооморфные номинации несут функциональную нагрузку. Они позволяют автору создавать типичные образы, избавляя от необходимости указания на конкретных персонажей: каждый читатель вправе самостоятельно решить, о ком идет речь в басне – о нем самом или о другом человеке. Кроме того, используя зооморфизмы, автор оставляет читателю возможность самостоятельно собрать полный образ, составить представление о герое басни.

Антропоморфизм в баснях И.А. Крылова – мировоззренческая составляющая. Посредством образов животных – зооморфных образов – описываются физические и психологические качества людей, их эмоциональные особенности: способность сопереживать, разговаривать на равных, поддерживать, благодарить и т.д. Исходя из того, что образ – это продукт мыслительного преобразования окружающей действительности, антропоморфизм понимается как особый способ видения мира, репродуктивный вид воображения, а восприятие антропоморфных образов – вид образного мышления.

С привлечением лексикографических источников (словарей и справочников) были рассмотрены семантические компоненты зоонимов в русской лингвокультуре вообще и в русских текстах басен И.А. Крылова, в частности. Как правило, словари фиксируют ядерные компоненты, определяющие первичные значения категории. Однако в текстах басен выявлены многочисленные контекстуальные изменения словарных значений – коннотативные (периферийные) компоненты. Из проведенного анализа следует вывод, что названия животных по своей природе многогранны. Одно

наименование может отражать разные стороны денотата. Так, определения в словарных статьях могут различаться: один и тот же зооним в различных словарных статьях может быть определен с разных позиций. Но также это возможное варьирование денотата оставляет лакуны для новых, потенциально возможных лексических определений. Вариативность, наличие коннотативных компонентов – залог развития метафоризации, появления новых трактовок и значений, рождающихся из индивидуально-авторских употреблений.

В работе были также подробно рассмотрены практические аспекты использования зооморфных номинаций как в целом в китайских баснях и сказках, так и в переводах басенного творчества И.А. Крылова на китайский язык.

По результатам проведенного исследования можно заключить, что понятийное содержание лексем в русском и китайском языках не идентично: выявлен обширный пласт зоонимической лексики, не имеющей точных эквивалентов. Уникальные коннотативные значения зоонимы чаще приобретают в контексте, во вторичной номинации, приобретая семантически более узкие культурные атрибуты. Семантика вторичной номинации в русском и китайском языках – сегмент малоизученный, следовательно, требует более подробного рассмотрения в большем количестве контекстов.

По результатам проведенного исследования была разработана и предложена классификация зоонимов в русском и китайском языках по первичным и вторичным характеристикам (личностным и социально ролевым), были выявлены различные тенденции, характерные для развития смысловых и грамматических значений. Таким образом, было установлено, что в китайском языке для зоонимов характерна вариативность относительно смыслового ядра, а в русском – образование зооморфических глаголов.

Зоонимы и в русском, и в китайском языке содержат не только ядерные семы, но и коннотативные, за счет чего постоянно сохраняется возможность для многочисленных метафорических переносов, поддерживается креативный потенциал для новых номинаций.

В китайском языке так же, как и в русском, зоонимы антропоморфичны:

они характеризуют главным образом человека, его привычки, поведение и т.д. В качественном соотношении метафорические переносы с участием зоонимов в русском языке характеризуются чаще отрицательной оценочностью, тогда как в китайском – положительной. Оба языка мало тяготеют к нейтральной позиции. Часто одни и те же зоонимические единицы являются амбивалентными и могут раскрывать образ как с положительной, так и с отрицательной стороны.

В обеих лингвокультурах представлены схожие коннотации, связанные с различными зоонимами. Чем разнообразнее зоонимы, фиксирующие то или иное качество за собой, тем важнее это качество для всего народа, его культуры в целом. Зоонимы, как и другие лексические единицы, несут в себе богатый опыт того или иного народа, отражают его ценности и нравственные установки. Расхождения в семантике и многочисленных коннотациях указывают на различия в менталитете и характере двух народов.

Сопоставление текстов басен И.А. Крылова на русском языке и их переводов на китайский язык позволяет сделать вывод о том, что одни и те же реалии в разных языках могут иметь как похожие, так и различные способы выражения. То, насколько глубоко и разнообразно они отражены в языке, зависит от множества факторов, главным среди которых является национальная языковая картина мира. И в русском, и в китайском языке зоонимы имеют большой потенциал для выражения образности, однако внутриязыковые метафорические процессы строятся именно на расплывчатости, неточности, неоднозначности описываемых понятий. Следовательно, в силу ассоциативных различий представителей русской и китайской культур, могут возникать трудности с достоверной интерпретацией образов. По этой причине переводчики оригинальных текстов намеренно трансформируют оригинальный текст с целью добиться наиболее точной смысловой передачи.

Из-за наличия большого количества как семантически эквивалентных, так и неэквивалентных зоонимов в русском и китайском языках трудно заключить, какие из них являются наиболее образными, какие – наоборот. Однако можно сделать вывод о том, что образность выражается в наличии некоторых

ассоциаций у представителей одной культуры и в отсутствии у представителей другой.

Возможности преодоления коммуникативных и переводческих трудностей заключаются в подборе наиболее близких по семантике, но обладающих своеобразной образностью языковых единиц обоих сопоставляемых языков – русского и китайского, так как метафоризация, объективированная в языке и текстах, имеет своей сутью отражение культурных, ценностных и смысловых координат представителей той или иной национальной культурно-исторической традиции, лингвокультуры в целом.

Перспектива дальнейшей работы видится в изучении семантики вторичной номинации в русском и китайском языках, поскольку это малоизученный сегмент, требующий более подробного рассмотрения в большем количестве контекстов.

Список литературы

1. Айхенвальд, Ю.И. Силуэты русских писателей в 2 т. Том 1 / Ю.И. Айхенвальд. – М.: Издательство Юрайт, 2019. – 420 с.
2. Алефиренко, Н.Ф. Фразеомообразующий потенциал дискурсивно-модусного концепта / Н.Ф. Алефиренко // Устойчивые фразы в парадигмах науки / Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.Л. Архангельского. – Тула, 2015. – С. 217–225.
3. Антонова, А.Б. Роль зоонимов в репрезентации понятийной, образной и оценочной составляющих концепта *drinking* / А.Б. Антонова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2010. – № 4. – С. 149–155.
4. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 464 с.
5. Аркадьева, Т.Г. Преобразования этимологических связей слов в системной организации лексики русского языка: дис. ... д-ра филол. наук / Т.Г. Аркадьева. – Л.: РГПУ им. А.И. Герцена, 1990. – 442 с.
6. Артемьева, Н.А. Анималистические образы в баснях И.А. Крылова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Артемьева. – Смоленск: Смоленский государственный университет, 2012. – 22 с.
7. Арутюнова, Н.Д. Метафора / Н.Д. Арутюнова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Большая рос. энцикл., 1998. – С. 297–298.
8. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры: Сборник: Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – М.: Прогресс, 1990. – 512 с.
9. Архангельский, В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В.Л. Архангельский. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростов, гос. ун-та, 1964. – 316 с.

10. Бабенко, Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа / Л.Г. Бабенко – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464 с.

11. Багана, Ж., Михайлова Ю.С. Национально-культурная специфика языковых единиц «кошка» и «собака» в русском, английском и немецком языках // Вестник РУДН. Вопросы образования: языки и специальность. – 2010. – № 2. – С. 5–12.

12. Бахтин, М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров; Текст подгот. Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; Примеч. С.С. Аверинцева и С.Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – С. 281–307.

13. Белинский, В.Г. Полное собрание сочинений: [в 13-ти т.] / [ред. коллегия: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др.] ; Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953-1959.

14. Бидерманн, Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерманн. – М.: Республика, 1996. – 335 с.

15. Болгова, Е.В. Зоонимы русского языка в современном речевом употреблении: семантико-прагматический подход: дис. ... к.филол.н / Архангельск. – 2021. – 254 с.

16. Большая Российская энциклопедия: [в 30 т.] / научно-редакционный совет: председатель – Ю.С. Осипов и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bigenc.ru/vocabulary>

17. Бочкарев, А.Е. Семантика. Основной лексикон. / А.Е. Бочкарев. – Нижн. Новгород: ДЕКОМ, 2014. 320 с.

18. Буслаев, Ф.И. Преподавание отечественного языка / Ф.И. Буслаев // Учебное пособие. – М.: Просвещение, 1992. – 512 с.

19. Ван Сюэфэй. Сопоставительный анализ метафоры слов о животных в русском и китайском языках. Сюэфэй Ван – Харбинский педагогический университет, 2011. – 60 с.

20. Ван Шуфан. Когнитивный сравнительный анализ метафор животных в

Баснях Крылова и Древнекитайских баснях / Шуфан Ван. – Хунаньский университет. 2021. – 111 с.

21. Варникова, Е.Н. Зоонимы: место ономастическом пространстве / Е.Н. Варникова // Вопросы ономастики № 1 (10). – М.: Изд-во Уральского университета, 2011. – С. 51–62.

22. Валентинова, О.И. Системный подход к исследованию текста и стиля: обоснование причинной типологии текстов / О.И. Валентинова // Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Преображенский С.Ю., Рыбаков М.А. Системный взгляд как основа филологической мысли. – М.: Языки славянских культур, 2016. – С. 171–301.

23. Веселовский, С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии / С.Б. Веселовский. – М.: Наука, 1974. – 384 с.

24. Виноградов, В.В. Избранные труды. История русского лит-ного языка / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1978. – С. 10–64.

25. Виноградов, В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв / В.В. Виноградов // Учебник. 3-е изд. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.

26. Войцехович, И.В. Практическая фразеология современного китайского языка / И.В. Войцехович. – М.: АСТ: Восток–Запад, 2007. – 509 с.

27. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. – М.: Наука, 1985. – 224 с.

28. Гаврилюк, М.А. Зооморфная метафора в китайском и русском языках: межъязыковые универсалии и национальная специфика / М.А. Гаврилюк // Вестн. Иркутского гос. лингвистического ун-та. – 2012. – Т. 2. – № 19. – С. 131–137.

29. Гаврилюк, М.А. Когнитивные исследования русских и китайских зоонимических метафор / М.А. Гаврилюк. – Уханьский университет, 2017. – 207 с.

30. Гак, В.Г. Метафора: универсальное и специфическое / В.Г. Гак // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11–26.

31. Гак, В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале русского и французского языков) / В.Г. Гак; Под ред. В.П. Торпакова. – М.: Междунар. отношения, 1977. – 264 с.
32. Гальперин, И.Р. Стилистика: учеб. для студентов ин-тов и фак. ин. яз. / И.Р. Гальперин. – М.: Высшая школа, 1981. – 334 с.
33. Гаспаров, М.Л. Басня / М.Л. Гаспаров // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин.. – М.: Интелвак, 2001. – С. 73–74.
34. Гачев, Г. Д. Миры Европы. Взгляд из России. Италия (Интеллектуальное путешествие) / Г.Д. Гачев. – М.: Воскресенье, 2007. – 416 с.
35. Глазунова, О.И. Логика метафорических преобразований / О.И. Глазунова. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2000. – 190 с.
36. Гоголь, Н.В. Полное собрание сочинений в 14 т.: Т. 13 / Н.В. Гоголь; гл. ред. чл.-кор. АН СССР Н. Л. Мещеряков; Акад. наук СССР. Ин-т лит-ры; Ред. А.Н. Михайлова. – М.: Издательство АН СССР, 1952. – 564 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа – <https://ruslit.traumlibrary.net/book/gogol-pss14-13/gogol-pss14-13.html>
37. Голованова, А.В. Ценности и оценки в языковом отражении: на материале русского и польского языков: дис. ... канд. филол. наук / А.В. Голованова. – Пермь: ПГУ, 2002. – 236 с.
38. Горелов, В.И. Стилистика современного китайского языка / В.И. Горелов // Учеб. пособие. – М.: Просвещение, 1979. – 192 с.
39. Гоу Яньминь. Русские и китайские приметы антропоцентрической направленности: лингвокультурологический подход: дис. ... к.филол.н / Яньминь. – 2022. – 290с.
40. Гудков, Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д.Б. Гудков. – URSS –2020. – 152 с.
41. Гура, А.В. Символика животных в славянской народной традиции / А.В. Гура. – М.: Индрик 1997. – 912 с.

42. Даль, В.И. Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Даль. – М.: Эксмо, 2004. – 382 с.
43. Жаннет, Ж. Повествовательный дискурс / Ж.Жаннет // Фигуры. Работы по поэтике. Т. 2. М.: изд-во им. Сабашниковых, 1998. С.60-280.
44. Жуковский, В.А. Собр. соч. в 4 т. Т. 4 / В.А. Жуковский. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1960. – 754 с.
45. Жуковский, В.А. Эстетика и критика / Вст. ст. Ф.З. Кануновой и А.С. Янушкевича; Подгот. текста, сост. и примеч. Ф.З. Кануновой, О.Б. Лебедевой и А.С. Янушкевича. – М.: Искусство, 1963. – 431 с.
46. Журавлев, А.Ф. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян / А.Ф. Журавлев; [Рос. АН, Ин-т славяноведения и балканистики]. – М. Индрик, 1994. – 254 с.
47. Иванов, Е.Е. Номинации животных в тувинских пословицах и поговорках: аспекты реализации и проблематика изучения /Е.Е. Иванов, Ж.В. Марфина, О.В. Шкуран // Новые исследования Тувы. – 2022. – № 1. – С. 47– 68. [Электронный ресурс]. Режим доступа – <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.1.4>
48. Ильясов, Р.Ф. Башкирские сказки о животных / Р.Ф. Ильясов // Советская тюркология. – 1981. – № 3. – С. 14–21.
49. Касьянова, М.И. Метаязыковая субстанциональность язык басен: на материале произведений И.А. Крылова: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.М. Касьянова. – Краснодар, 1996. – 19 с.
50. Кацитадзе, Э.А. Метафоризация зоонимов в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э.А. Кацитадзе. – Тбилиси, 1985. – 20 с.
51. Киприянова, А.А. Об ассоциативной семантической нагрузке зоосемизмов / А.А. Киприянова // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. – М., 1998. – 23 с.
52. Киприянова, А.И. Функциональные особенности зооморфизмов: на материале фразеологии и паремиологии русского, английского, французского и новогреческого языков: дис. ... канд. филол. наук / А.И. Киприянова. –

Краснодар, 1999. – 26 с.

53. Кобжицкая, О.Г. Культурологический аспект изучения китайских идиом чэньюй / О.Г. Кобжицкая // Межкультурный диалог в пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2013. – С. 171–176.

54. Кобжицкая, О.Г. Фигуры речи как средство выразительности в китайских фразеологизмах чэньюй / О.Г. Кобжицкая // Молодой ученый. – 2017. – № 17 (151). – С. 408–410.

55. Копытова, Ю. Сравнение метафорических значений и стратегий обучения китайских и русских идиом животных / Ю. Копытова. – Харбинский педагогический университет, 2022. – 51 с.

56. Корнилов, О.А. Жемчужины китайской фразеологии / О.А. Корнилов. – 2-е изд. – М.: Книжный Дом Университет, 2010. – 341 с.

57. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

58. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: УРСС, 2004. – 252 с.

59. Лаврова, О.В. Языковая и научная классификации наименований животных в русской и китайской картинах мира / О.В. Лаврова // Вестн. Ленинградского гос. ун-та им А.С. Пушкина. – 2015. – Т. 1. – № 1. – С. 206–213

60. Ли Имо. Зоосемизмы и зоонимы в составе фразеологических единиц / Имо Ли // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. – 2021. – № 3/2. – С. 137–143.

61. Ли Чуньюй. Перевод и изучение творчества И.А. Крылова в Китае / Чуньюй Ли // Иностранные языки в высшей школе: научный журнал. – 2021. – № 2. – С. 99–107.

62. Литвин, Ф.А. Об изучении разновидностей зооморфных характеристик : (на материале английского языка) / Ф.А. Литвин // В помощь преподавателям

иностранных языков. – Вып.5. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1974. – С.

63. Лихачев, С.В. Формирование у младших школьников представлений о языковой картине мира / С.В. Лихачев // Начальная школа и образование. – 2017. – №1. – С. 16–19.

64. Лихачева, Т.С. Соотношение русской языковой картины мира и научных представлений: на примере концептов диких животных / Т.С. Лихачева. – М.: МГУ им. Н.Э. Баумана, 2018. – С. 38–43.

65. Ло Вэй. Исследование и анализ когнитивного статуса метафор с компонентом зоонимом в русском и китайском языках / Вэй Ло. – Сычуаньский университет иностранных языков, 2020. – 63 с.

66. Лобанов, М.Е. Жизнь и сочинения И.А. Крылова / М.Е. Лобанов // Крылов И. А. в воспоминаниях современников / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А.М. Гордина, М.А. Гордина. – М.: Худ. лит-ра, 1982. – С. 50–90.

67. Ломакина, О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль: монография / под ред. В. М. Мокиенко. – М.: РУДН, 2018. – 344 с.

68. Марудова, А.С. К вопросу о содержании термина «зооним» / А.С. Марудова // Идеи. Поиски. Решения: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 25 нояб. 2015 г.: в 6 т. – Минск, 2015. – Т. 5. – С. 103–107.

69. Маршак, С.Я. В начале жизни (страницы воспоминаний) / С.Я. Маршак // Собр. соч.: в 8 т. – Т. 6. – М.: Художественная литература, 1971. – С.7–180.

70. Маслов, А. С. Зоометафоры-инвективы в современном русском языке: экспериментальное исследование: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.01 / А. С. Маслов – Белгород, 2014. – 252 с.

71. Мезенцев, П.А. История русской литературы XIX века: Первая половина / П.А. Мезенцев // Учеб. пособие для студентов гуманитарных фак. вузов СССР. – М.: Высшая школа, 1963. – 354 с.

72. Мо Цзяо. Исследование метафор животных в современном китайском языке / Цзяо Мо. – Северо-Восточный педагогический университет, 2012. – 42 с.

73. Мокиенко, В.М. Способы названия в зоонимии / В.М Мокиенко., О.И. Фоякова // Ономастика Поволжья. – Вып. 4. – Саранск, 1976. – С. 317–322.

74. Москвин, В.П. Русская метафора: параметры классификации / В.П. Москвин. Филологические науки. – 2002. – № 2. – С. 66–74.

75. Мушникова Е.Н. Зоометафора в языковой картине мира русского и английского языков / Е.Н. Мушникова // Известия высших учебных заведений. – 2021. – № 4 (20). – С. 114–120.

76. Мяо Ю. Особенности перевода басен И.А. Крылова на китайский язык / Ю. Мяо, Х. Ван // Проблемы современной науки. –2015. – № 17. С. – 77–88.

77. Нагорная, Е.Н. Зоометафора в системе языка и в дискурсе чеховской прозы: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Е.Н. Нагорная; [Место защиты: Волгогр. гос. соц.-пед. ун-т]. – Волгоград, 2014. – 25 с.

78. Новиков, Л.А. Художественный текст и его анализ / Л.А. Новиков. – Изд. 3-е. – М.: издательство ЛКИ, 2007. – 304 с.

79. Новикова, М.Л. Онтология искусства поэтического слова и остраннение: монография / М.Л. Новикова. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2020. 237 с.

80. Николаева, Н.В. Функционирование зоонимов в сравнениях и метафорах разносистемных языков (на материале русского, чувашского, английского и немецкого языков) дис. ... к.филол. наук / Н.В. Николаева. – Чебоксары. – 2022. – 302.

81. Огдонова, Ц.Ц. Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира: дис. ... канд. филол. наук / Ц.Ц. Огдонова. – Иркутск, 2000. – 162 с.

82. Огдонова Ц.Ц. Зооморфная лексика как фрагмент русской языковой картины мира: автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Ц.Ц. Огдонова. – Иркутск, 2000. – 21 с.

83. Одинцов, В.В Стилистика текста / В.В. Одинцов. – М.: Наука, 1980. – 263 с.

84. Падучева, Е.В. Метафора и ее родственники: Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культурара: Сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой / Отв. ред. Ю.Д. Апресян, Е.В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 187–203.

85. Падучева, Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е.В. Падучева. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 464 с.

86. Першаева, В.В. Опыт экспериментального определения значения зоосемизмов в русском языке / В.В. Першаева // Аспекты лексического значения. – Воронеж, 1982. – С. 53–58.

87. Петровский, М. Метафора / М. Петровский // Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов Текст: в 2 т. / под ред. Н. Бродского и др. Т. 1. – М.; Л.: Л.Д. Френкель, 1925. – С. 434–437.

88. Поротников, П.Т. Из уральской зоонимии / П.Т. Поротников // Восточнославянская ономастика. – М.: Наука, 1972. – С. 210–250.

89. Потebня, А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка / А.А. Потebня. Теоретическая поэтика. – М.: Высшая школа, 1990. – 406 с.

90. Пэй Ц. О переводах и переводчиках басен И. А. Крылова в Китае / Ц. Пэй // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2022. – Т. 81. – № 1. – С. 90–95.

91. Пэй Ц. Художественные особенности стихотворных переводов басен

92. И. А. Крылова в Китае (на примере басни «Стрекоза и муравей») // Litera. 2022. №5. [Электронный ресурс]. Режим доступа – <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennyye-osobennosti-stihotvornyh-perevodov-basen-i-a-krylova-v-kitae-na-primere-basni-strekoza-i-muravey> (дата обращения: 03.02.2023).

93. Рисина, О.В. Поэтическая трансформация универсальных смыслов текста: на материале русской лирики и басни XIX – XX вв: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.В. Рисина. – Воронеж, 1996. – 26 с.

94. Рифтин, Б. Китайские народные сказки / Пер. с китайского Б. Рифтина. – М.: Художественная литература, 1972. – 396 с.
95. Рубинштейн, С.Л. Избранные философско-психологические труды : Основы онтологии, логики и психологии / С.Л. Рубинштейн. – М.: Наука, 1997. – 463 с.
96. Румянцева, А.В. Человек и коллектив: соотношение номинаций лица и совокупности лиц в современном русском языке / А.В. Румянцева // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: материалы Второй международной научной конференции. – Волгоград. – 2007 . – Т. 1. – С. 210–250.
97. Рыжкина, О.А. Системное исследование зоонимов в русском языке: в сопоставлении с английским: Дис. ... канд. филол. наук / О.А. Рыжкина. – Новосибирск., 1979. – 329 с.
98. Рядченко, Н.Г. Зоонимика. Зоонимия русская / Н.Г. Рядченко // Русская ономастика и ономастика России: Словарь / Под ред. О. Н. Трубачева; [Вступ. ст. Е. С. Отина]. – М. Школа-пресс, 1994. – С. 77–84.
99. Рядченко, Н.Г. Зоонимия как класс ономастической лексики / Н.Г. Рядченко // Актуальные вопросы русской ономастики. – Киев, 1988. – С. 88–96.
100. Свешникова, Т.Н. Имя собаки как стереотипизированная структура / Т.Н. Свешникова // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. – М.: ИСБ, 1995. – С. 109–112.
101. Сидоренко, К.П. Три вороны в баснях И.А. Крылова: заметки об интертекстовой рефлексии / К.П. Сидоренко // Национальное и интернациональное в славянской фразеологии: XV Междунар. Съезд славистов. – Минск, 2013. – С. 127–128.
102. Складаревская, Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Складаревская. – СПб.: Наука, 1993. – 152 с.
103. Сковородников, А.П., Копнина Г.А. Образность / А.П. Сковородников, Г.А. Копнина // Стилистический энциклопедический словарь русского языка /

[Л.М. Алексеева и др.]; Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта; Наука, 2003. – С. 255–257.

104. Смирнов, А.А. Из зоонимии Горьковской области / А.А. Смирнов // Ономастика Поволжья: Материалы... Поволжской конференции по ономастике / Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Ин-т языкознания АН СССР. Горьк. гос. пед. ин-т им. М. Горького. Горьк. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Вып. 2. –1971. – С. 299–302.

105. Смирнова, Д.С. Зоонимы в русской языковой картине мира / Д.С. Смирнова, А.А. Шолина // Инновационная наука. – 2015. – № 11. – С. 259–261.

106. Соколова, А.Г. Кошка и собака в русском и немецком языках (на материале толковых и фразеологических словарей) / А.Г. Соколова // Русский язык и проблемы современного образования: сборник научных статей; отв. ред. и сост. А.Т. Ашхарова. – Архангельск, 2009. – С. 36–42.

107. Солнцева, Н.В. Сопоставительный анализ зоонимов русского, французского и немецкого языков в этносемантическом аспекте: Дисс...канд. филол. наук / Н.В. Солнцева. – Омск, 2004. – 220 с.

108. Стенник, Ю.В. И.А. Крылов – баснописец / Ю.В. Стенник // История русской литературы: в 4 т. – Т. 2. – Л., 1981. – С. 189–203.

109. Степанов, Н.Л. И.А. Крылов: Жизнь и творчество / Н.Л. Степанов. – М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1949. – 373 с.

110. Степанов, Н.Л. Мастерство Крылова – баснописца / Н.Л. Степанов. – М.: Изд-во «Советский писатель», 1956. – 288 с.

111. Степанов, Н.Л. Персонажи / Н.Л. Степанов // И.А. Крылов: Жизнь и творчество. – М.: Гослитиздат, 1958. – 349 с.

112. Степанов, Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю.С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.

113. Стернин, И.А. Лексическое значение слова в речи / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985. – 696 с.

114. Столярова, Е.А. Стилистика русского языка (конспект лекций) / Е.А. Столярова. – М.: Приор-издат, 2004. – 155 с.

115. Сюй Чжэньюй. Особенности метафоры животных в баснях И.А. Крылова / Чжэньюй Сюй, Лэлэ Ван // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – № 12. – С. 53–57.

116. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 142 с.

117. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 286 с.

118. Томашевский, Б.В. Теория литературы. Поэтика / Б.В. Томашевский. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 332 с.

119. Устуньер, И. Зооморфная метафора, характеризующая человека, в русском и турецком языках: Дис. ... канд. филол. наук / Ильяс Устуньер. – Екатеринбург, 2004. – 172 с.

120. Флоря, А.В. Русская стилистика: курс лекций / А.В. Флоря. – М.: Флинта, 2013. – 892 с.

121. Фоменко, Е.Л. Зоонимы и их фразеоморфологический потенциал / Е.Л. Фоменко // Международный студенческий научный вестник. – 2016. – № 5. – С. 431–433.

122. Хазагерев, Г.Г. Риторика для делового человека: учебное пособие / Г.Г. Хазагерев, Е.Е. Корнилова; Московский психол.-соц. ин-т. – 3-е изд. – М.: Флинта, 2008. – 133 с.

123. Хао Цзяньчжуан, Кошелева Е.Ю. Фразеологизмы китайского и русского языков, содержащих зоонимы: сопоставительный анализ / Цзяньчжуан Хао, Е.Ю. Кошелева // Молодой ученый. – 2015. – № 11 (91). – С. 1701–1703.

124. Хлебников, Г.В. Некоторые неявные мотивы и интенции в баснях И.А. Крылова и генезис басенного жанра в Европе от Эзопа до появления англоязычных переводов басен последнего / Г.В. Хлебников. – М.: Нахимовский пр-т, 2019. – С. 62–73.

125. Хроленко, А.Т. Семантика фольклорного слова / А.Т. Хроленко. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1992. – 137 с.

126. Чжан Сяофэй. Исследование метафоры китайского лексикона категорий животных / Сяофэй Чжан – Аньхойский университет, 2012. – 91 с.

127. Чэнь СяоХуэй. Семантическая производность в русских наименованиях лиц по свойству (в сопоставлении с китайским языком) / СяоХуэй Чэнь // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2010. – № 5. – С. 50–54.

128. Чэн Цзин. Сравнительное исследование русских и китайских метафор животных. Цзин Чэн. – Нанкинский педагогический университет, 2012. – 61 с.

129. Цзян Цзюньнань. Сравнительное исследование метафор животных в английском и китайском языках с точки зрения познания – на примере летучих мышей, собак и змей / Цзюньнань Цзян – Харбинский педагогический университет. 2021. – 111 с.

130. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – СПб.: Специальная литература, 1996. – 192 с.

131. Щичко, В.Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода: учеб. пособие / В.Ф. Щичко; М-во образования Рос. Федерации, Воен. ун-т. – М.: Восток-Запад: АСТ, 2004. – 223 с.

132. Эберхард, В. Китайские праздники: Пер. с англ. и предисл. Н.Ц. Мункуева / В. Эберхард // АН СССР, Ин-т востоковедения. – М.: Наука, 1977. – 128 с.

133. Эйгес И. Басня / И. Эйгес // Литературная энциклопедия. Словарь литературных терминов Текст: в 2 т. / под ред. Н. Бродского и др. Т. 1. – М.; Л.: Л.Д. Френкель, 1925. – С. 93–98.

134. Юй Цунсяо. Зоонимы как средство оценочной характеристики человека в русском и китайском языке / Цунсяо Юй, Алтайский государственный университет. – 2007. – № 8. – С. 498–490.

135. Яковлева, Е. С. Особенности фразеологических единиц с

компонентом-зоонимом (на материале китайского и английского языков): дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Яковлева Елена Сергеевна. – Саратов, 2018. – 201 с.

136. Якурова К. Педагогические исследования зоометафор и связанной с ними лексики – на примере российских изучающих китайский язык / К. Якурова. – Шанхайский педагогический университет, 2021. – 51 с.

137. Яранцев, Р.И. Русская фразеология / Р.И. Яранцев // Словарь-справочник: около 1500 фразеологизмов. – Изд. 6-е, стер. – М.: Дрофа, 2008. – 894 с.

Материал исследования:

138. Крылов И.А. Басни. Т. 3: Стихотворения. Письма / Ред. Д.Д. Благого // Полн. собр. сочинений в 3 т. / Под ред. Д. Бедного. – М.: Гос. изд-во худож. лит., 1946. – 618 с.

139. Крылов И.А. Сочинения в 2 т / И.А. Крылов. – М.: Художественная литература, 1984. – Т. 1, – 463 с.; – Т. 2. – 735 с.

140. 陈次园 试译克雷洛夫寓言诗六首 / 陈次园 // 苏联文学. – 1985. – № 5. – 126–130 页.

141. [Чэнь Цьюань Перевод шести басен И.А. Крылова на китайский / Цьюань Чэнь // Советская литература. – 1985. – № 5. – С. 126–130.]

142. 韩桂良 克雷洛夫寓言是诗–读辛译《克雷洛夫寓言集》的几点感想 / 韩桂良 // 外国语. – 1994. – № 1. – 65–70 页.

143. [Хань Гуйлян Басня Крылова как стихотворение: размышления при чтении Сборника басен Крылова / Гуйлян Хань // Иностранные языки. – 1994. – № 1. – С. 65–70.]

144. 克雷洛夫 克雷洛夫寓言集 / 克雷洛夫; 辛未艾 译. – 上海: 上海译文出版社, 1992. – 436 页.

145. [Крылов И.А. Собрание басни И.А. Крылова / И.А. Крылов; пер. Синь Вэйай. – Шанхай: Шанхайское издательство переводов, 1992. – 436 с.]

146. 李秉之 克雷洛夫: 橡树与芦苇 / 李秉之 // 俄罗斯名著. – 上海: 上

海亚东图书馆, 1925. – 第一集. – 4 页.

147. [Ли Бинчжи Крылов И.А.: Дуб и Трость / Бинчжи Ли // Русская классика. – Шанхай: Шанхайская б-ка «Ядун», 1925. – Т. 1. – С. 4.]

Лексикографические источники:

148. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.

149. Белокурова, С.П. Словарь литературоведческих терминов / С.П. Белокурова. – Санкт-Петербург: Паритет, 2006. – 314 с.

150. Бирих, А.К. Словарь русской фразеологии / Мокиенко В.М., Бирих А.К., Степанова Л.И. // Историко-этимологический справочник. – СПб: Фолио-пресс, 1998. – 700 с.

151. Большой китайско-русский словарь (華俄大辭典): по русской графической системе: в четырех томах: около 250000 слов и выражений / составлен коллективом китаистов под руководством и редакцией проф. И. М. Ошанина. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983–1984. [Электронный ресурс]. Режим доступа – <https://bkrs.info/>

152. Большой словарь русских поговорок: более 40 000 образных выражений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина; Международная ассоц. преподавателей русского яз. и лит., Российское о-во преподавателей русского яз. и лит., Санкт-Петербургский гос. ун-т, Межкафедральный словарный каб. им. проф. Б.А. Ларина. – Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2013. – 783 с.

153. Большой толковый словарь русских существительных: свыше 15 000 имен существ., идеограф. описание, синонимы, антонимы / [авт.-сост.: Л.Г. Бабенко и др.]; под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-Пресс Книга, 2005. – 862 с.

154. Большой толковый словарь русского языка [БТС : А-Я] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [гл. ред. С.А. Кузнецов]. – СПб.: Норинт, 2004. – 1534 с.

155. Брилева, И.С. Большой фразеологический словарь русского языка / И.С. Брилева; [авт.-сост.: И.С.Брилева и др.]; отв. ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-

Пресс, 2009. – 781 с.

156. Гудков, Д.Б. Люди и звери. Русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе: лингвокультурологический словарь / Д. Б. Гудков. – Москва: URSS: ЛЕНАНД, сор. 2019. – 199 с.

157. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даля; 3-е, испр. и знач. доп. изд. под ред. [и с предисл.] проф. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 1–4. – Санкт-Петербург; М.: т-во М.О. Вольф, 1903–1911.

158. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: избр. ст. / В.И. Даль; совмещ. ред. изд. В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ. – М.: Олма-Пресс: Крас. пролетарий, 2004. – 700 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа – <https://bigenc.ru/vocabulary>

159. Дмитриев, А. Толковый словарь: 40 000 иностр. слов, вошедших в рус. яз. рус. старин. мест. и техн., по всем отраслям знания, выражений и сл. / А. Дмитриев. – М.: тип. В. Готье, 1875. – 950 с.

160. Квятковский, А.П. Поэтический словарь / А.П. Квятковский. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 376 с.

161. Кимягарова, Р.С. Словарь языка басен Крылова / Р.С. Кимягарова. – М.: Оникс [и др.], 2006. – 926 с.

162. Китайско-русский, русско-китайский онлайн словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа – <https://cidian.ru>

163. Китайско-русский словарь / под ред. Ся Чжуньи. – Пекин: Коммерческое изд-во, 1990. – 1250 с.

164. Козлова, Т.В. Семантика фразеологизмов с названиями животных в современном русском языке / Т.В. Козлова. – Москва: Изд-во МГУ, 2003. – 191 с.

165. Кондрашевский, А.Ф. Современный китайско-русский словарь / А.Ф. Кондрашевский, М.В. Румянцева, М.Г. Фролова; отв. ред. А.Ф. Кондрашевский. – М.: Восток–Запад, 2005. – 714 с.

166. Кононенко, Б.И. Большой толковый словарь по культурологии / Б.И. Кононенко. – М.: Вече: АСТ, 2003. – 509 с.

167. Котов, А.В. Китайско-русский словарь-минимум / сост. А.В. Котов;

под ред. проф. В.И. Горелова. – М.: Рус. Яз, 1974. – 432 с.

168. Крылов, Г.А. Этимологический словарь русского языка / Г.А. Крылов. – СПб.: Victory, 2004. – 428 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа – <https://gufo.me/dict/krylov>

169. Мудрова, И.А. Словарь славянской мифологии / И.А. Мудрова. – М.: Центрполиграф, 2010. – 338 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа – <https://rus-slavanskaya-mifologia.slovaronline.com>

170. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азъ, 1994. – 907 с.

171. Розенталь, Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М.: Просвещение, 1976. – 399 с.

172. Словарь китайского языка (СКЯ). [Электронный ресурс]. Режим доступа – <https://www.mdbg.net/chinese/dictionary>

173. Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др. - Москва, 1994. [Электронный ресурс]. Режим доступа – <http://thesaurus.ru/dict/>

174. Семенов, А.В. Этимологический словарь русского языка / А.В. Семенов. Серия "Русский язык от А до Я". – М.: Юнвес, 2003. – 704 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа – <https://gufo.me/dict/semenov>

175. Словарь русского языка: в 4 т. (Малый академический словарь) / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; [гл. ред. А.П. Евгеньева; выполн. Л.П. Алекторовой и др.]. – Изд. 3-е, стер. – М.: Русский язык, 1985–1988.

176. Толковый словарь русского языка: Ок. 2000 словар. ст., свыше 12000 значений / Под ред. Д.В. Дмитриева. – Москва: Астрель [и др.], 2003. – 989 с.

177. Хабло, Е.П., Горбачевич К.С. Словарь эпитетов русского языка / Е.П. Хабло, К.С. Горбачевич. –Л.: Наука, 1979. – 567 с.

178. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного

русского языка в 2 т.: Т. 1 (А–Пантомима). – Изд. 3-е, стереотип. – М.: Рус. яз., 1999. – 624 с.

179. Шанский, Н.М. Этимологический словарь русского языка в 2 т / Н.М. Шанский – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 470 с.